Проф. Р. Ю. ВИППЕР

Учебник истории

Древность

Рига, 1925
Издание акц. общ. Вальтере и Рапа

Оглавление.

Введение.

Глава I.

Глава II.

Глава III.

Глава IV.

Глава V.

Введение.

История человечества и ее источники.

Определение истории. Мы называем историей рассказ о событиях и переменах, испытанных народами и странами в течение многих веков. Историей мы называем также и самый ход событийв жизни народов и стран. Мы различаем: во 1) историю одного народа или одной страны; такова, наир., история русского народа, история Египта, история Франции и др.; во *2)* историю всех народов, оставивших по себе память; такую историю мы называем всеобщей.

Источники истории. Ученый историк для составления своего рассказа обращается к источникам, или памятникам истории, т. е. ищет различных известий о прошлом и следов прошлого. Когда он собирается излагать события недавнего времени, наиример, Великой войны 1914—1918 г.г. или империи Наполеона I (1799—1815 гг.), или деяний Петра Великого (1689—1725 гг.), его источники очень обильны: это — книги и газеты, указы иравитсльства, записки участников и свидетслей ироисшествий.

Чем глубже ученый заходит в старину, тем труднее ему найти точные известия о событиях, тсм меньше исторических источников. Газеты существуют Б Европе всего 300—400 лет, в Россни они появились впервые ири Петре I, около 200 лет назад. Книги печатные имеются только с 1455 года; до тех пор книги были рукописные, а так как рукописи изготовлялись в гораздо меньшем количестве экземпляров, их было труднее сохранить для потомства.

Нынешний историк может считать себя счастливым, если у него есть иредшественник, уже раньше позаботившийся собрать все сведения о своем народе, какие только сохранились. Для русской истории первым собирателем исторических известий был летописец, живший в Киеве около 1050 года после Рождества Христова, при великом киязе Ярославе. Когда он рассказывает о иредках этого князя, Рюрике, Олеге, Ольге, Святославе, живших за 150 и 100 лет до его времени, у него мало письменных источников, т. е. кем-нибудь записанных сведений. Он пользуется устными известиями, или преданиями, переходившими через стариков от одного поколения к другому.

Предания рассказывались в виде сказок или пелись в виде былин. В большей части русских былин поется об Илье Муромце и других богатырях, окружавших киязя В'ладимира Красное Солнышко, отца Ярослава. Предания хранят память об очень **от-**

даленных временах, гораздо более старинных, чем те, о которых могут порассказать книги. Однако точных сведений в них нельзя искать.

Например, имеется у многих народов предание о великом потопе,.уничтожившем все живое на земной поверхности. В этом предании есть доля правды: когда-то в наших краях было жарко подобно нынешней тропической Африке; но потом с севера надвинулись громадные льды, холод сгубил растення и животныя; по прошествии некоторого времени стало опять теплее, льды и снега растаяли, и из них образовались нынешние реки и озера Европы и Азии. Предание рассказывает об этих событиях коротко и неточно: оно передает только о самом конце—о наводнении—и не говорит о его причине—появлении снегов и льдов; оно представляет все происшествия делом нескольких недель, тогда как они тянулись десятки тысяч лет. Притом из предання не видно, когда же именно произошел потоп, задолго-ли до нашего времени.

Предання вплетают в рассказ о старинных людях разные чудеса, например: Илья Муромец, по былинам, сражается с чудовищами, с исполинами, побеждает целые рати воинов. Но, даже рассказывая о событнях правдоподобных, предание приписывает одному необыкновенному человеку то, что сделали общими силами многие люди.

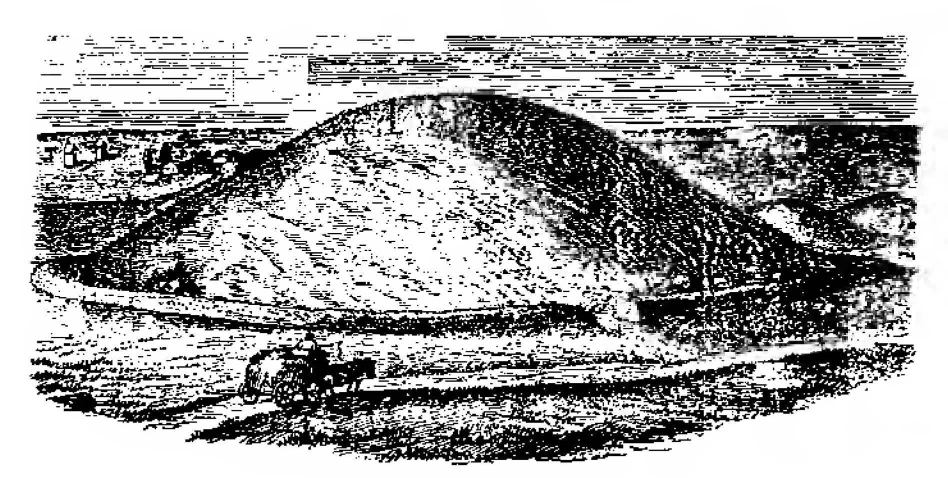
Археология. В поисках известий о прошлом, ученые обращаются еще к одному виду источников, именно, к остаткам человеческого быта.

В наших старых городах, Москве, Новгороде, Пскове, Смоленске, Ростове, Казани, стоят до сих пор кремли, т. е. обведенные стеной древние крепости, в которых население защищалось от нападення врага. Но по большей части старинные постройки разрушены, предметы обихода прежних людей разбиты и растеряны. Лишь с большими усилнями удается искателям старины подбирать инструменты, оружие, украшення, куски одежды, посуду, — предметы, бывшие в употреблении за 1000 и более лет до нашего времени. Вещи эти, хранящиеся в наших музеях, добыты большею частью нутем раскопок из-под верхнего слоя земли и мусора, который покрывает старые, покинутые и разрушенные жилища людей.

В 1748 году в Италии близ Неаполя у подножня вулкана Везувия принялись раскапывать землю и отрыли два города, Геркулан и Помпеи, разрушенные извержением этого вулкана, засыпанные пеплом и залитые лавой: на свет Божий появились улицы и тротуары, фундаменты домов, кое-где уцелевшие стены, убранство комнат, мебель, утварь, статуи и безделушки, нашлись останки людей. Извержение это произошло в 79 году после Рождества Христова, во времена римского императора Тита, когда римляне, предки нынешних итальянцев, правили великой империей, охватывавшей все страны кругом Средиземного моря. Ужасное действие вулкана похоронило сразу цветущие города,

но в то же время помогло сберечь для потомства картину жизни, какой не мог бы дать ни один писатель: по остаткам, найденным в Помпеях, мы узнаем, как одевались, как проводили день, как развлекались горожане римской империи за 19 веков до нашего времени.

В нашей стране очень интересные находки были сделаны в курганах, т. е. больших старинных могильных насыиях. В 1862 г. русские ученые раскопали большой Чертомлыцкий курган, расположенный на верховьях речки Чертомлык, впадающей в Днеир, в нижнем его течении. Насыпь имела в окружиости 165 сажен, бока ее подпирались огромными камиями; она покрывала несколько гробниц, в середине которых находилась большая мо-

Вид Алексаидропольского кургапа (близ Дпепра).

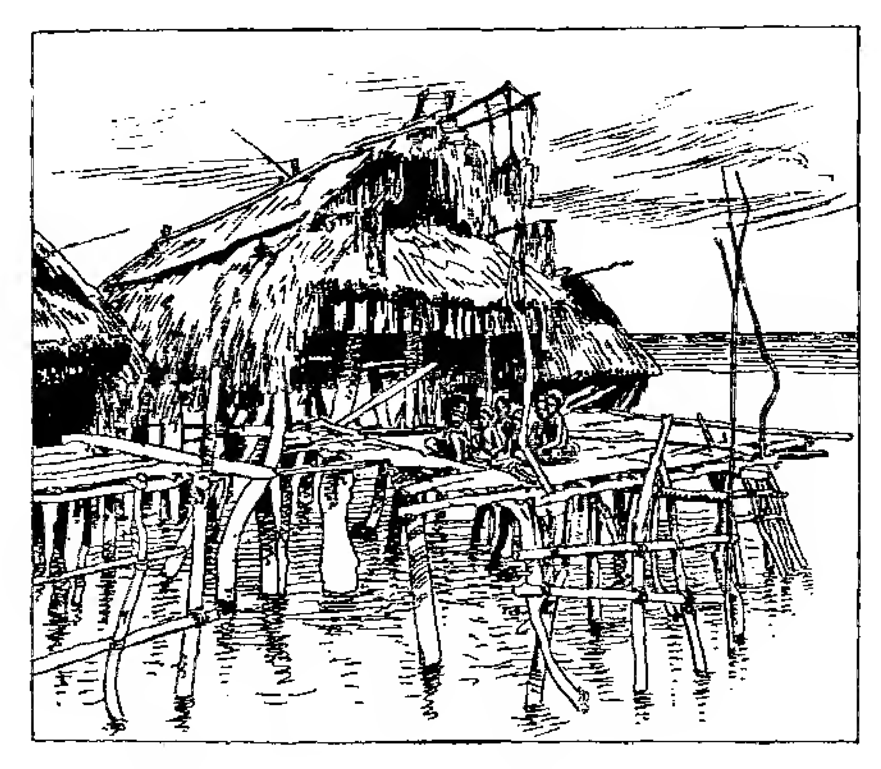
гила: видно, что тут был похоронен вождь, киязь или царь, а кругом его близкие и слуги. В могилах лежали золотые и серебряные украшения, медное и железное оружие, богато вышитые одежды. Кроме людей, были похоронены кони вместс со множеством изукрашенных удил, уздечек и седел. На вершине кургана стояло большое, выше человеческого роста, каменное изображение воителя (народ зовет такие фигуры „каменными бабами[1]).

Ученые, разбиравшие эти останки, выяснили, что громадные могилы должиы принадлежать скифам, народу, кочевавшему в нынешней южиой России по низовьям Днеира и .Дона за две слишком тысячи лет до нашего времени. В этой догадке они опирались на сведения греческого историка и нутешественника Геро-

дота (его годы жизни 483—424 до Рождества Христова), который описал быт скифов, их увлечение коневодством, их жестокие погребальные обычаи, где вместе с вождем хоронили убитых на могиле его слуг, точно посылая их в догонку за ним на тот свет.

Уменье производить раскопки, распознавать, какому народу и времени принадлежат добытые остатки человеческого быта, составляет очень сложную науку — археологию (от греческого слова архёос = древний и лбгос = слово, наука).

При помощи археологии мы добираемся до следов жизни, весьма отдаленной, до таких времен, о которых уже нет никаких

Образчик свайпой постройки у дикарей Новой Гвипеи.

записей и преданий. Раскопки на дне швейцарских озер открывают нам остатки свайных деревень, которые составляли как бы островки, отделенные от берега водой, служа для защиты людей и домашней скотины от дикого зверя; в таких деревнях европейцы жили 5—10 тысяч лет тому назад. Еще более ранние времена раскрываются перед нами благодаря разысканиям в пещерах южной Франции и северной Испании, служнвших жилищами древних охотников 40—50 тысяч лет тому назад. И, наконец, исследование громадных куч мусора и кухонных отбросов на западном берегу Дании открывает нам быт бес-

конечно древний, когда люди не имели ни хозяйствами запасов, а питались выброшенными ириливом рыбами, устрицами, моллюсками.

Все эти открытия археологии составляют как бы вступление к истории. Времена, описываемые археологами, называют поэтому доисторическими.

Хронология. В историческом рассказе очень важно установить порядок событий: что случилось раньше, что позже; например: когда жили скифы в России, долго-ли сохранялось господство Киева, когда началось возвышение Москвы и т. д. Определение времени в истории называется **хронологией** (от греческого слова хронос — время)-.

Счет времени не одинаков у разных народов света: у каждого своя эра, т. е. свое памятное великое событие, с которого начинается счет времени. Для римлян эрой было основание города Рима; они, наиример, говорили: «в 245 году от основания города народ изгнал наследственного царя и стал избирать ежегодно двух консулов». Европейцы, иринявшие христианство, отсчитывают годы своей истории от Рождества Христова. У мусульман, последователей учения Мохамеда, эрой служит бегство этого пророка из Мекки и основание им в Медине первой иравоверной общины: по христианскому счету это выходит 622 год после Рождества Христова.

Кроме точного обозначения событий по годам мы считаем еще веками, или столетиями; например: бегство Мохамеда приходится на седьмой век по Р. Х. (седьмой век обнимает сто лет от 601 до 700 года). Век, в котором мы живем, двадцатый, начался с 1901 года, а 1900-ым годом закончилось столетие девятнадцатое.

То, **что** случилось раньше нашей эры, мы обозначаем обратным счетом, т. е. годами и веками до Рождества Христова. Мы говорим: Рим основан в 754 г. до Р. Х.; пирамиды были возведены в Египте в 30-м веке до Р. Х. и т. д.

Для времен более отдаленных, о которых мы узнаем по раскопкам, нельзя установить такого точного счета. У археологов слово «век» имеет поэтому другой смысл: под веком они разумеют уже не столетие, а тысячелетие, иногда десяток тысяч лет. Они различают века сообразно характеру орудий, употреблявшихся людьми: раннее время называют каменным веком, позднее металлическим.

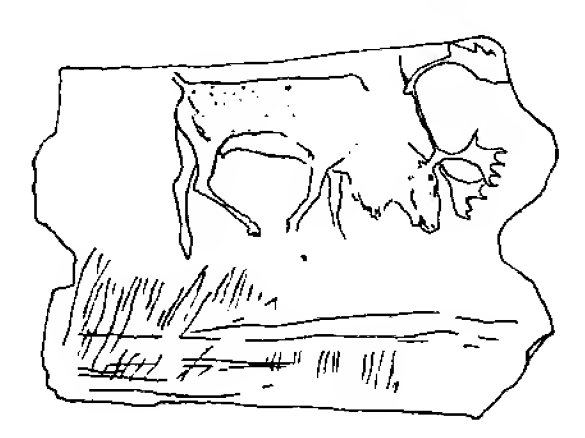
Добывать и обрабатывать металлы люди стали сравнительно недавно: в Европе не более 4 или 5 тысяч лет тому назад. Камениый же век несравнениo длиннее металлического. Археологи -еще различают в нем век старый каменный (палеолитический от греческих слов: палеос = древний и литос = камень), время кочевой охотничьей жизни, и век новый каменный (нео-литический, от греч. неос = новый), время земледелия, постройки городов, ирименения письма.

Глава I.

Древнейшие века человеческой культуры.

Быт древних охотников. О том, давно-ли появился человек на земле, археологи ничего не могут сказать. По раскопкам видно только, *что уже 30 и 40 тысяч лет тому назад* в Европе и в Азии жили люди, знавшие употребление огня, применявшие орудия, мастера в искусстве.

Жили они в климате суровом и холодном, наступившем после большого ледяного потопа. Тающие снега и льды обращались в громадные, мощные потоки, которые шумно неслись, затопляя низины, вырывая с корнем деревья, образуя обширные болота и озера; реки служили скорее преградой для движення

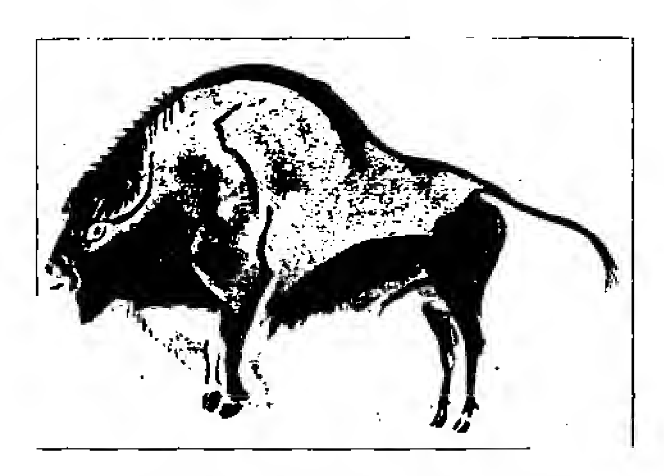
Северпый олепь в изображепии стариппых людей.

человека, чем средством сообщения. Людей окружали крупные звери, теперь исчезнувшие или ушедшие на холодные окраины: мамонт — высокий слон с чернобурой густой шерстью, длинной гривой и сильно загнутыми клыками; зубр — горбатый бык, тоже с гривой и с бородой; большой длинношерстый *олень*, которого мы теперь зовем северным. Лошади и рогатый скот водились только в диком виде. Многочисленные хищники: медведи, волки, рыси, тигры, барсы — угрожали существованию человеческой породы.

Среди этого звериного царства люди жили рыболовством и охотой. Они забирались в земляные ямы, в роде барсучьих или лисьих нор, и в *пещеры*, причем иногда они отбивали жилье у дикого зверя, иногда он их выгонял оттуда. Хлеба они не се-

яли, обработки полей и огородов не знали, собирали дико растущие плоды, ягоды, коренья; домашних животных при них не имелось, даже собаки не было для помощи на охоте. К изготовлению металлов они не обращались; орудия они делали из звериных и рыбьих костей, из оленьего рога и Мамонтова клыка, из твердых пород камия, особенно из кремия и еще из обсидиана (похожего на коричневое стекло).

Больших рыб они кололи острогой, которую выделывали из спинного хребта зверя, обрубив и заострив концы ребер; они старались также отравить каким-нибудь ядом водоемы и ручьи, чтобы выловить потом всю заснувшую рыбу. На зверя им служило оружием копье или лук со стрелой; но так как маленькая стрелка из заостренной кости или кремия могла только слегка ранить зверя, то охотник снабжал ее ядом, который ироникал ,в сердце раненого и вызывал смерть; для помещения яда сбоку стрелы проводилась небольшая бороздка. Человек прибегал также к разным хитростям: ставил лисе и зайцу западни, а для

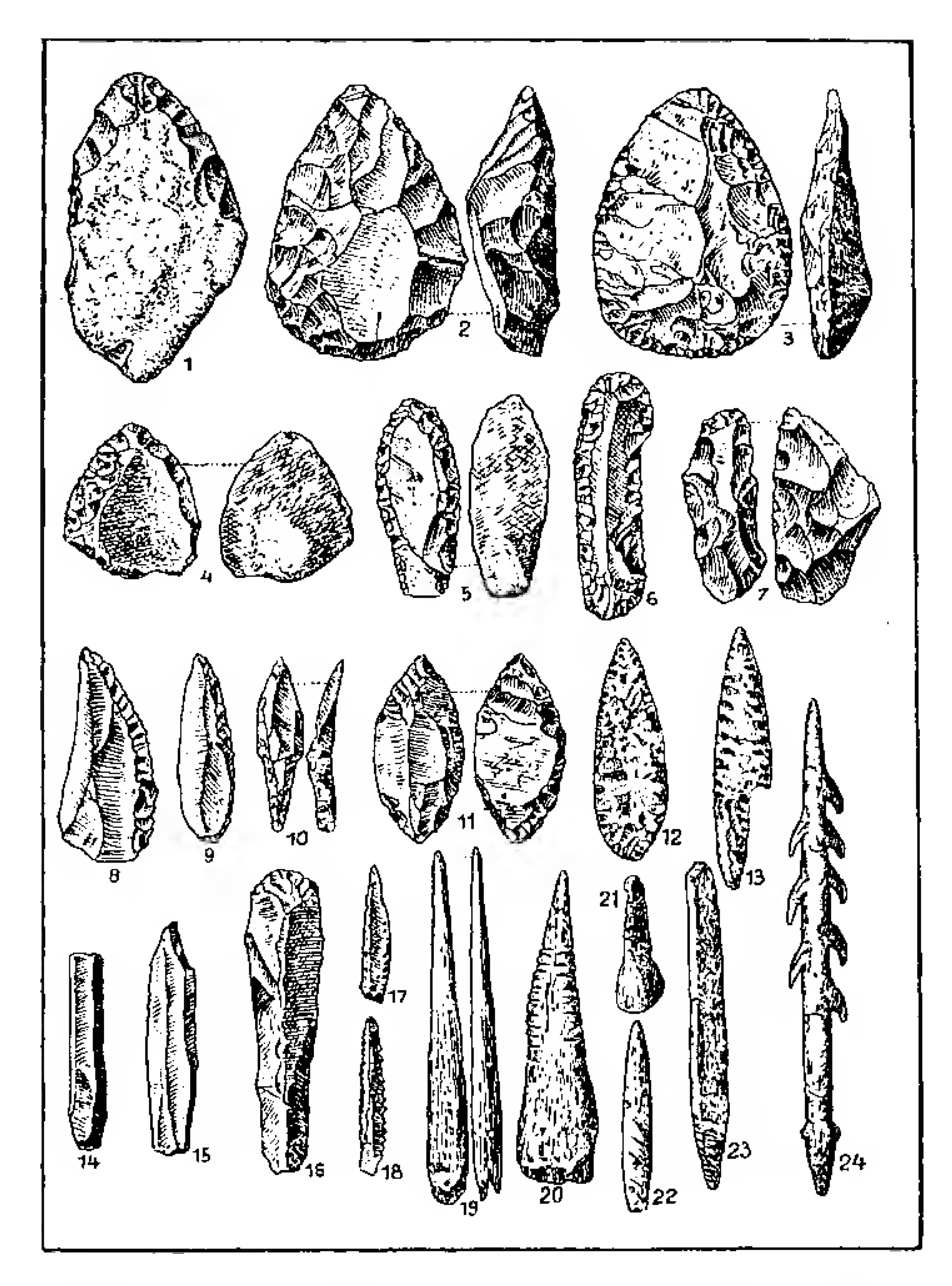

Из картип, паписаппых красками па- своде пещеры Альтамира: дикий бизоп па воле.

олеия и дикой лошади устраивал завалы, в виде ям, прикрытых хворостом, старался загнать туда зверя, чтобы добить его потом своими стрелами и копьями.

Убивши олеия, охотники жадно бросались на любимое лакомство: просверливали рог у сгиба и выпивали теплый еще мозг животного. Они разрезали тушу убитого зверя камениым ножом, отделяли от шкуры мясо и внутренности, жарили их на раскаленных камиях; камениым скребком они потом очищали изнутри кожу и сшивали из кусков мохнатой шкуры кафтаны, шапки, сапоги.

Для всех названных дел нужно много проворства рук, глазо-

Орудия старого камениого века из камня (1 — 16), кости (17 — 19, 21, 22) и рога (20, 23, 24). Два рисунка под одним и тем же номером показывают орудие с двух сторон: спереди и сбоку. По таблице можно видеть, как улучшалось мастерство человека: в верхнем ряду—самые старинные вещи, еще грубо сделанные, в двух нижних — самые новые, более искусные по выделке, срав, напр., клинок 1 с клинком 12 и 13.

мер, наблюдательность. Чтобы открыть ядовитые растения, необходимо долго и вниматсльно изучать травы и цветы в лесу и на лугу; и уже если кто знает яды, то знает и противоядия, т. е. лекарственные травы, которыми можио утишать боль, залечивать рану.

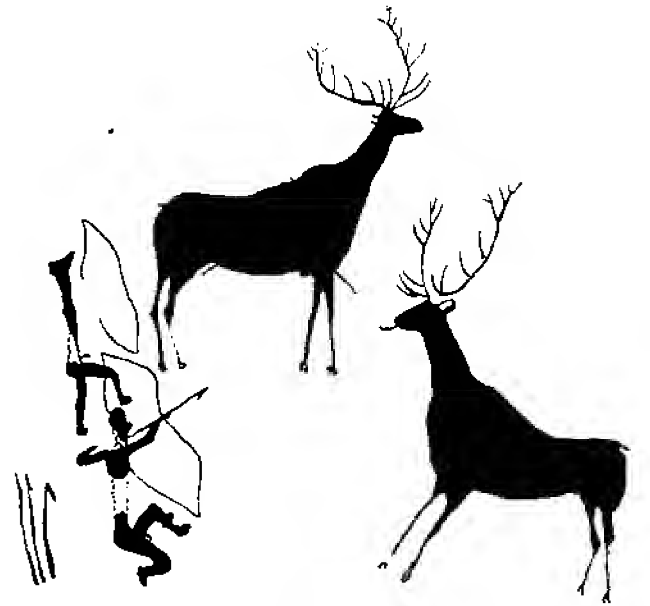
Чтобы делать орудия из кремня, нужно осторожной и верной рукой обрабатывать каменные глыбы. Мастср сильно нажимал на верхний край каменного желвака или стукал по нем коротким и сильным ударом: таким образом он откалывая длинную каменную щену; заостряя один ее конец, он получал шило или бурав; отсекая мелкие кусочки по одному иродольному краю, получал нож, топор, пилку, скребок, орудия с одним лезвеем; отсекая кусочки с двух сторон — стрелу, копье, кинжал, орудия с двумя лезвеями. Каменную или костяную стрелу и копье охотники подвязывали к деревянной палке рыбьей или оленьей жилой; топор чаще всего употребляли без рукоятки, забравши тупой конец в руку; а то всаживали каменный клин в расщепленную кость или в иросверленный олений рог; из тонкой рыбьей кости, прорезав ушко на одном конце, заострив другой, получали иглу для шитья.

Топоры, ножи, скребки, пилки древних охотников, сравнитсльно с нашими орудиями, очень мелки. Некоторые из этих вещей сделаны грубо, едва тронуты рукой человека, другие, наиротив, отличаются чрезвычайно тщательной и искусной отделкой. Первые иринадлежат более древней поре, вторые — более поздней. Долгое время люди бились над материалом и лишь постепенио стали находить ириемы обделки: всякнй раз младшее поколение, выучившись у старшего, что-нибудь прибавляло к его уменью; руки и пальцы становились ловчее и увереннее. Наконец, среди мастеров появились настоящие художники: кроме орудий, которые служили для борьбы со зверем и для ириготовления пищи и одежды, они выделывали разные иредметы для забавы, для передачи мыслей, для колдовства.

В пещерах, раскопанных археологами, нашлись свистки, волчки, фигурки зверей, рукоятки кинжалов, в виде лошадиной головы или ирисевшего к земле оленя; палочки из клыка мамонта с нарезными знаками, показывающими, что древние люди умели считать и объясняться посредством сочиненной ими азбуки. Встречаются чертежи и рисунки в больших размерах. Особенно замечательна картина на забеленной стсне пещеры Альтамира (в северной Испании), изображающая зубров и лошадей, пасущихся на воле, скачущих и бегущих; уверенной рукой ироведены черные контуры, обозначены дико блестящие глаза, щетинистая грива; фигуры покрыты различными красками: коричневой, красной, желтой, розовой.

Вера старинных людей. Пещеры, где нарисованы так живо и художественно животныя, находятся в конце глубоких и запутанных подземных ходов; в них совершенно темно, и художники для своей работы должны были зажигать огонь. Надо ду-

мать, что картины так же, как резьба на палочках, служили не развлечению, а скорее волшебству: в изображенных зверях вндели 'необыкновенные существа, их почитали, как вопло-

Охотпики стреляют в аптилоп (рисупок старипных людей).

щение могучих духов, к ним обращались с молитвами о помощи, о даровании всяких благ. Среди охотников встречались кол-

Страусы (рисупок современпых бушмепов)

дуны, которые умели заклинать зверей, знали их таинетвенные свойетва.

И волшебные палочки с нарезными знаками, и поклонение животным встречаются у нынешних диких охотничьих илемен,

живущих вдали от образованных народов, напр. у краснокожих колумбийцев в северозападной Америке или у степняков, кочующих в глубине Австралии. Иногда небольшой жезл означает объявление войны и посылается в решительную минуту врагу. Иногда дощечки, деревянные или костяные, считаются за местоиребывание душ умерших предков: старики берегут их в скрытом местс и гадают по ним о будущем. Почитаются у нынеішшх диких охотников не только крупные животныя, медведи, волки, орлы, но часто мелкие существа, змеи, ящерицы, кузнечики, движения которых кажутся почему-нибудь загадочными и внушают дикарю суеверный страх.

Многие охотники любят рисовать картины ловли зверей, например: чукчи в северовосточной Сибири изображают свои поездки на санях, заиряженных олеиями; малорослые бушмены в южиой Африке рисуют антилоп и носорогов, за которыми охотятся. Австралийские, африканские и американские дикари раскрашивают свое тсло и лицо красками (татуируются); это

Эскимосские игрушки (резьба из кости).

обычай очень старый: среди остатков древнего быта археологи находят комочки из жирного притирания, которым старинные люди намазывали свое тсло в ярко-красный цвет.

Эти черты сходства в орудиях и в искусстве показывают, что нынешние дикие охотники не что иное, как остаток старинного человечества, сохранившийся до нашего времени. Правда, они очень огрубели, многое забыли из древних искусств, но все-таки по их обычаям можио судить о правах и понятиях древних людей.

Окруженные большими хнщными зверями, бессильные иротив гроз, наводнений, смерча и других явленнй ирироды, дикари полны разных страхов, но в то же время готовы верить во всякое чудо; везде им видится дух или бог, который иробивается из земли: в старом дереве, растущем с незапамятных времен, в большом камне, имеющем странную форму.

По временам дикарю кажется, что в нем самом завелась необычайная сила: чтобы поразить своего врага, который далек и

недоступен, ан изготовляет из глины слепочек человека и протыкает его стрелой, уверенный, что в ту же минуту погибнет тот, кого он изобразил. Иногда волшебные действия совершаются сообща большим числом людей зараз; например, когда ушли бизоны, главный предмет охоты, их стараются онять привлечь пляской с оружнем в руках, в которой участвуют все охотники округи.

Очень боятся дикари духов умерших людей. По их мнению, дух умершего, хотя и покинул тело, но улетел не далеко: он часто посещает свой старый дом, досаждает жнвым, мучнт их по ночам. Жители Никобарских островов (в Индийском океане) придумали такой способ избавляться от беспокойных духов: они изготовляют особый корабль, на который стараются привлечь духов вкусными яствами; корабль отвозят в открытое море и оставляют там, в уверенности, что духи погибнут с голода, потому что пища им положена только на три дня.

В сравнении с народами образованными, дикари ведут жизнь крайне неправильную: они могут день и ночь проводить на охоте, гоняться за зверем без устали и отдыха, а зато потом целые дни лежать без дела или отдаваться игре и пляске, одеваясь в пестрые перья птиц, нацепляя смешные и уродливые маски, чтобы изобразить собой духов. Они могут долго без перерыва возиться над изготовлением игрушки, но не подумают распахивать землю, исполнять однообразное, расположенное в строгом порядке дело. Больше всего ценят они свободу, подневольной же работы не выносят.

Конец старого каменного века. В описанном быту люди жнли очень долго, несколько тысячелетий. Поворот в их жизни наступил вследствие изменення климата. В Европе и в Азии становилось все теилее и теплее: льды отступили от середины материка к Полярному морю. Северный олень, которому при его густой шерети жарко уже в меетности нынешнего Петербурга, ушел к прибрежьям Белого моря.

От таяння ледников прибавилось много воды, поднялся уровень рек, они залили большую часть пещер, в которых жнли охотники. От исчезновення дичи и от наводнений люди стали голодать, болеть и вымирать. Перевелись искусные мастера, забылись их тонкие художественные приемы, знання и уменья колдунов и лекарей; онять появились грубые нескладные орудня. Чаеть охотников, не умея приспособиться к переменам, бросилась вслед за уходящими оленями в холодные страны.

Старый камениый век коичился более, чем за 10.000 лет до ' нашего времени. Новая жизнь началась в другом климате, у других илемен. Ее первым шагом было *приручение животных и земледелие*. Эти изобретення составили основу *культуры*, т. е. знаний и богатства народов, которые ныне господствуют на земном шаре.

Культура скотоводов и земледельцев. От Атлантического океана через северную Африку и во всю ширину Азии до Ве-

ликого океана тянется обширная полоса степей и пустынь, на западном краю которой находится Сахара, на восточном Гоби. Здесь климат иной, чем в странах лесистого севера Европы и Азии, более сухой и здоровый. Другие животныя окружают человека: не те быстроногие бегуны, в роде оленей, лосей и кабанов, которых так трудно догнать охотнику, а медлительные незлобивые козы, овцы, рогатый скот, которые как будто сами жмутся к людям, ищут их защиты, держатся около человеческого жилья стадами.

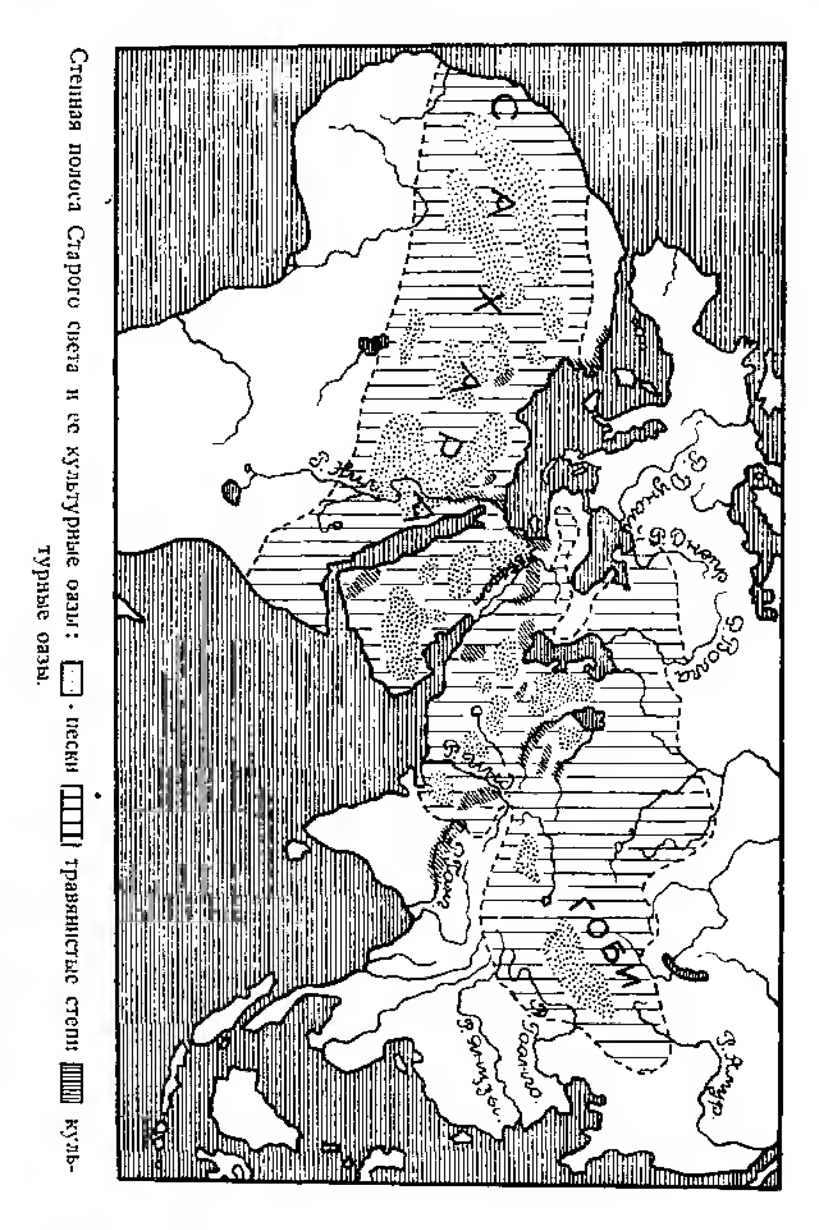
Обладатели овец и коров, добывая молоко животных, пользуясь их мясом и шерстью, перестали видеть в охоте главное средство пропитания и обратились в скотоводов. Они не только сделали счастливую находку в окружающей их природе, но также проявили большое искусство в приручении животных. Диких пород рогатого и мелкого скота на свете очень много; скотоводы сумели, после долгого и внимательного наблюдения, выбрать из них такие, которые особенно пригодны для человека; затем, ухаживая за животными, подбирая из них самых красивых и здоровых, они улучшили качество скота, развели густошерстых, тонкорунных овец, богатых молоком коров. Далее они решились на новые опыты, захватили в степи дикую лошадь и приспособили ее для верховой езды, загнали к себе верблюда и применили его для переноса тяжестей. Наконец, они приручили одного из плотоядных зверей, собаку, которая стала оберегать их стада от других хищников.

Быт скотоводов богаче жизни охотников. Питание и одежда обеспечены у них на круглый год и не зависят от случайных встреч со зверем. Их занимает только одна большая забота — найти корм и питье для скота. Весною и летом сочные степные травы и злаки дают все, что нужно; трудно становится к осени, когда степь выгорает и почва сохнет. В эту пору скотоводам приходится перебираться к источникам и колодцам, отыскивать *оазы*, т. е. полоски земли по течению рек или в горных долинах, где держится постоянная влага, растут пальмы, плодовые деревья, где вечная зелень.

Странствования за кормом для животных создают у скотоводов другой образ жизни сравнительно с охотниками, бродившими за дичью с оружием в руках: они *кочуют*, т. е. в правильные сроки передвигаются всей семьей и со всем домашним скарбом. В то время, как охотники, чтобы скрываться от непогоды, отыскивали берлоги и пещеры, случайно данные самой природой, скотоводы сооружают себе жилища, обтягивая переплет из шестов и жердей шкурами и войлоками; эти юрты и кибитки при передвижении разбираются и по частям грузятся на вьючный скот или телеги, везомые упряжными животными. Обыкновенно табор скотоводов располагается кольцом вокруг большого загона, куда на ночь укрывается весь скот.

У скотоводов иные наблюдения над природой, чем у охотников. Благодаря постоянным передвижениям, они — большие

маетера запоминать дорогу; в однообразной нустыне они зорким глазом улавливают малейшие предметы. Ночью они определяют положение по звездам; при постоянно почти безоблач-

Степная полоса Старого света и ее культурные оазы: [ ] - пески [ ] травянистые степи [ ] культурные оазы.

ном небе в степях они привыкли наблюдать ярко блешущие светила, различать звезды подвижные от неподвижных, они знают время восхода каждой. Можно сказать, что **астрономия**, наука о небесных светилах, родилась у степных народов: не даром

до сих пор у нас сохраняются названия звезд, перешедшие от кочевых арабов, например: яркий Альдебаран в созвездии Тельца или Альтаир в созвездии Орла (аль-таир = летящий орел).

Охотники держатся небольшими лагерями в несколько десятков человек; в охотничьем быту юноши рано становятся самостоятельны и уходят от старой семьи. Как бы умны ни были выдающиеся люди среди охотников, стрелки, колдуны, знатоки трав, художники, круг их деятельности остается ограниченным, они не могут получить большую власть над другими: охотники очень ценят независимость и не любят подчиняться чьей-либо команде. Иначе у скотоводов. Взрослые сыновья остаются при отце и под его началом берегут большие стада, нарастающие вместе с расширением семьи. Если глава дома — человек с сильным умом и волей, его власть простирается на внуков и племянников, на целый *род*; он окружает себя многочисленными слугами, пастухами и работниками из людей, отдавшихся под его покровительство. Все споры между родственниками и подчиненными он решает по своему усмотрению, определяет вину и наказание; никто не смеет возразить *владыке*, если он присудил провинившемуся смерть или изгнание. К нему приносят новорожденных, и опять от него зависит, признать-ли ребенка членом рода или выбросить его. Он один за всех других совершает гадания, призывает помощь сильных духов и богов, лишь от него подчиненные узнают волю божества. После смерти его вспоминают со страхом и благоговением: о его делах рассказывают, как о подвигах *героя*, т. е. человека сверхъестественной силы; его чтят, как *патриарха* (родоначальника большого потомства, нескольких сот людей).

От приручения животных скотоводы пришли к *изобретению земледелия*. Никогда и нигде люди не могли ограничиться одной животной пищей; им необходимы сырые плоды, приварок из муки и овощей. В поисках растительной пищи, следя за своими животными на лугах, скотоводы заметили среди степных трав злаки, быстро выростающие летом и несущие обильные зерном колосья; они начали в оазах сеять ячмень, овёс, просо, пшеницу, применяя к работам стада своих ручных животных. Новое занятие делало ненужным передвижение со скотом, так как корм для него можно было запасать на весь год сбором полевых растений в конце лета; напротив, оно привязало к месту тех, кто ему отдался, так как большую часть года нельзя было отлучаться от своих полей. Скотоводы-земледельцы перестали кочевать и сделались *оседлыми*: вместо переносных шатров они начали строить деревянные избы и глиняные мазанки; вместо передвижных лагерей появились *деревни*.

Земледельцы вырабатывают так много, что могут прокормить не только свои семьи, но также дать пропитание посторонним. Поэтому, с переходом к земледелию, в больших оазах начинает скопляться много населения. Богатые запасы трудолюбивых и обстоятельных земледельцев привлекают жадное внимание степ-

ияков, оставшихся в кочевом быту; из пустыни то и дело воители делают набеги на поля и деревни. Завязывается борьба, которая заставляет земледельцев огораживать свои деревни стенами, деревянными или каменными, обращать их в города. Владыки, правящие отдельными родами, чтобы дать отпор по-

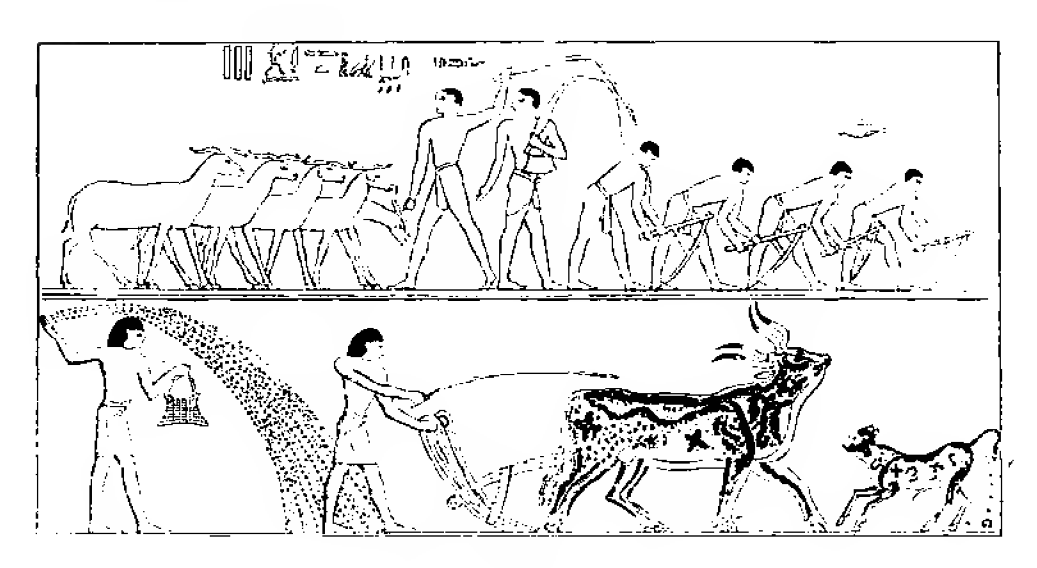
Старинная египетская каменная статуя: принц Кен-Нефер изображен сидящим; на его одежде наднись, нодробно объясняющая его звание и занятия.

сторонним воителям, составляют между собою союз, выбирают из своей среды главу^, признают его царем над всеми жителями края, соединившимися для общей защиты. Случалось однако, что земледельцы терпели поражения от большой орды налетевших из степи воителей и подчинялись пришельцам; тогда владетелем запасов и царем всей страны становился вождь кочевников.

Земледельческое государство в Египте. Из всех оазов вели-

кой степной полосы Старого Света самый замечательный — Египет. Расположенный в северовосточном углу Африки вдоль нижнего течения реки Нила, он состоит из двух частей : 1) на юге, начиная от порогов Нила, отделяющих страпу от Нубии, тянется вдоль течения великой реки, на растоянии 800 верст узкая полоса земли, иногда не более 15 верст шириной; это — Верхний Египет, долина, прорытая Нилом среди двух цепей возвышенностей: Аравийской — на востоке и Ливийской — на западе; 2) на севере, где Нил перед впадением в море разветвляется на рукава, открывается широкая плоская равнина, в виде треугольника, или опрокипутой греч. буквы А (дельты); это — Нижний Египет; здесь раньше был морской залив, и земля образовалась от наносов Нила; течение реки тут ослабевает, и вода застаивается в обширных приморских болотах.

Могучая река отвоевала у громадной пустыни плодородпую

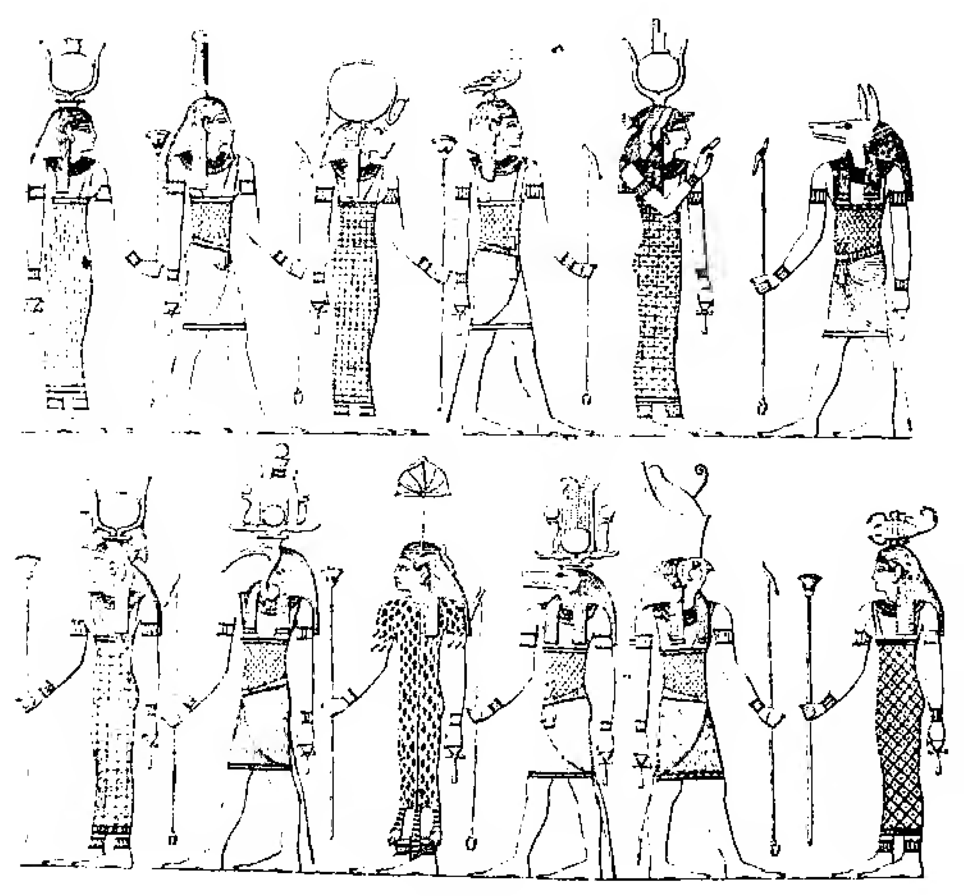
Нолевые работы в Егинте.

землю и ежегодно обновляет ее' своими наводнениями. С конца июня Нил приносит массу воды, образующейся от таяния снегов в горах Абиссинии, где начинается правый его исток, река Сиияя (т. е. темная). Эта влага крайне пужна земле, накаливаемой тропическим солнцем, так как в Египте почти не бывает дождей. Кроме орошения, река доставляет еще затопленным ею полям и лугам землеудобрительный ил, принося размельченные частицы гор и скал, срываемые ею в верхнем течении.

Четыре месяца стоит вода в долине Нила. Когда наводнение прекращалось, египетские земледельцы спешили засевать поля, чтобы успеть собрать жатву, пока не наступила засуха. Они впрягали в деревянные плуги, разрыхлявшие землю, быков, потом размельчали взрытые комья ручной мотыгой; после посева

прогоияли по полю овец, чтобы они втоптали зерно в землю. Ручные жнвотныя применялись еще раз после жатвы: пшеницу и ячмень молотили, гоняя по гумну быков и ослов. На время засухи стада жнвотных уводили в болота Нижнего Египта, а во время наводнення они паслись в степях Аравийской возвышенности.

От древних охотников осталась у земледельцев вера в особую таинственпую силу жнвотных; богов представляли

Егинетские боги.

себе в зверином образе, в виде быка, крокодила, ибиса (нильской цапли), львицы, шакала и т. д.. Хора, бога света, почитаемого в Верхнем Егиите, воображали соколом или человеком с головой хищной птицы, которая украшена высоким убором в виде солнечного круга, обвитого змеями. На голове богини небес Хатор, почитаемой в Нижнем Египте, рисовали корону с рогами коровы. В каждом городе было свое священное

животное, которое берегли, кормили отборной пищей, после смерти хоронили в особой могиле.

За 4000 лет до Р. X. т. е. за 6000 лет до нашего времени Нильский оаз был разделен между двумя вождями воителей, по□ явившихся из степей, царем Нижнего Египта и царем Египта Верхнего. Оба они считались сыновьями бога Хора; они привязывали к поясу своему хвост льва, царственного зверя; на голове один носил высокий белый шлем, другой —■ красную чалму с султаном.

Властители юга, один за другим, стремились покорить север; во главе своего воинства, они снускались на барках вниз по реке. Война была жестокая и беспощадная. Один из завоевателей выбрал себе страшное прозвище Скорпиона; другой заказал художнику изобразить на скипетре (волшебной царской палочке),

s

Егинетские воины старинного времени.

как он, схвативши поверженного врага за волосы, размахивается на' него дубиной, как у его ног кучей набросаны головы побежденных. В 3300 г. до Р. X. царь Верхнего Египта Менее окончательно покорил северное царство, занимавшее Дельту, и в знак своей новой власти надел двойную корону: белый шлем, обвитый красной чалмой. Чтобы лучше обозревать свои владения, Менее выстроил на самой границе царств, где Нил покидает узкую долину, «белокаменную» крепость и основал в ней свою столицу; кругом нее вырос потом большой город Мемфис. Египет объединился, стал одним государством, т. е. большая страна и многочисленный народ — несколько миллионов людей — подчинились воле немногих сплоченных вместс, сильно вооруженных личностей.

Тот же самый могущественный царь Менее, желая расширить область земледелия, приказал выстроить близ Мемфиса громадную плотину, чтобы загораживать реке разлив и доставлять воду полям, отдаленным от Нила. Со времени Менеса начались

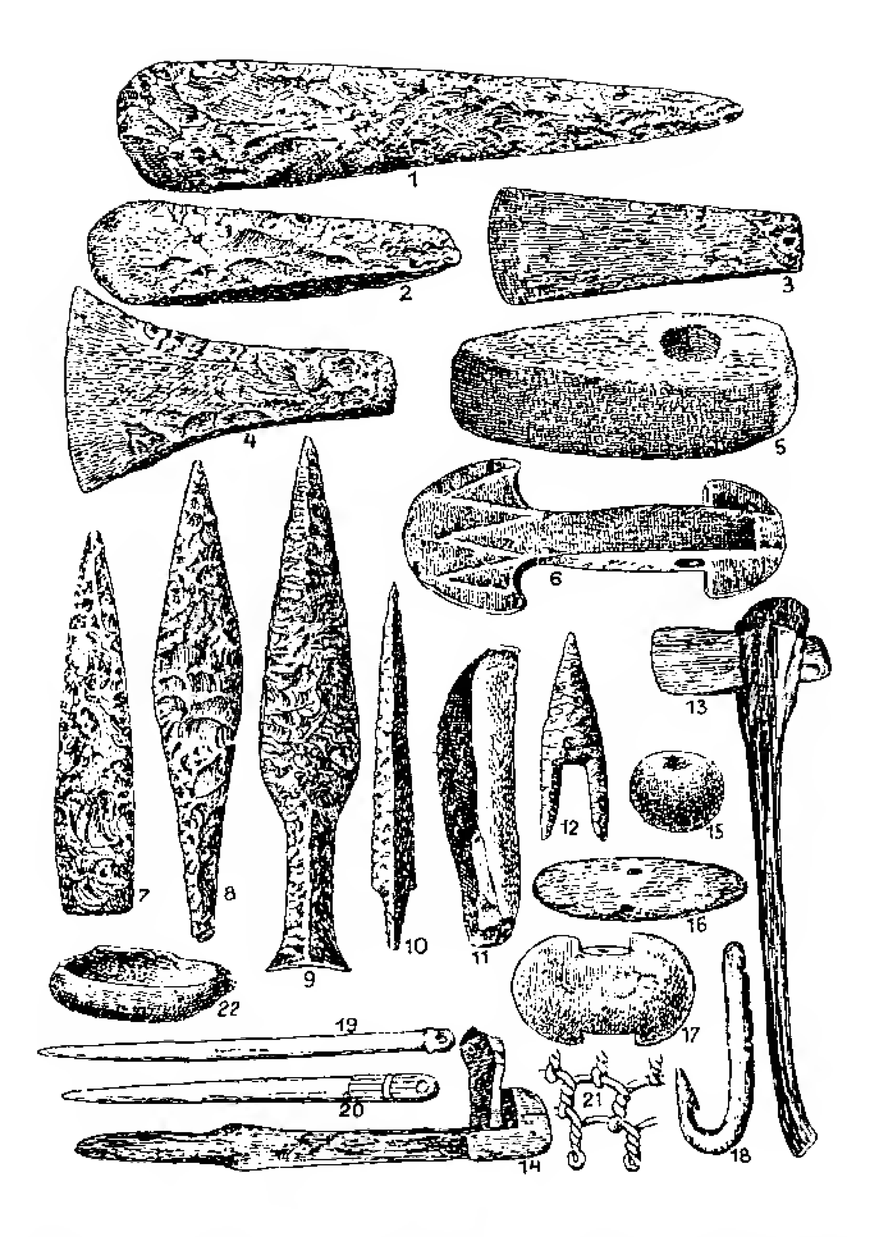
крупные сооружения египтян: они выкопали вдоль реки длинные каналы, как бы новые русла, и соединили их с рекой каналами поперечными, которые у самой реки перегораживались плотинами; вдоль каналов были возведены насыпи, укрепленные помостами; поверх насыпей проходили дороги, обсаженные деревьями. У нильских порогов, там где река вступает в Египет, был поставлен ниломер, т. е. шест с делениями, на котором отмечали уровень наводнений за каждый год. Как только вода подиялась "до черты с надписью «достаточно», дается сигнал по всей стране; тогда открывают плотины, посредством которых загорожен путь воде из Нила в поперечные каналы. Река вливается в повороты, затем в продольные рукава; к началу отлива плотины опять запирают и воде загораживают обратный выход. Отдавши часть разлива долине, Нил потом уже приносил меньше воды в Дельту, и она спасалась от потопления.

Сам верховный властитель Египта объявил себя покровителем и наставником земледелия; сельские работы начинались с большого праздника «взрыхления земли», на котором появлялся царь в праздничной одежде, в сопровождении своих детей; он брал в руки мотыгу, ударял ею по земле и бросал первые семена.

Орудия и знания нового каменного века. Копать каналы, срубать и обтесывать деревья для постройки плотин и помостов нельзя было теми мелкими и хрупкими орудиями, какие употребляли древние охотники. Египтяне, стали применять иного рода материал: в Аравийских горах есть камни, не столь ломкие, как кремень и обсидиан, и в то же время более мягкие, легче поддающиеся обработке. Топор, например, получался гораздо более крупных размеров: лезвее приготовляли уже не откалыванием кусочков, а обтесыванием клина другим камнем, иначе говоря полированием, шлифовкой; на тупом конце клина просверливали буравом, при помощи мокрого песку, отверстие, в которое и всаживалась рукоятка.

Археологи называют времена, когда пользовались этими более крупными и полированными орудиями, новым каменным веком. Египетские мастера, в поисках красивых и мягких каменных пород, врубались глубоко в скалы и пещеры; они находили в каменоломиях, в наносах рек все новые и новые чудеса, камни ярких цветов, прозрачные, синие и зеленые, затем крупинки блестящего золота, а также куски похожей на золото меди. С необычайным искусством и терпением египетские мастера выдалбливали впутри и закругляли снаружи каменные кувшины и чаши; из редкостных сверкающих самоцветных кусочков готовили они ожерелья, серьги, браслеты.

Работа в новом каменном веке требовала от мастеров новых знаний, каких не имели древние охотники. Для проведения каналов и мостов пужны сведения по математике и механике. Наставником в этой мудрости считался бог Пта, строитель всех видимых предметов на свете, главное святилище которого находилось в Мемфисе; хранителями знаний, необходи-

Орудия нового каменного века. Сравнительно со старым каменным веком искусство выделки из камия И кости чрезвычайно ноднялось: клинки крунны и тоньше обделаны. Заслуживают внимания тонкие лезвия и острия клинков 1, 3, 4, конья 9 и Ю, стрелки 12, шлифовка 3, 4, 5, 6. Во многих орудиях нросверлены отверстия для рукоятки; 13 — каменный клинок, кренко насаженный на рог; 21 — веревочная сеть; 19 и 20 — костяные иглы.

мых для инженерного и архитектурного дела, были священники, служившие этому богу; первосвященник Пта назывался «верховным руководителем искусств и ремесл».

Для помощи земледельцу пужна еще одна наука — астрономия. В Египте три времени года: наводнение, расцвет жизни и засуха; они наступают в очень определенные сроки, и, для успешного выполнения полевых работ, необходим точный счет вре-

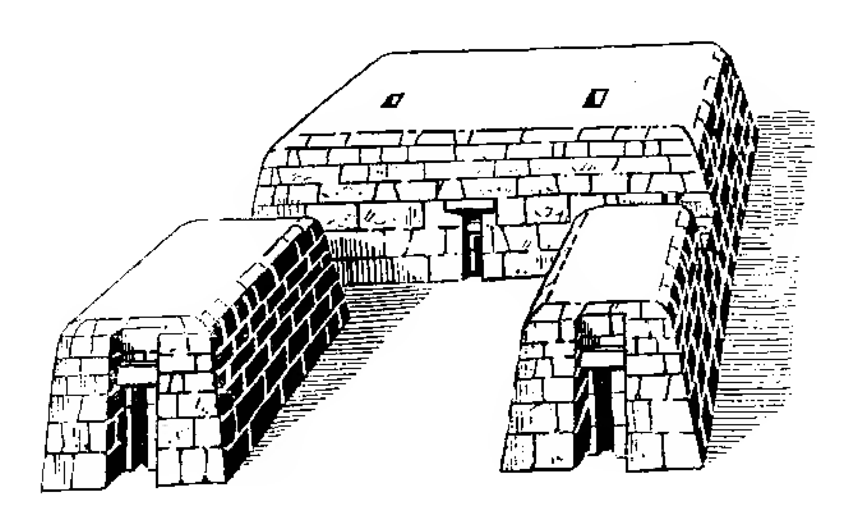
Египетский священный бык (Анис); между рогами диск солнца со змеей -охранительницей спереди.

мени. Египетские ученые, первые на свете, составили календарь: они вычислили годовой оборот солнца в 36514 дней, далее разделили год на 12 месяцев, применяясь к оборотам луны. Они заметили, что вода в Ниле начинает прибывать как раз, когда яркая звезда Сирпус впервые показывается над горизонтом. Главой астрономов был первосвященник солнечного бога Ре, носивший имя «созерцателя небесных тайн», в городе Он (по гречески Гелиополе, т. е. «солнечном граде»), лежавшем на одном из рукавов нильской дельты.

В старипу у охотников колдуны и волшебники, знатоки трав

и ядов, художники и мастера тонкой работы жили разрозненно, а -по обиходу своему не отличались от остального народа. Теперь в богатом оседлом быту искусные строители и механики, наблюдатели неба и священники, возносившие молитвы к богам, соедииялись в тесные союзы: в своем кругу хранили они приобретенные знания, скрывая как тайпу от посторонних, выбирали себе среди молодого поколения преемников и- готовили их в закрытых, никому другому недоступных школах.

Священники впушили народу веру, что лишь они одни умеют узнавать волю великих духов и богов, утишать их гнев, привлекать их милость. Они установили ж е р т в ы, т. е. приношения богам в виде закалываемых животных или сиятых плодов и

Егинетские могилы (но арабски мастаба).

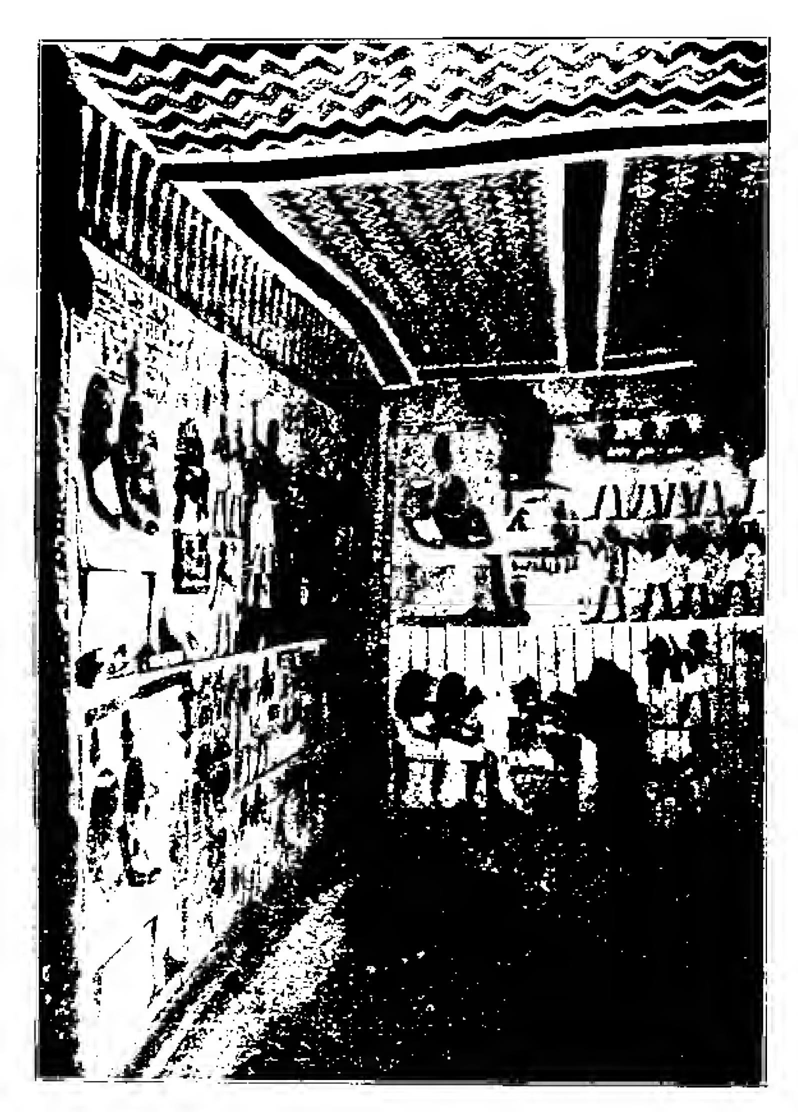
зерен; часть даруемого шла в пользу руководителей жертвоприношения (отсюда старинное обозначение священников ж р е ц а м и). Они устраивали также праздники для всего народа, повторявшиеся в определенные сроки, чтобы дать трудовому люду отдых в работе, а вместе с тем открыть выход потребности веселья. .В Египте праздники справлялись шумно и нарядно. К святилищу, где была назначена большая общенародная жертва, везли по Нилу изображения богов на богато украшенных барках, в сопровождении множества пестрых лодок, на которых помещались музыканты, танцоры и скоморохи, выходившие на берег для хороводов и представлений.

Когда вера и обряды, под руководством ученых священников, получают стройный, обдуманный вид, мы называем такое соединение понятий о божестве, молитв и обращений к нему — р е л и г и е й (религия — слово латинское, примеиявшееся у римлян, означает «обязанности» людей перед богами).

Власть, богатство и труд в Египте. Точно боги или могучие

духи поднимались царь и его приближенные, священники и ученые над толпой подчиненного им народа.

Царь считался существом высшим, великим богом на земле.

Раскраска стен и нотолка внутри могилы.

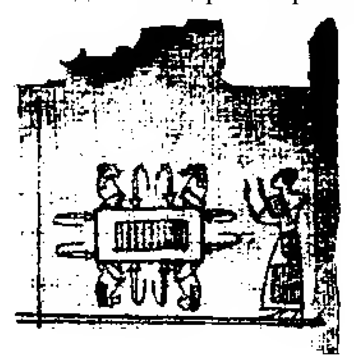
Непочтительно называть его по имени; о его приказах говорят: «так решил высокий дом» (по египетски пар-хо, в пудейской Библии это слово произносится ф а р а о н). Царь и царица очень любят украшення из самоцветных камней. Для двора всюду ищут

драгоценностей в горах, в речных наносах; особенно египетские фараоны добиваются синей бирюзы, посылают за ней корабли,

Имя царицы Клеонатры в иероглифах (старинных знаках).

переплывающие Аравийский залив, чтобы пристать к берегам каменного Синайского полуострова. Иногда сам царь снаряжался во главе войска в дальний поход вверх по Нилу за золотом, которым особенно славилась Эфиопия (нынешняя Нубия).

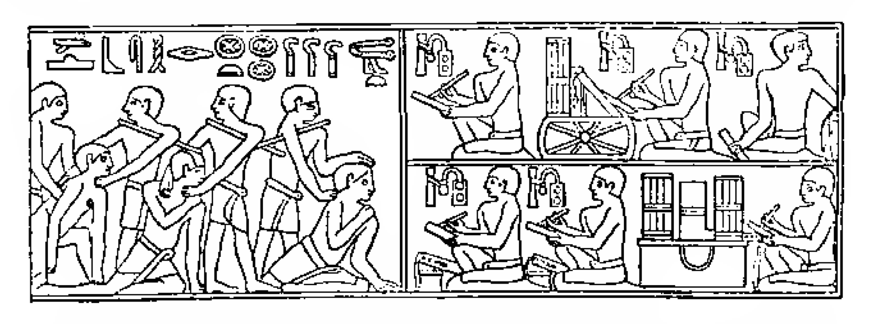

Египетская скоронись (нисьмо иератическое).

Вся земля в Египте считалась владением царя; из нее он раздавал поместья своим приближенным, сановникам, управлявшим его казной, и войскам- После удачи на войне царь отписывал большие имения богам. Поместья царей, сановников, и богов состояли из главного дома со службами, усадьбы, парка, стад овец и коров, пруда для домашней птицы, полей и лугов, на которых работали земледельцы, пастухи, садоводы. Каждые два гида царь рассылал по всей стране писцов, которые считали имущество всех семей, описывали количество золота в украшениях, сколько хлеба кто получает со своих полей, сколько числится скота в хлевах, сколько кто выручает со своей торговли. Сосчитав имущество, писцы определяли размер налога золотом или товаром, какой приходится на каждую семью, смотря по ее достатку.

Для письма употреблялась бумага, приготовленная из волокна папируса, т. е. нильского тростника. Старинная азбука (по гречески иероглифы) состояла из рисунков. Напр. *■""–. » значит плодородная земля (рисунок земной коры и семян), [ч^_/-] — земля безплодная (изображение каменистых бугров). T i T —плотина (с посаженными на ней деревьями), J\ (шагающие ноги) значит «ходить».

Жизнь царских слуг, владетелей поместий, священников при божьих имениях, строителей плотин и каналов, обученных писцов как нельзя более отличалась от быта горнорабочих, земле-

Из картинок, нарисованных на внутренних стенах могилы: нанраво сборщики налога и крестьяне, налево нисцы у конторок и шканчиков с делами.

дульцев и пастухов. Весь этот трудовой люд добывал мало, работал без конца и меры. Крестьяне, по окончании полевых работ, везут на санках и тащат на себе мешки с зерном, плоды и ягоды, ведут скот и домашиюю итицу на господский двор; под надзором нескольких надсмотрщиков, вооруженных палками, с

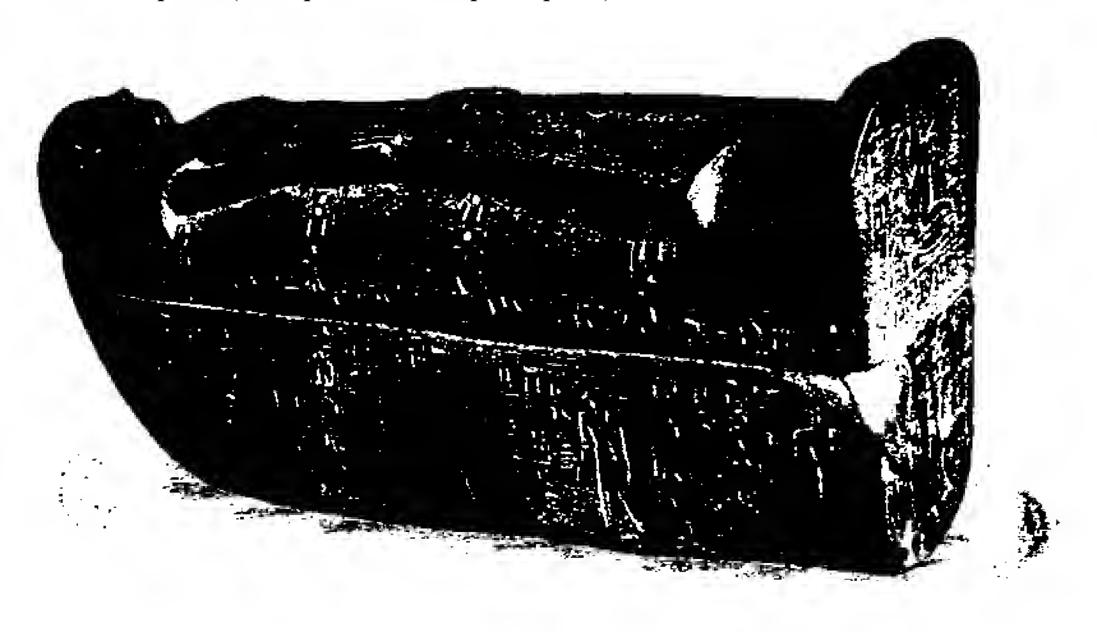

Мумия Озириса, около которой хлоночет Анубис, нровожающий умерших на тот свет.

трепетом приходят они сдавать отчет в контору, где за столами с пером за ухом сидят письцы; если оказывается в чем-нибудь неверность или недостача, рабочих тут-же растягивают на земле и бьют палками.

Различие богатых и бедных считалось нерушимым во веки, продолжающимся и в загробной жизни. В сухом климате Египта тела умерших разлагаются медленно, и у людей появилась мысль

сохранять их навсегда в засушенном виде для того, чтобы улетевший при смерти дух мог опять вернуться назад в ту же оболочку. Но в то время, как знатному покойнику строили просторный вечный каменный дом, бедняка зарывали прямо в песок. Тело человека высшей породы превращали в мумию: вынимали впутренности, вкладывали благовонные вещества, заливали асфальтом, завертывали в льняные ткани, на лицо надевали маску, придавая умершему юный вид. Мумия покоилась в ярко расписанная деревянном футляре, положенном в каменный изукрашенный гроб (по гречески саркофаг).

Саркофаг.

Крепко заделан вход в могилу, чтобы никто не мог нарушить покой умершего. Снаружи есть пристройка в виде часовни: в ней священники читают заупокойные молитвы, а родственники ставят яства, питье и цветы. Впутри устроено полное убранство дома: стены расписаны картинами, изображающими счастливую жизнь умершего, как он охотится, как принимает подарки и приношения пастухов и земледельцев. Для развлечения ему поставлены фигуры и безделушки: есть у него каменные и деревянные слуги, псари, пекаря, парикмахеры. Помещена и его статуя (каменное изображение): он стоит во весь рост, точно живой, против мнимой двери, точно готовый выйти навстречу своим родным (рисунок на стр. 37).

' В погребальных обычаях египтян соединялись два верования. По одному, сохранившемуся от старины, дух может когда либо войти опять в свое прежнее тело, и, следовательно, умерший воскреснет; так как срок возврата неизвестен,

то египтяне строили каменную могилу гораздо прочнее жилых зданий. По другому верованию, более новому, духи исчезают навеки из круга земной жизни, и для того, чтобы облегчить им перелет в страну райского блаженства вместе с заходящим солнцем, умерших увозили на левый берег Нила, в страну заката.

Хеопс. Хефрен.

Среди могил громадами высятся царские гробницы, которые мы зовем греческим словом пирамиды. В основании этой постройки квадрат; четыре стены идут наклоном и сходятся в одной остроконечной вершине. Посредине пирамиды вровень с землей зал со сводами, где покоится саркофаг царя, к нему узкий ход, тщательно заделанный, чтобы внутрь могилы не могли проникнуть грабители. Эта, сравнительно небольшая часть строения обложена несколькими слоями плотно друг к другу прилаженных камней, так что пирамида образует почти сплошною каменную гору.

Самая большая из пирамид, дошедших до нас, принадлежит царю Хеопсу и находится недалеко от развалин Мем-

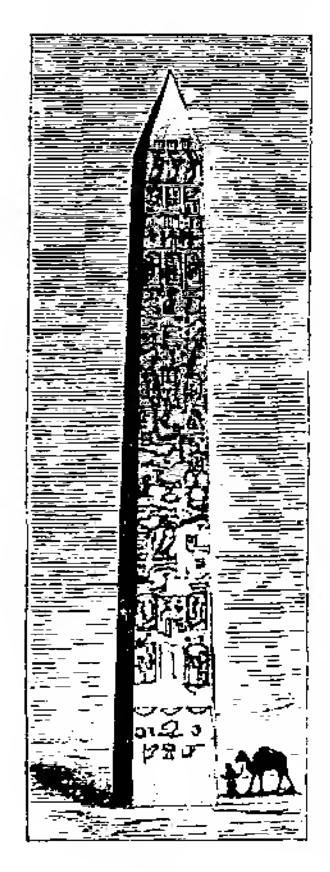
фиса. Хеопс царствовал за 3000 лет до Р. Х. Он начал строить себе вечный дом с первых годов своего царствования, не зная еще, сколько времени проживет. Поэтому его постройка сначала была не выше пирамид прежних фараонов; но по мере того, как его правление и жизнь продолжались, фараон расширял илан могилы, поднимал пирамиду выше и выше, пока после 30 лет правления не довел ее до 70 сажен высоты (это вышина величайших соборов Европы).

Пирамида Хеонса и большой сфинкс.

Камень для построения пирамиды приходилось ломать на восточной (правой) стороне Нила в горах Аравийской цепи, перевозить на плотах через реку и доставлять на выступ противоположной Ливийской возвышенности. Так как ни вьючных, ни упряжных животных не применяли в этой работе, и люди должны были тащить все тяжести на полозьях, то сначала построили широкую дорогу из гладких тесанных камней от реки к холмам, где должна была выситься пирамида в безопасности от наводнений. Предание рассказывает, что над постройкой дороги, подвозом материала и устройством сводов работали 100.000 человек в течение 10 лет, по 3 месяца в году (т. е. в засуху, так как в другие месяцы плотники, каменщики и носильщики были заняты полевыми работами, или же мешало наводнение); остальные 20 лет возводили, пирамиду. Брат Хеопса, Х е ф р е н, с самого начала своего правления начал строить пирамиду очень

крупных размеров, но все-таки не достиг высоты Хеопсовой. После Хефрена усердие строителей стало ослабевать и уже таких громад больше не возводили.

Обелиск

Египтяне увлекались красивыми каменными породами своего края: высекали пещеры в скалах и устраивали в них храмы; вырубали из камня огромные статуи, изображавшие фараонов; ставили перед входом в святилища высокие каменные столбы (по греч. обелиски), с верой, что в них будет жнть таинственный и сильный дух. Близ пирамид Хеопса и Хефрена есть темно-серая скала, выдавшаяся из песчаной поверхности; один из фараонов велел обработать ее так, чтобы она стала похожей на фигуру лежащего льва с человеческой головой (большой сфинкс), Часто сфинксы расположены рядами и аллеями перед входом в храм.

Рассказы египтяп о богах. Смелые охотники старого каменного века, хотя боялись могучих духов, но при этом верили и в собственное волшебство. Земледельцы и скотоводы нового каменного века ясно видели свое бессилие перед великими явлениями природы: благодетельным наводнением Нила, вредным ветром пустыни, несущим тучи песку, и жгучими лучами солнца; для них это были боги, бесконечно превышающие людей своей силой. Египтяне в рассказах о богах соединяли старую и новую веру; они представляли себе богов похожими на людей и в то же время преклонялись перед их величием.

Солнечный бог, по имени Ре или Хор, им казался молодым царем, илывущим в сверкающей барке под золотым балдахином по небесному океапу; на голове его высокий убор, обвитый змеей-хранительницей, которая пышет огнем на его врагов. Больше всего грозит светлому бегу дракон (крылатый змей) Апофис, скрытый в темной туче; но солнце благополучно доходит до западной горы и там, покипув дневной корабль, садится на корабль ночной, продолжая путь под землей, по Нилу подземному, невидимому. Здесь бог избавляет мертвых от сковывающего их сна, исцеляет их муки; а они, благодаря солнцу, хватают веревки, привязанные к носу корабля, помогают вывезти его на свст Божий и сами с ним возрождаются.

Другой рассказ передает, что в глубокую старипу Ре долго

и мпрно царствовал на земле. Когда он состарелся, тело его утратило гибкость, кости стали серебром, мускулы золотом, а волосы синим камнем. Боги и люди перестали его слушаться, в особенности умнейшая из всех богиия Изида, которой все ведомо на небе и на земле. Только одного она не знала, волшебного имепи Ре, дающего исцеление от всякого яда, и, чтобы вы-

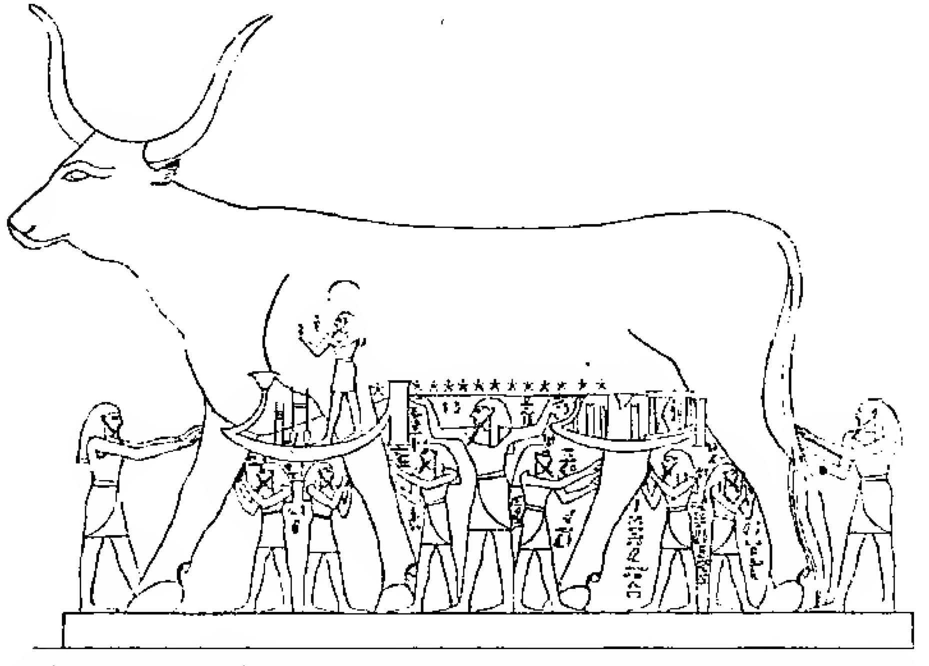

Аллея, ведущая к храму между двух рядов сфинксов (в Фивах).

манить эту тайну, создала из слюны старого бога, упавшей на землю, червя, который ужалил его в ногу. От невыносимой боли Ре плачет, взывая к богам: «я велик, я сын великого. Мой отец и мать моя придумали мое имя . Я многоименный и многообразный. Мой образ в каждом из богов. Мое имя скрыто в моем теле от рождения моего, чтобы не воспользовался его волшебной силой тот, кто захочет колдовать против меия». Ре молит Изиду об исцелении, а она уверяет, что спасти его сможет лишь в том случае, если узнает имя его.

Так как с непокорными людьми все же не было сладу, тс Ре решил послать против них «свое око», жестокую богиню войны, изображаемую с головой львицы. Эта беспощадная мстительница учинила страшную резию среди грешников, и сам Ре с трудом уиял ее ярость, опьянив ее хмельным напитком. После этого Ре захотел уйти на покой. Он оставил на земле своим наместпиком Тота, бога мудрости, а сам поднялся на крышу великого небесного здания.

Был у египтян еще рассказ о боге Озирисе, благодетеле и спасителе людей, пострадавшем, умершем и возродившемся. Озирис также когда-то' царствовал в Египте. Все были счастливы при нем и любили его. Погубил Озириса злой брат его Сет: цозвал на пиршество, заманил для шутки лечь в красиво разубранный ларь, захлопнул крышку и бросил в Пил. Жена Озириса Изида после долгих поисков, нашла гроб мужа, похоронила его и сама с младенцем Хором, сыном своим от Озириса, скрылась от преследований Сета в болотах Нижнего Египта. Сет, во вре-

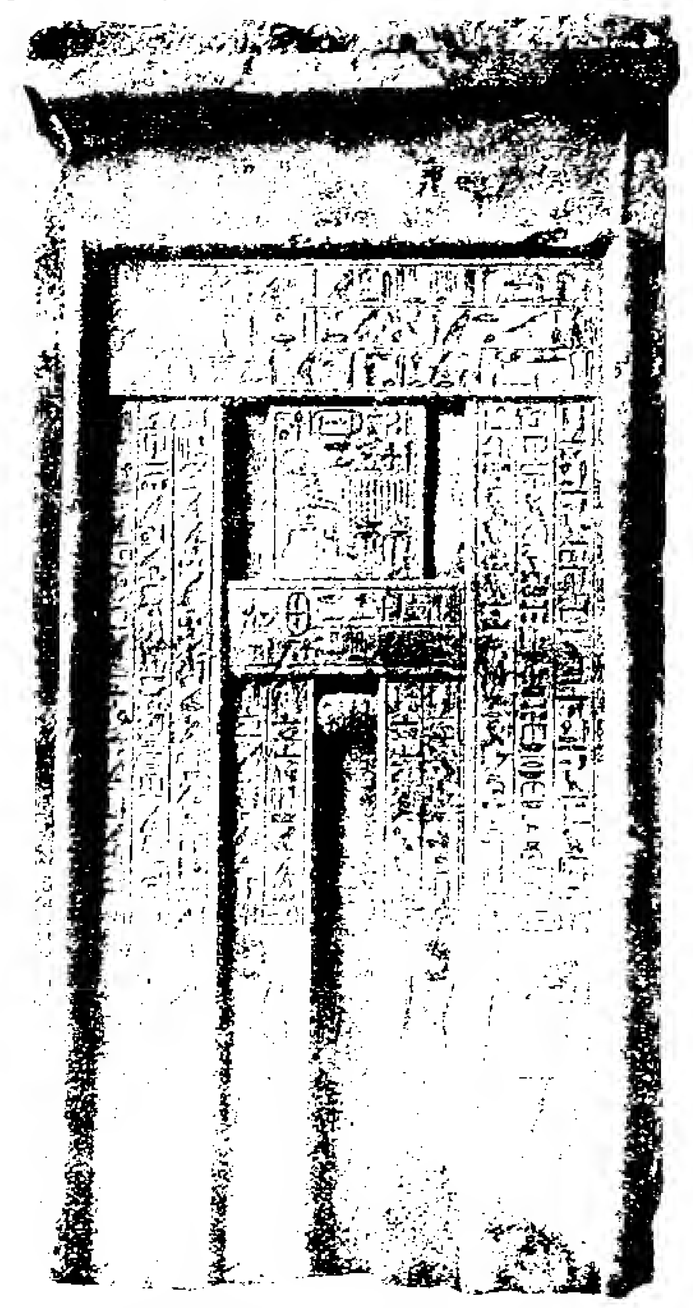

Небесный свод, пзображенный в виде короьы. Под звездами посредине с поднятыми руками — бог воздуха. Лодка бога солнца изображена 2 раза: направо — солнце народившееся (вскоре после восхода), налево — солнце в полдень, во всей своей силе.

мя охоты за кабанами, находит в тростниках тело похороненного Озириса, в ярости рассекает его на 14 частей и раскидывает по всему Египту. Опять Изида ищет останки Озириса и, где находит часть убитого, ставит могильный памятник. Между тем^вырос^сын Озириса и Изиды, Хор, и стал мстить за отца. В этой борьбе Хора с Сетом, злой бог вырвал у светлого глаз, но мудрый Тот - целитель залечил боль и рознял воюющих. Боги собрались в большом зале, в Гелиополе, чтобы рассудить этот спор; они решили в пользу Хора и отдали ему престол отца. Изида пыталась оживить Озириса; но он уже не может править в Египте и воцаряется в далеком западном крае, куда уходит солнце и улетают" душ и.

По другому рассказу, Озирис, перейдя в подземный

мир, судит там умерших. Египтяне изображали этот суд таким образом: Апубис, бог с головой шакала, приводит душу

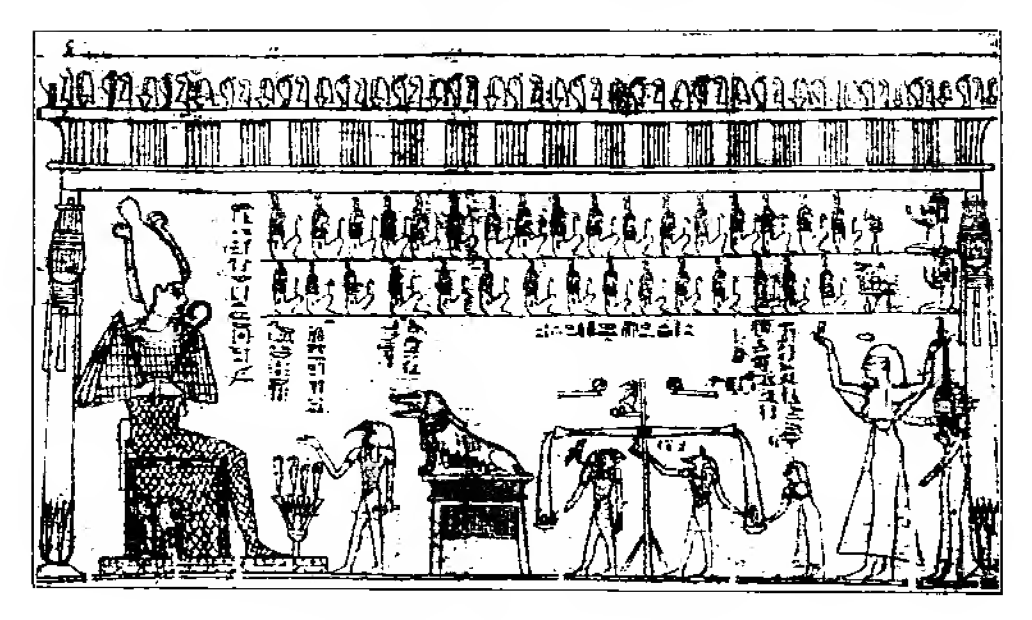

Ложная дверь, закрывающая вход в могилу.

пред лицо подземного царя. Тот, бог с головой ибиса, пишет летопись жнзни умершего; на весах взвешиваются его дела. Если

жизнь была чистая, дела будут легче страусова пера; тогда душе открывается рай. Если же дела тяжелы и тянут чашку весоз к низу, душе или грозит вторая окончательная смерть в пасти чудовища, которое тут же ждет своей жертвы, или превращение в нечистое животное, свинью, которую принимается стегать бичем обезьяна.

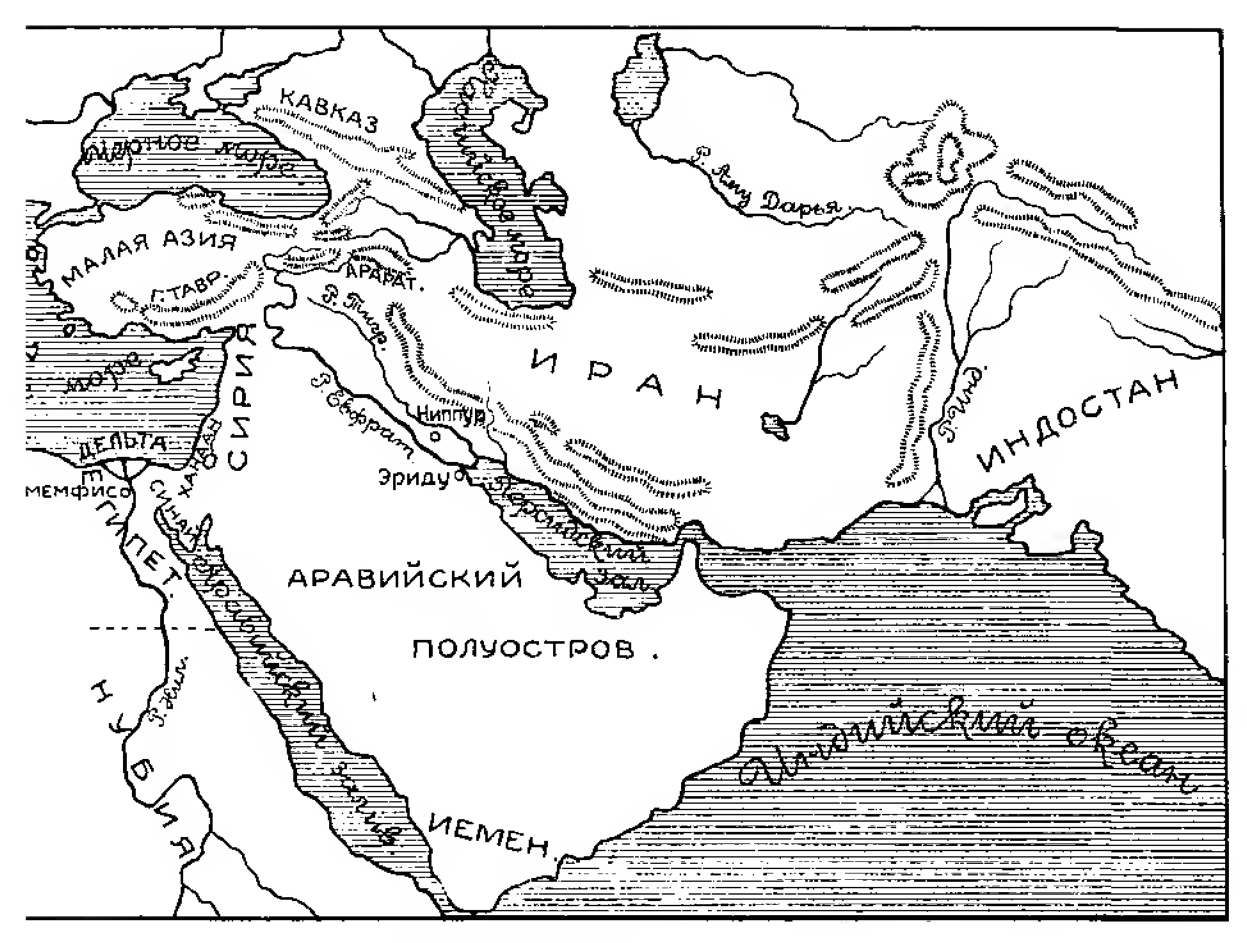
В этих рассказах (по-гречески мифах) заметны противоречия: бог Ре — то вечно юный, то дряхлеющий старик; Ози-

Суд Озприса в подземиом царстве.

рис — то великий мертвец, то бог воскресший и унесенный в райскую страпу. Ученые священники старались примирить эти разногласия и выработать одно стройное учение о богах; иные из них хотели придать вере в богов возвышенный характер, устранить рассказы грубые и непочтительные, представить богов существами, стоящими выше человеческих страстей. Наконец, иные учили, что в сущности есть только один Бог в мире; те, кого народ принимает за особых богов — лишь разные воплощения, т. е. телесные существа, в которых обнаруживается одна и та же великая божественная сила.

Культура Нижпего Двуречья. Немного позже, чем в Египте, началась культура в соседних с ним странах азиатских. На восток от Нильской дельты за Суецким перешейком лежит обширная степь, простирающаяся на севере до гор Тавра, на юге во всю глубипу Аравийского полуострова. Эта степь окаймлена по краям плодородными оазами: на южном берегу Аравийского полуострова Йемен, или Счастливая Аравия, на северозападе у Средиземного моря Сирия, южная часть которой называлась

Страны Передней Азии.

Ханааном: на северовостоке Двуречье, область рек Тигра и Евфрата. С севера степной край огибают большой дугой горы; они заходят на своем западном конце в полуостров Малой Азии, далеко вдавшийся в Средиземное море; в середине они примыкают к Кавказским горам; на восточном конце они спускаются к Персидскому заливу и окаймляют большое плоскогорие Иранское.

Все эти страны для нас, европейцев, составляют Переднюю Азию, пли Ближний Восток, в противоположность Дальнему Востоку (Китаю, Японии, Индии).

Реки Евфрат и Тигр начинаются в горах Армянского плоскогория, близко друг от друга. Евфрат скоро отклоияется от прямо несущегося Тигра (Тигр значит «стрела») и образует большой загиб к западу . Обе реки в нижнем течении опять подходят друг к другу, разделяются на рукава, сплетаются между собою; эта часть Двуречья, напоминающая Нпльскую дельту, называется Сенааром.

В Сенааре те же наводнения, происходящие от таяния снегов в верховьях рек, и тот же удобрительный ил, приносимый реками из горной местности. У земледельцев здесь тот же враг, что и в Египте, — пески и иссушающий ветер пустыни, та же опасность в случае застоя воды з низких местах — образование болот. Поэтому для земледелия нужны" те же сооружения, что и Египте, плотины вдоль русл, чтобы загораживать наплыв в'>ды, и сеть каналов, чтобы направлять их на поля.

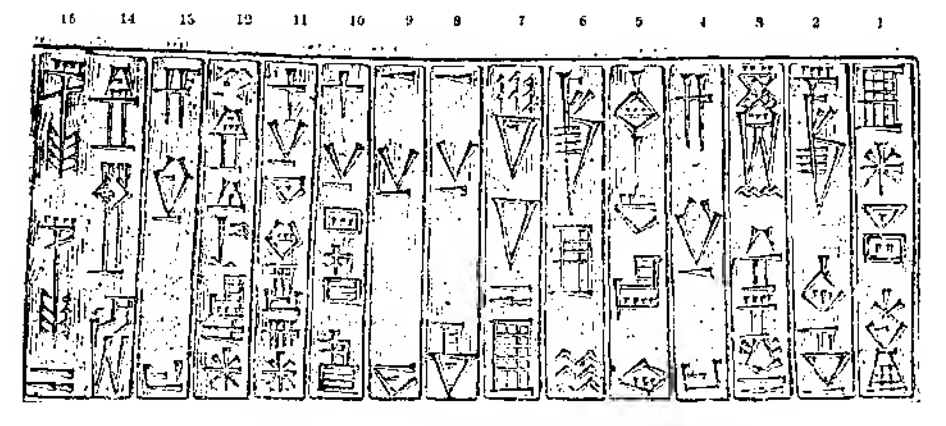
Душа в виде нтицы над телом, ею нокинутым.

Во времена Менеса и Хеопса Сенаар занимали сумсры, воинственные степняки, пришедшие из Туркестана, приземистые, с косыми глазами, большим острым носом, бритой головой и подбородком; мужчины, одетые в юбки из косматой шерсти, на одно плечо набрасывали плед. Каждый город имел своего властителя

(п а т е с и) и чтил, как в Египте, особое божество: Ур был город бога Луны, Ларса — бога Солнца, Эриду, стоявший на берегу Персидского залива, чтил бога моря, многомудрого Эа. В городе Ниппуре сумеры, пришедшие из горной местности, захотели воспроизвести для своего бога Эллиля подобие горы среди Евфратской равнины; построенный ими з и к к у р а т, искусственный холм из глины и необожженного кпрпича, похож на египетекую ппрамиду: на квадратном основании он подымался семью уступами, сужавшимися кверху; верхнний этаж считался покоем самого бога. Когда один из пате-си побеждал других и соединял весь Сенаар под свою властью, он направлялся в святилище Бел-Эллиля в Ниппуре, приносил богу и его священникам богатые подарки и получал от него утверждение в сане «царя всей страны».

Титул вавилонского властителя: царь четырех стран света (клинообразными знаками).

В Сенааре так же, как в Египте, подчиненное население несло тяжелую работу на пришлых господ. Земледельцам, пастухам, рыболовам, ремесленнникам, работавшим в царских и

Клинонись (цифры обозначают норядок чтения).

божьих имениях, не позволяли жить собственным домом; из огромных житниц и складов им выдавали всё продовольствие: зерно, овощи, масло и т. д. В начале месяца приходили мужчины, женщины, дети, каждый разряд отдельно, и становились длнннымн очередями получать свою долю: онн предъявляли при этом билеты в виде глиняных дощечек со вдавленными в них надписями. Способ письма у жителей Двуречья был иной, чем

у египтян. Папируса на Евфрате нет; материалом служили тонкие глиняные доски; по сырой мягкой глине надавливали острой палочкой, потом высушивали доску или обжигали на огне. Так

же, как у египтян, и здесь письмо началось с рисунков: N(оз-

начало звезду, *f*\ — солнце, ф — тростник. Но по вязкой

глине нельзя чертить, приходится вынимать острие; рисунок от этого разлаживается, фигуры становится трудно узнать, остаются

только клинья и запятыя: звезда ооратилась в ^___^Т солнце

А

^ I тростник в . Т Т^/^ Мы называем такое письмо

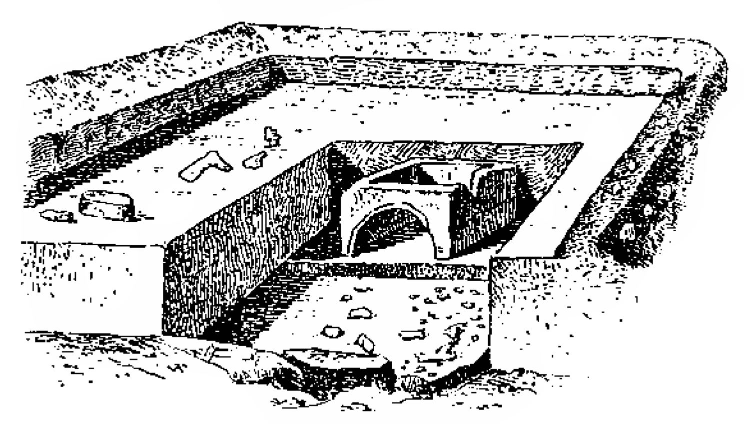
клинообразным.

Землянки, площадки и курганы южііой России. В настоящее время европейцы превосходят своей культурой все другие народы на свете. Шесть тысяч лет тому назад они, напротив, уступали народам Ближнего Востока в земледелии, постройках и науках. Эта отсталость объясняется тем, что здесь людям приходилось бороться с тяжелыми природными условиями. Долгая и холодная зима требует от европейца забот о теплом жилище и одежде, какой не знают жители Африки и Передней Азии; густые леса и обширные болота образуют сильные преграды и земледелию, и торговым сношениям. Зато у народов, населявших Еврону, оказались преимущества характера и способностей; благодаря упорству в работе, изворотливости и уменью перенимать у других изобретения, они научились побеждать трудности жизни и постепенно стали догонять в культуре египтян и жителей Двуречья.

Раньше других обратились к обработке земли и разведению домашних животных народы нынешней южной России, занимавшие ближнюю к азиатскому Востоку северную окраину великой степной полосы. В губерниях черноземного края России, Киевской, Черниговской, Подольской и Херсонской, находят сейчас следы земледельческих поселений, существовавших в 4-м тысячелетии (за 4000—3000 лет) до Р. Х.; по местечку Триполье на Днепре, в 50 верстах к югу от Киева, где были сделаны первые находки, мы называем их быт Трипольской культурой.

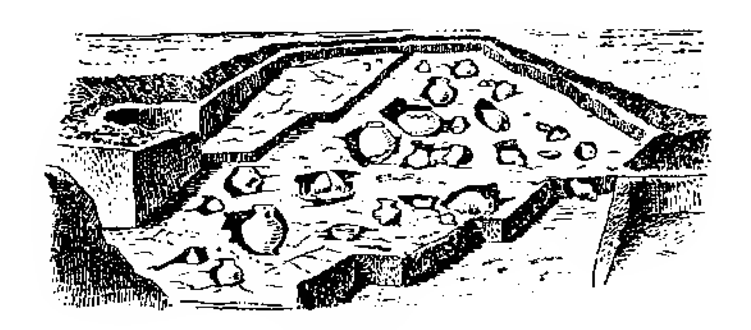
Деревни трипольевцев строились на круто обрывающихся холмах, у загибов или устья рек и ручьев. Они состояли из землянок, т. е. погребов, вырытых для защиты от холода и ветра;

круглая или овальная яма обложена по краям глиной и хворостом и покрыта крышей из того же материала; в середине ямы — другая, поменьше, к которой ведут земляные ступеньки; против этой лестницы печка, сложенная из камня . Наряду с землянками находят дома для умерших, так наз. площадки; так же, как

Тринольская землянка.

могилы в Египте, онн отличаются от жилищ своими большими размерами и прочным устройством. Площадки так же, как землянки, врыты в землю, в виде больших четырехугольников в 5 сажен длины и 3 ширины; пол их глиняный, плотно утоптан, выглажен и выкрашен красной краской, по бокам поднимаютея гли-

Тринольская нлощадка.

няные стены, которые для прочности обожжены; крыша из круглых балок, переложенных глиной, дверь забита каменной плитой.

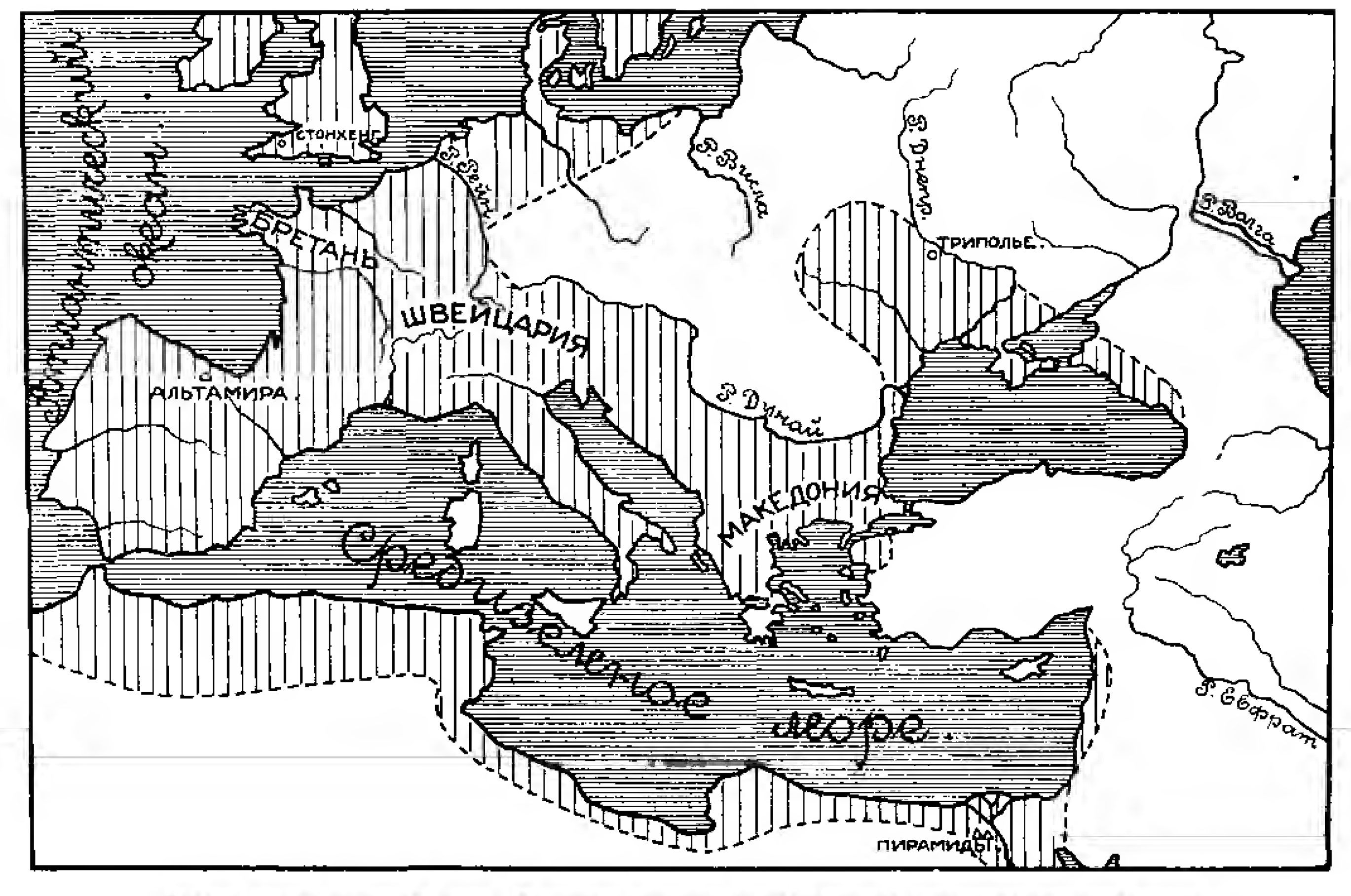
Умершего хоронили не так, как в Египте. Тело сожигали на костре, обгорелые кости и золу тщательно складывали в сосуд и ставили посредине площадки; сюда же приносили все, что^

отправлялось в догонку умершему: остатки сожженных в жертву животных, чаши и кувшины, полные зерен пшеницы, ячменя, проса, кремневые и костяные орудия, каменные ручные мельннцы для растпрання зерна, глиняные фигурки. Обычай сожження, заменивший собой погребение тела, показывает, что у трипольевцев появился новый взгляд на судьбу души; они не ожидают ее возвращення в прежнюю оболочку, считая, что вместе с дымом она улетела в другой мир.

Тринольская глиняная носуда.

По остаткам вещей видно, что земледельцы восточной Европы жили, сравнительно с охотниками старого каменного века, гораздо опрятнее, просторнее, богаче. Онн приготовляли пряжу из волокон льна и конопли и ткали на станке материи: полотняная одежда, плотно и красиво облегавшая тело, заменила грубо сшитые куски звериной шкуры. У них была многочисленная, разнообразная и красивая глиняная посуда. Обожженные на огне кувшины, миски, горшки, чашки появляются у всех народов вместе с оруднями нового каменного века; европейцам онн особенно удавались, потому что им приходилось гораздо больше, чем обитателям жаркого юга, иметь дело с огнем, при-

Европа нового каменного века. Полосками показано распространение мегалитических сооружений.

думывать разные приспособления для варки пищи, кипячения и сохранения горячей воды . Южнорусские мастера 4-гс тысячелетия превзошли всех своих современников в изготовлении изящных, красиво расписанных узорами кувшинов и кубков. Искусство их однако значительно отличается от резьбы и живописи охотников старого каменно'го века: у них нет более срисованных с натуры зверей, а есть лишь орнамент, т. е. правильные ряды черточек, кружков, спиралей, звездочек и т. д.

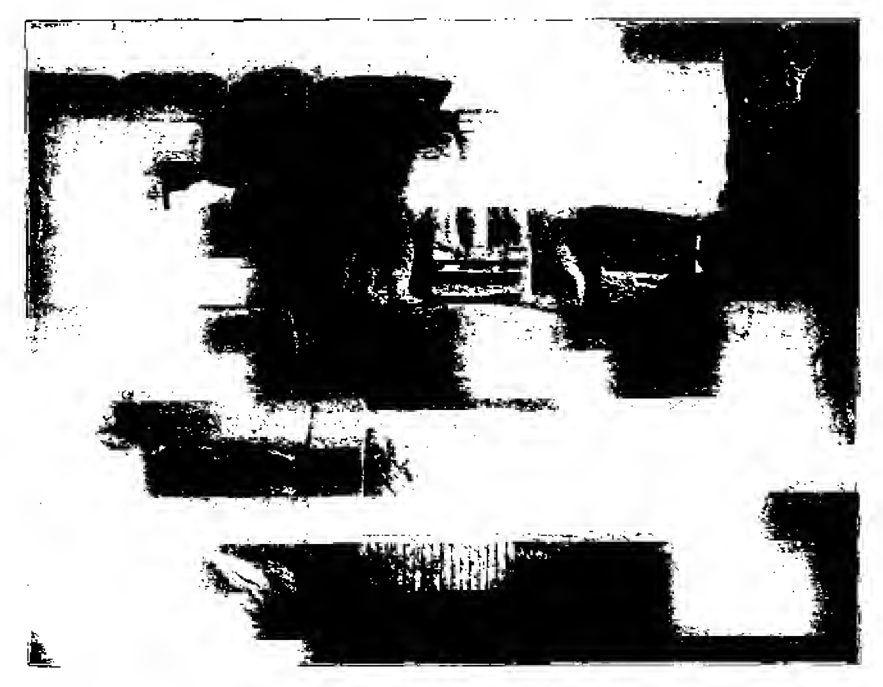

Остатки большого кромлеха в Стонхенге в юго-занадной Англии (к стр. 48).

Трипольевцы, основавшие свое богатство на плодородном черноземе, занимали крайне невыгодное положение у края степей: онн были беззащитны против нападения диких кочевников, передвигавшихся со своими кибитками и вьючными животными на широком просторе между Кавказскими горами и Днестром. Кочевые скотоводы своими набегами разорили зажиточных и трудолюбивых земледельцев и разрушили их культуру; от победителей в свою очередь остались памятники в виде курганов, под которыми похоронены их вожди. Тут не было вовсе сожжения; умерший, в сидячем положении, обложен целым слоем красной охры, добывавшейся из железной ржавчины. Дикие кочевники держались понятий старинного колдовства; побелевше-

МY мертвецу они хотели влить ьювые силы, оживить его захолодевшие члены подобием краской кровяной массы.

Свайные деревни и **мегалитические сооружения.** Для защиты от врага и от дикого зверя, в местах, обильных озерами, напр. в Швейцарских Альпах, в Македонии (в северной части Балканского полуострова), строили деревни на сваях. Недалеко от берега в дно вбивались большие столбы; их края, поднимавшиеся над водой, соединяли поперечными балками, настилали на них помост, покрывали его глиной, песком и мелким камнем. На такой плотине ставили бревенчатые избы и хлева для скота. Глав-

Львнные ворота в Микенах. Образчик старинной ностройки из больших тесаных камней. Пад нритолкой рельефное изображение двух львов.

ное в избе — большой очаг, где постоянно поддерживается огонь; дрова горят на глиняном полу или в кирпичной печке, дым выходит через отверстие в крыше. Для соединения с берегом служили две или три ели, переброшенные с помоста; или же выезжали из деревни в лодке-однодеревке, т. е. выдолбленном древесном стволе.

Так же, как египтяне, увлекались европейцы каменными сооружениями: воздвигали стоймя громадные столбы, подобные обелискам, чтобы привлечь и заколдовать могучих духовг хоронили умерших вождей в вечных каменных домах, выкладывали из каменных плит аллеи и круги. Мегалитические постройки (от греческих слов мегас — большой, и ли-

тос — камень) встречаются в Скандинавии, Англии, Франции, Испании, Италии, Греции, в Крыму, на Кавказе. Так как больше всего их сохранплось в Бретани (области северозападной Франции, выдавшейся в Атлаитический океан), то у археологов они слывут под брстонскими названиями: одинокий столб называется менхир, склеп из стоймя водруженных плит с большим плоским камнем сверху — дольмен, круг из камней -- кромлех.

Дольмен.

Очень примечателен большой кромлех в Стонхенге, в югозападной Англии; если стать на широкой каменной плите, находящейся посредине, и глядеть утром в самый длинный летний день на северовосток, то увидишь восходящее солнце как раз между двумя столбами, составляющими вход в круг. Без сомнения, это было священное место, куда собирался народ на большой праздник, чтобы приветствовать светпло в день его величайшей сплы, вознести ему молитвы, просить благословения полям и стадам. В самой постройке и в обрядах, исполнявшихся среди большого каменного кольца, видно участие ученых священников, хорошо знакомых с небесными явлениями: только они могли так точно рассчитать место восхода солнца.

Глава И.

Переселения народов и войны бронзового века.

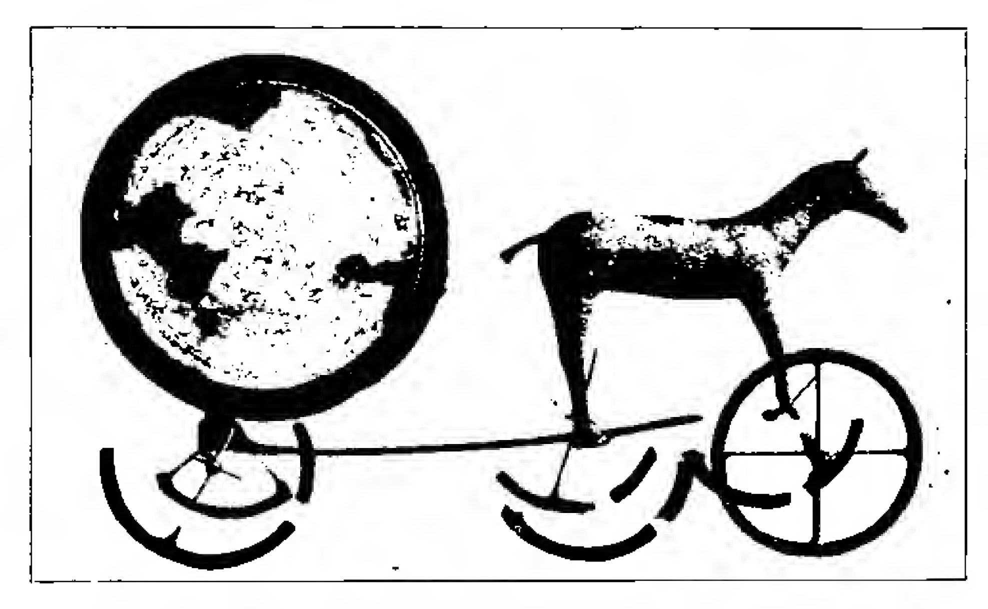
Металлическое оружие и новые завоеватели в Передней Азии. Египтяне жили долгое время мирно и спокойно в своем оазе, хорошо защищенном от природы и удаленном от больших путей, по которым двигались орды степняков. В ином положении были земледельцы и садоводы открытого со всех сторон Двуречья. Цветущие поля и богатые города приевфратского края привлекали жадное внимание кочевников: в их воображении сады и рощи представлялись земным раем: там реки текут медом и молоком, там виноградная кисть так тяжела, что одному человеку не под силу ее поднять. Нападения кочевников стали особенно страшны с тех пор, как распространилось новое металлическое оружие.

Металлы были давно известны мастерам, ломавшим камень для орудий и поделок: и медь, и железо встречаются в виде самородков, лежащих на поверхности земли. К ним было однако мало внимания, пока их не умели обрабатывать на огне. Железо казалось совсем невзрачным. Больше интереса вызывала блестящая медь, похожая на золото; медь довольно мягка, каменным молотком можно обивать ее куски, делать из них бусы, ожерелья, серьги; но лезвия из меди непригодны, потому что слишком легко гнутся и тупеют.

Важным изобретением была плавка меди в соединени с оловом: получилась бронза, металл, в одно и то же время гибкий и крепкий. Из бронзы стали выделывать, помимо украшений, посуду, блюда, ковши, чашки, затем орудия, плуги, мотыги, заступы; но особенно оценили бронзу для оружия, так как она дала несравненные преимущества перед камнем. Из камня можно делать лишь короткие ножи и кинжалы; из бронзы получаются длинные мечи, бронзовыми листами можно обить шлем, щит и кожаный панцырь. Воины, одетые в бронзу, закрытые бронзовыми щитами, напиравшие копьями и рубившиеся мечами из бронзы, составляли несокрушимую силу, которая легко рассеивала копейщиков и лучников, вооруженных каменными пиками и стрелками.

Первую выгоду от нового оружия получили жители горных местностей Малой Азии, Кавказа и Ирана, где встречаются бога-

тые залежи меди. Обладатели металла пытались всячески задержать у себя мастеров нового дела, напр. подрезали кузнецам жилы на ногах. Но все напрасно: никакое изобретение не может долго оставаться тайной; оно становится известным соседям изобретателей, переходит от одного народа к другому. Нельзя без конца копить у себя оружие: приходится отдавать его в обмен на другие вещи; для самих оружейников необходимо было покупать олово, которое вообще встречается редко и привозится издалека.

Бронзовая нозолоченная вещииа, найденная в Трундгольме (на датском острове Зеландии): изображен диск солнца, везомый священным конем.

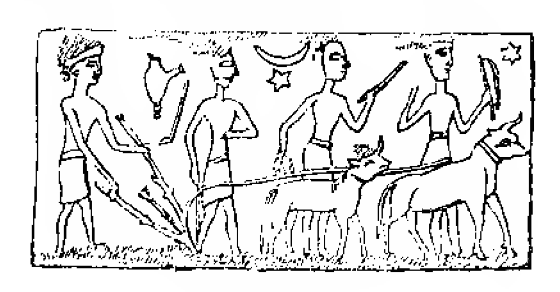
С распространением металлического оружия у жителей Двуречья появился новый опасный враг — кочевники Аравийских степей.

Степняки, или бедуины, ив настоящее время представляют те же черты характера, что в далекую старину: подвижные и беспокойные, бедные и презирающие работу, скудно и грязно живущие, они всегда склонны пограбить чужие богатства; в их среде однако нередки таланты поэтов, проповедников, командиров. Сейчас их мало сравнительно с соседними культурными народами, и круг их переселений весьма стеснен; четыре тысячи лет тому назад они составляли грозную многочисленную силу.

Их орды направлялись из глубины нустыни к ее окраинам. На югозападе арабы завоевали Йемен, или Счастливую Аравию. На севере амориты разделились. Одни племена пошли на северовосток и завоевали Двуречье; мы зовем их по имени Вавилона и Ассура, городов ими основанных, вавилонянами и

ассириянами. Другие двинулись на запад и заняли Сирию; среди них были сыны Израиля, родоначальники народа еврейского, который впоследствии создал одну из великих религий мпра. Племена арабов, аморитов, израильтян, близкие между собою по языку и наружиости, мы зовем семитами, от Сема или Сима, старшего сына Ноя, который, по сказанию еврейскому, спасся со своей семьей от потопа, уничтожившего все человечество.

Вера и нравы кочевых семитов. Бог-покровитель семитских илемен (называемый у аморитов Илу, у израильтян Яхве, у арабов Аллахом) чудитея воннственным степнякам существом гневным, жестоким и беспощадным. Бога нельзя ни видеть, ни изобразить; он открывается в буре, в огне. Бог крепко стоит за свой народ, ненавидит неверных,' т. е. все остальные народы; за то ему надо отдавать добычу на войне, лучшие головы скота. Когда стряслось великое бедствие — чума, голод — Богу прино-

Вавилонские нахари.

сят в жертву самое дорогое, что есть у человека, убивает первенца-сына. Главный праздник, справляемый кочевниками весною, Пасха, состоит в том, что закаляют первенцов-ягнят; ночью, в то время, как люди едят мясо, Бог проносится среди лагеря и вкушает кровь, которой обмазаны шесты и входы в палатки. Кочевннки очень боятся злых бесов пустыни, посылающих лихорадку, сбивающих путника с дороги. В бессмертие человеческой души они не верят и потому не заботятся о сохранении тел умерших .

Издавна кочевники перевозили на вьючных верблюдах драгоценные и редкие товары, особенно золото, самоцветные камни, душистые смолы и ладан из Аравии. Живя в степи разбоем и торговлей, онн относятся с презрением к труду земледельца; их пророки, т. с. вдохновенные возвестители воли Божьей, проклинают плуг, запрещают возделывать виноградники и пить вино, запрещают жить в постоянных домах. Когда кочевникам удаетея стать господами богатого края, они перенимают многое из обычаев и понятий покоренных туземцев. Привыкая к оседлой жизни, онн забирают в свое владение лучшие поля и сады. По

прежнему нерасположенные к работе, они очень умело управляют чужим трудом, и накопленными богатствами. При своей подвижной натуре они расширяют торговые сношения, открывают новые товары и новых покупателей.

Хаммураби вавилонский и его законы. Амориты покорили не только нижнее Двуречье, где были старые сумерские города, не также области, выше лежавшие по Тигру и Евфрату. Они стали совершать торговые поездки вдоль Тигра в горные местности Кавказа и Ирана, вдоль Евфрата в Сирию и к берегам „моря за-

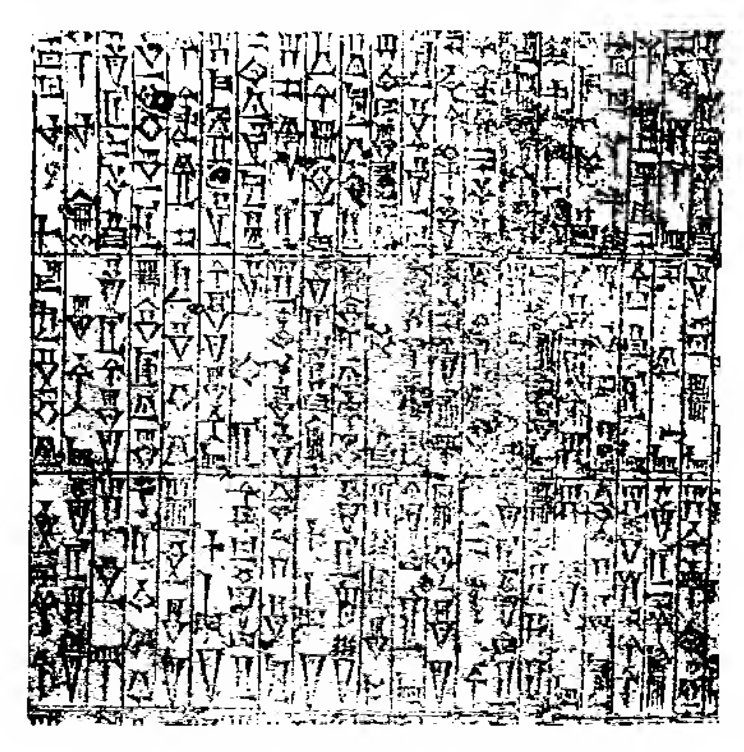

Хаммураби нринимает законы от бога Солнца (рельеф на верхней частя колонны, где занисаны царские законы).

ката» (т. е. Средиземного). Так как обе реки отличаются очень быстрым течением, то вверх приходилось везти товары на верблюдах, и только вниз их снускали на плотах. Главным средоточием торговли сделался город Вавилон на Евфрате в том месте, где к нему близко подходит Тигр. Здесь, находился двор царя, и помещались огромные склады оружия, золота и сере-

бра, шерсти и тканей, строительных материалов и всякого рода припасов, зерна, масла, вина и т. д. Царь выписывал для своих построек кедры с Ливанских гор в Сирии, диориты и порфиры из Аравии; каменные глыбы подвозились на морских судах по Персидскому заливу к устью Евфрата.

Государство вавилонское, заключавшее в себе Двуречье и часть Сирии, было значительно больше Египта. Крупных размеров достиг и город Вавилон, в котором, помимо царской гвардии и придворных, жили во множестве торговцы, ремесленники,

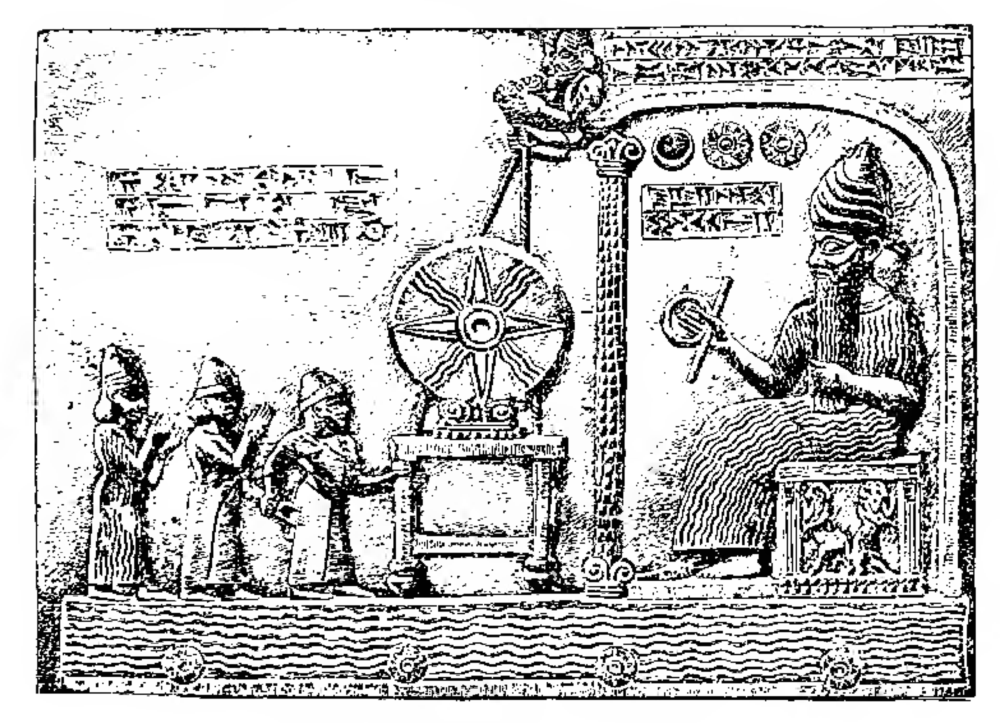
Одна из таблиц, заключающих в себе законы Хаммураби.

писцы, управляющие царскими складами, судохозяевэ, а также низшие служащие, носильщики, грузчики, матросы, лодочники, толкучники, наконец, рабы; на главных улицах поднимались дома в несколько этажей; у речной пристани пестрел целый лес судов.

В 2000 году во главе аморитского воинства, покорившего Двуречье, стоял царь Хаммураби, оставивший по себе память в многочисленных надписях и рельефах (выпуклых картинах на камне). Больше всего приходилось заботиться Хаммураби об устройстве своих воинов. Они должны быть всегда готовы к выступлению в поход, но в мирное время они обязаны заниматься хозяйством на участках, которые выданы им царем в награду за службу. Воин не смел уйти с поля битвы, иначе ему

грозила смертная казнь; но так же строго было воспрещено уходить со своей земли, бросать поле и дом. Если воин попадает в плен, его выкупают царским золотом. Убитого в походе воина должен заменить его сын; если последний еще малолетен, вдове убитого оставляют треть участка, чтобы вырастить нового царского воина.

Вавилонский царь хлопотал также о накоплении хорошего оружия. Привозимые из Ирана и Кавказа медь и олово отдава-

Вавилонский бог Солнца в его святилище.

лись царским оружейникам, жившим в особом городе на Тигре. Чтобы поощрить торговцев к дальним поездкам, царь приказал выдавать им взаймы серебро из своих богатых складов для закупки товаров. При большом и быстром обмене было необходимо производить точные счеты; поэтому в Вавилоне изобрели *металлические деньги*. В торговле применялись серебряные *шекелк* (весом в I^{1}/, золотника) в виде кирпичиков, кружков и колец.

Хаммураби велел записать на столбцах из чернаго камня свои указы, изданные для воинов, торговцев, земледельцев, судохозяев, архитекторов, врачей и ремесленников. С этого оригинала писцы приготовили списки на столбах глиняных; в каждом городе на главной площади был помещен такой список царских законов. В верхней части колонны изображен сам Хамму-

раби, принимающий уставы жизни от бога Солнца. Земной царь стоит здесь как подчиненный перед царем небесным; но для своих подчиненных сам царь есть божество, призванное высшими богами для того, чтобы истреблять дурных и злых, чтобы не дать сильному притеснять слабого.

Закон устанавливает цены на товары и плату за труд во всех ремеслах и искусствах. Он определяет, как судить и как наказывать неисправных и провинившихся. Если на человеке тяготеет обвинение в убийстве или краже, а он отрицает свою випу, применяетея испытание водой: бросают обвиняемого в реку и, если он удержится на воде, оправдывают; если станет топуть, оставляют на произвол судьбы, считая тогда вину доказанной. При очевидной вине применяют правило: око за око, зуб за зуб; напр. если при падении плохо выстроенного дома убит хозяин, казнят архитектора; если убит сын хозяина, должен быть казнен сын архитектора.

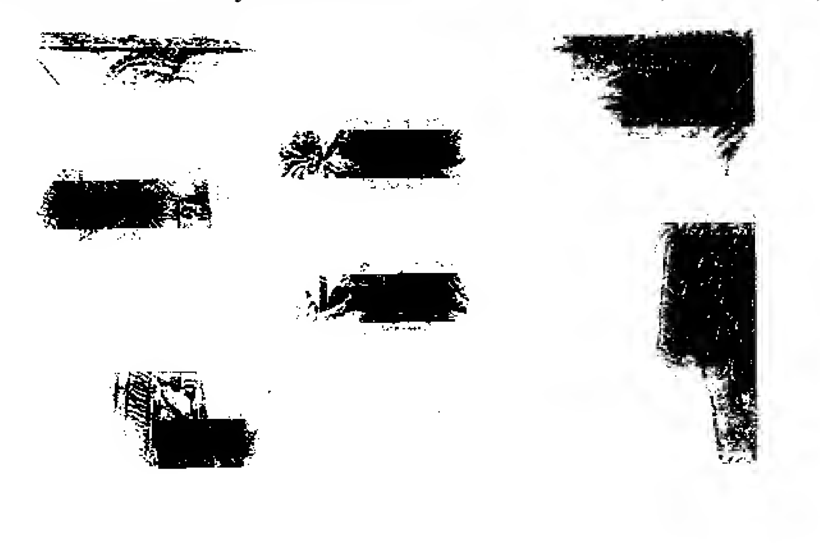
Гильгамеш в борьбе с львом.

Вавилонские мифы. Законы Хаммураби написаны на семитском языке старинными клинообразными знаками, которые применялись у сумеров. В рассказах вавилонян о богах также соединяются верования, принесенные семитами из пустыни, с почитанием светил небесных, принятым у сумеров.

В начале мпра — по представлению вавилонян — был великий океан; от морской бездны, чудовищной Тиамат, родились боги, сначала одно поколение, потом другое. Старые боги боятся молодых и поднимают против них страшную Тиамат, которая создает воинство громадных драконов, бешеных псов и людей-скорпионов. Младшие боги провозглашают своим царем бога света Мардука. В сопровождении семи ветров вступает он в бой с Тиамат, бросает в чудовище сноп огненных лучей, онутывает ее огромной сетью и вонзает в ее тело копье; великанов, составляющих воинство Тиамат, бог заковывает в цепи. Наступив на труп, Мар-

дук разрубает Тиамат на две части, небо и землю; в каждой половине образует он три царства: океан, сушу и воздух; из них вода, окружающая отовсюду землю — самая могучая стихия. Небесная суша подобна крепкой плотине, обходящей кругом весь свод; на ней возведено 12 дворцов, это — 12 созвездий большого кольца (эклиптики), по которому ходит солнце.

Первым человеком на свете был Адапа, сын бога мудрости Эа, хитроумный, мощный, но лишенный бессмертия. За дерзкие подвиги Адапу зовут на ответ к небесному царю Ану. Эа предостерегает Адапу не есть хлеба смерти и не пить воды смерти, которые ему подадут во дворце небесном. Ану вместо того, чтобы разгневаться на Адапу, прощает его и, желая дать человеку вечность, велит подать ему хлеба жизни и воды жизни; но Адапа,

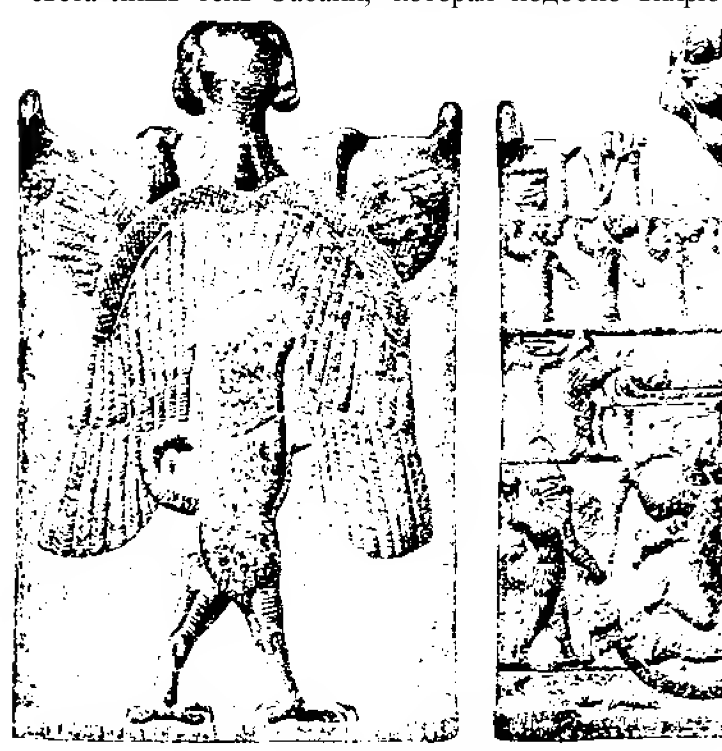
Крылатые божества перед священным древом, из дворца Саргона.

помня наставлення отца, отказывается и лишает себя бессмертия. За грехи потомков Адапы боги решпли наслать на землю великнй потоп. Друг людей, бог Эа, хочет спасти своего любимца Утнапиштима и советует ему сломать свой дом, построить корабль, набрать туда всякого рода зверей и птиц, золото и серебро и выехать в океан. Когда разразилась жестокая буря, тьма окутала небо и землю, потоп залил весь мир, боги сами стали плакать от ужаса. Но на седьмой день ураган остановился; корабль Утнапиштима пристал к острову, который оказался вершиной высокой горы. Утнапиштим выпускает птиц, сначала голубя, потом ласточку и ворона; когда ворон не верпулся назад, Утнапиштим решпл выйти из корабля и принес богам благодарственпую жертву.

Великие подвиги совершает богатырь Г и л ь г а м е ш: своими могучими руками удушил он льва, убил огнедышащего быка;

но в борьбе с этим чудовищем гибнет молодой друг Гильгамеша Эабани. Глубоко опечаленный, Гпльгамеш ндет узнавать свою судьбу в далекий край блаженных, куда боги перенесли его предка Утнапиштима. За великой горой, охраияемой людьми-скорпионами, Гпльгамеш открывает райский сад с плодами, сверкающими, как алмазы и рубины; через безбрежное море Смерти Гпльгамеша перевозит лодочник, отправляющий души умерших на тот свет. Утнапиштим узнает Гильгамеша и открывает чудесную траву вечной юности, растущую на дне морском. Гпльгамеш добывает траву, но на возвратном пути змея похищает у него волшебное растение.

Вера и **наука вавилонян.** Гпльгамешу удается вызвать с того света лишь тень Эабани, "которая подобно вихрю вырывается из

Изображение демона (с двух сторон).

под земли: он узнает, что ушедший в ад больше ожить не может. Отвратительные демоны наполняют преисподнюю; выходят они и на поверхность земли, свирепствуют ночью, воют пронзительным ветром, насылают лихорадку и чуму, разрушают тело человека, его орудия и постройки, не щадят даже изображений богов. Вавилоняне представляли себе бесов волосатыми и хвостатыми с обезьяньими, гиеновыми и козлиными головами, оскаленной пастью и выпущенными когтями.

Против адских сил даже боги бывают безпомощны. Прекрасная богиня Иштар, творящая жизнь на земле, снускается в преисподиюю, и у каждого из семи затворов ада отдает часть своих украшений. Царица подземная Эрешкигаль поражает богиню проказой по всему телу и велит заковать ее в цепи. Пока Иштар заключена ь аду, на земле вянут и сохпут цветы и деревья, звери перестают плодиться. Боги посылают в ад волшебного певца, чтобы высвободить Иштар, но он не имеет успеха. После долгих и слезных молений Эрешкигаль смягчилась: Иштар кропят водой жизни, она исцеляется от своих ран и получает назад свои украшення и сияющие одежды.

Есть против злых духов волшебные средства: повесить перед домом куклу, изображающую дем*она, сжечь его деревянпую фигуру, призвать заклинателя, чтобы он читал таинственные молитвы. Наконец, защиту могут дать великие боги, которые показываются в семи светилах небесных: солнце (по вавилонски Шамаш), луне (Син) и пяти ярких планетах, видимых простым глазом (из них Венера, Марс и Юпитер посвящены Иштаре, Нергалу и Мардуку). Звезды приносят счастье и горе: белая звезда Иштары дает счастливое предзнаменование, красный Нергал — зловещее. Служители богов непрерывно наблюдали за расположением светил на небе: новорожденному сыну царя предсказывали по звездам всю его судьбу; при выступлении царского воинства в поход гадали, каков будет успех задуманного-дела.

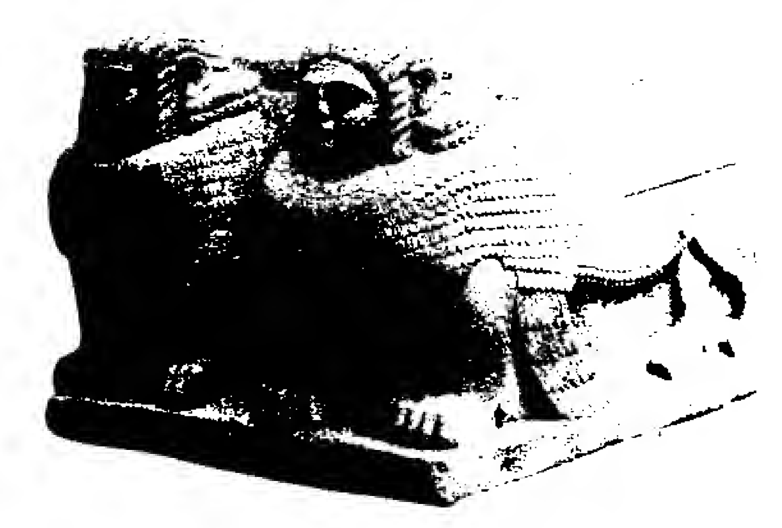
Число семь считалось священным. Каждому' из семи великих светил принадлежит по очереди определенный день; отсюда у вавилонян счет семидневными неделями, который перешел потом к европейским народам вместе с названиями дней по светилам (воскресенье — день солнца, Sonmag. Sunday, понедельник — день луны, lundi, Monlag и т. д.).

Разделение года на месяцы по кругам оборота луны также принадлежит вавилонским астрологам (звездочетам). Будучи народом практичным, привыкши к быстрому обмену, вавилоняне во всем стремились к круглым числам. В каждом из 12 месяцев они считали 30 дней, хотя оборот луны = 29 дням. Дальше —в году 365 дней, а 12 X 30 равняются 360; опять таки, чтобы не отступать от этого замечательного числа, делящегося на 2, 3, 4, 5, 6, 8, 9, 10 и 12, они прибавляли в конце года 5 недостающих дней. От вавилонян, считавших не десятками, а дюжинами, мы имеем разделение суток на 24 часа (2 X 12), часа на 60 мипут, мипуты на 60 секунд (5 X 12). От них же усвоено принятое в геометрии разделение круга на 360 градусов: вавилоняне заметили, что **в** день равноденствия, т. е. когда солнце делает ровно полкруга от востока к закату, оно укладывается своим диском на небе 180 раз (360 : 2).

Нашествие пастухов на Египет. Распространение металлического оружия повело к тому, что войны стали чаще, и воин-

ски'е силы крупнее; на слух о богатых и счастливых землях поднимаются племена с дальних окраин.

Скоро после Хаммураби у земледельцев Двуречья появился новый враг с севера: это были хетиты, или хетты, вой-

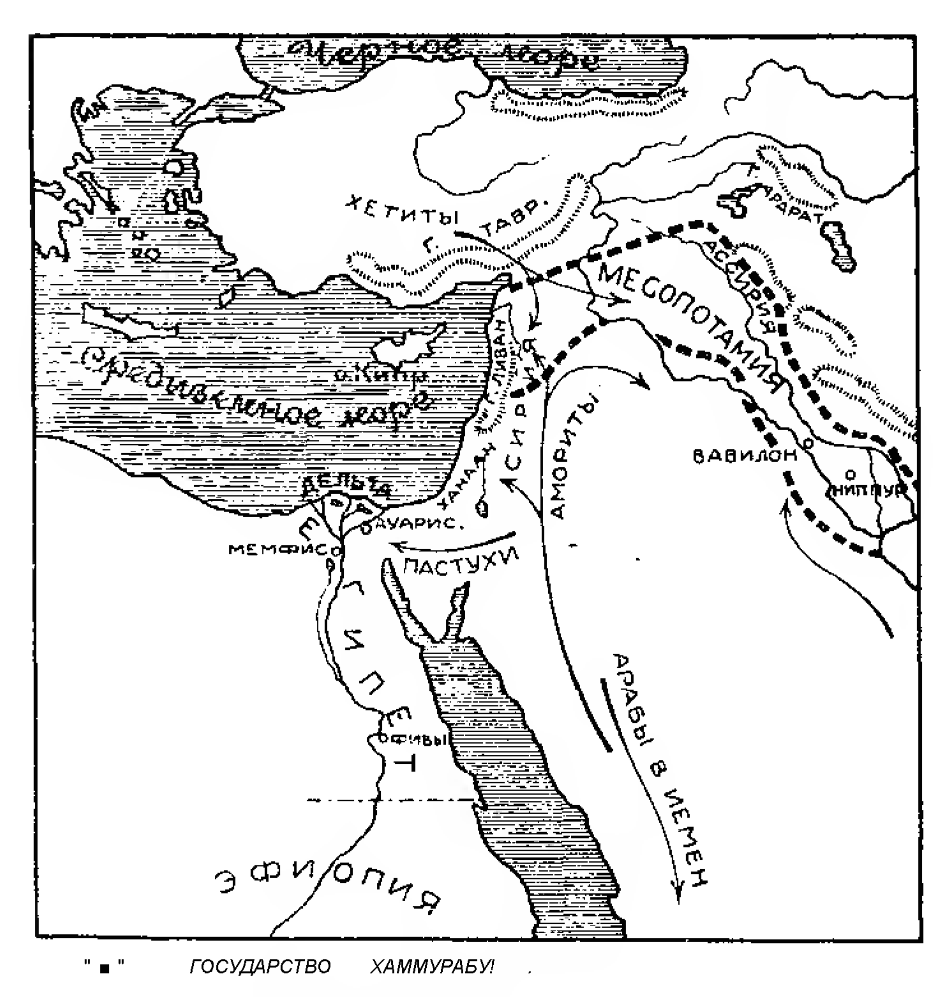
Сфинксы в искусстве хетитов.

тели горных местностей Малой Азии, пришедшие с востока из Туркестана, похожие на монголов, с узкими глазами, бритой головой и чубом, заплетенным в длинпую косу. .Хетиты скрывались за горами Тавра точно в неприступной крепости; их замки часто выложены впутри скал над обрывами;-своих богов они изображают в виде могучих великанов, шагающих по горным вершинам. Хетиты несколько раз нападали из своего горного убежища на Вавилон, пока не разрушили державу, где царствовали преемники Хаммураби (около 1800 г.).

В то же самое время в степях, прилегающих к Сирии, скопилась новая грозная сила кочевников, которая обрушилась на Египет, до тех пор избавлявшийся от вражеских налетов. Степняки (по египетски хик-шасу, т. е. вожди пастухов) прошли Суэцкий перешеек и вторглись в Дельту. Они впервые применили против египтян новое военное изобретение: часть воинов была поставлена на небольшие двухколесные повозки, запряженные лошадьми, до тех пор в Передней Азии невиданными. Стремительным натиском налетала эта конница на пешие отряды, рассеивала их и топтала бегущих.

Пастухи заняли равнипу Нижнего Египта, взяли Мемфис и прошли по Нилу вверх. Беспощадно уничтожали они все па пути своем, жгли города и деревни, обращали людей, уцелевших от резни, в рабство, жадно бросались на царские могилы, подка-

пывались под каменные громады, добирались до скрытых там сокровищ. В глазах египтян пастухи были злыми святотатцами: они не признавали светлого бога Ре, а чтили только своего

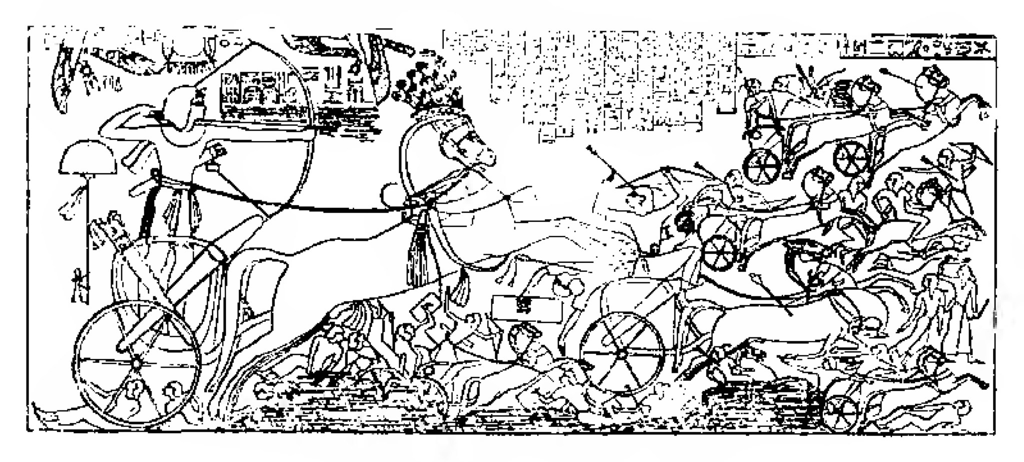

Передняя Азия около 2000 года до Р. Х.

мрачного бога пустыни. С ненавистью обрушивались они на изображения богов, опустошали храмы от украшений и как бы в насмешку покрывали оголенные стены каррикатурами. Их хан приказал стереть на обелисках и сфинксах имена фараонов и написать свое. Не желая смешиваться с покоренными, он выстроил большую крепость Ауарис на границе пустыни у восточного края Дельты, где и засел со своим войском, оберегая награбленные сокровища.

Пастухам не удалось разгромить только город Фивы, на

юге Египта; но они заставили фивского фараона признать свое владычество и поручили ему собирать в их пользу дань со всех других владетелей в долине Нила.

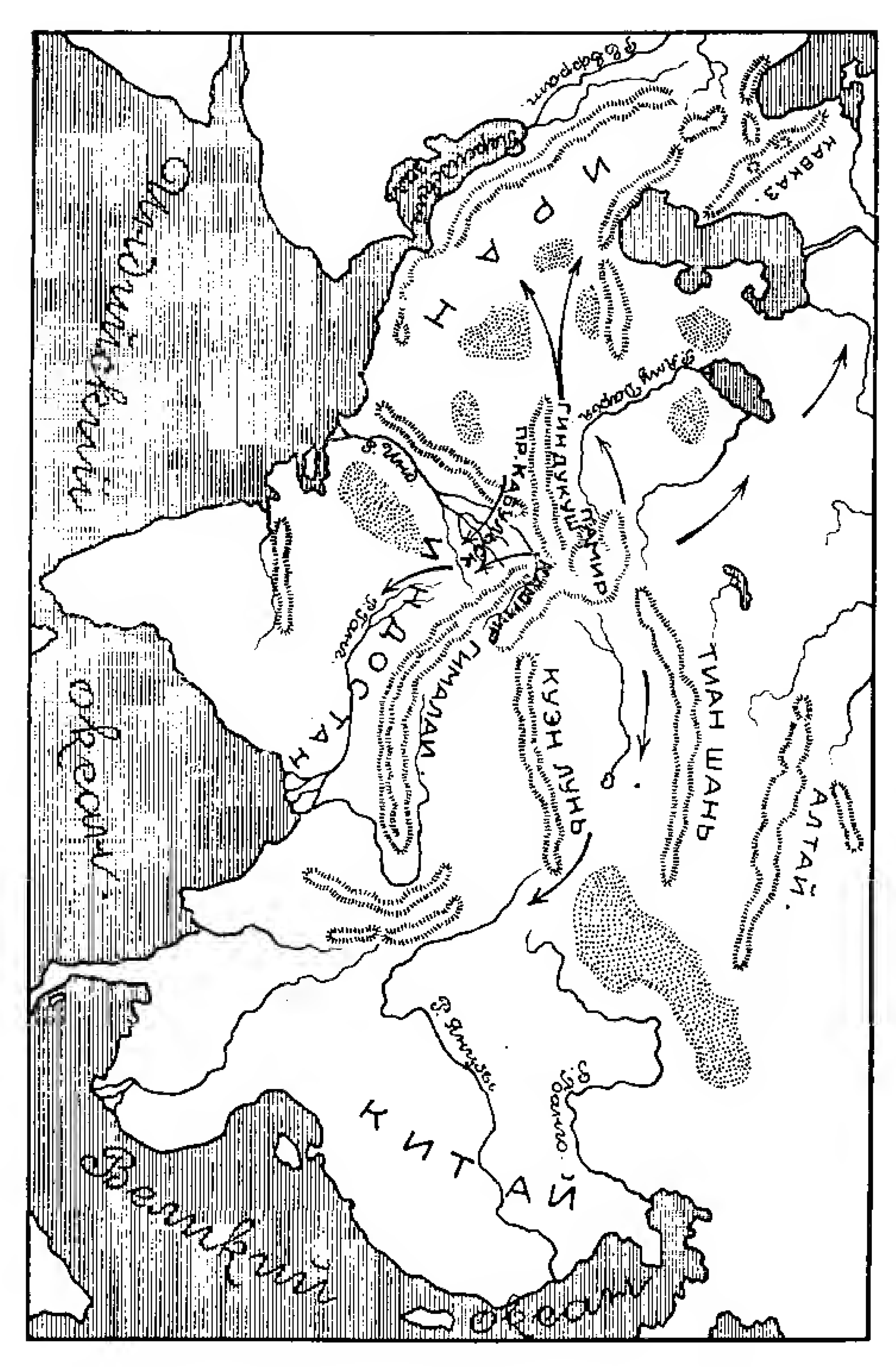

Двухколесные повозки в битвах египтян.

Переселения на Дальнем Востоке. Одновременно с нашествием хетитов на Двуречье и пастухов на нильскую долину происходили большие передвижения в восточной и южной Азии.

Середина азиатского материка представляет собой горный узел, от которого расходятся в разные стороны высочайшие в мире хребты: на восток Гималаи (т. е. снеговые дворцы), Каракорум и Тиан-шань («небесные горы») на запад Памир («дикий край», он же Бам-и-дунья, т. е. крыша мира) и Гиндукуш. По одпу сторону этого узла, от склонов Тианшаия к верховьям реки Гоанго и дальше на восток к равнинам, расстилающимся у Великого океана, направилось большое племя желтой (или монгольской) расы; завоеватели покорили множество народцев, разбросанных в долинах больших рек этого края: Гоанго, Янцзы и реки Жемчужной, и образовали царство Середины, или Небеспую империю, которую мы' зовем Китаем. По другую сторону того же горного узла Средней Азии от склонов Памира двипулись на юг через Гиндукуш племена белой (кавказской) расы, по наружности и языку близкие к европейским народам.

Белолицые, сами называвшие себя ария (благородными, господами) разделились на несколько ветвей. Одна из них двипулась на северозапад по равнинам, расстилающимся к северу от Аральского и Каспийского морей; под названием скифов она встретится нам потом в степях нынешней южной России. Другая направилась на югозапад к долинам и оазам Иранского плоскогория; от нее произошли говорившие на зендском языке мидяне и персы, судьбы которых тесно связаны с Передней Азией. Третья ветвь нашла себе путь к благословенным странам, лежащим у Индийского океана.

Движение народов в Азии: китайцев, индусов, зендов, скифов.

Завоевание арийцами Индии. В сопровождении своих стад арийцы вступили через Кабульский проход и Кашмирскую долипу в широкую область, орошаемую реками Индом и его четырьмя притоками (Пенджаб, т. е. пятиречье). Плодородная страна была занята темнокожими дравидами, которые уже знали земледелие и умели обрабатывать металлы. Началась ожесточенная борьба: гордые своей наружностью, высокие и стройные с правильными чертами лица, завоеватели называли своих противников, низкорослых, косоглазых, с приплюснутыми носами — даса (отверженцами, дьяволами). На богатый край, открывшийся перед ними, они смотрели как на свою обетованпую землю, называя его Ариаварта (т. е. собрание арийцев); постепенно они оттеснили туземцев в горы, а оставшихся обратили в рабство.

Памятниками побед арийцев служат священные песни и молитвы, собранные в книге Риг-Веда (Веда значит «мудрость», «наука», слово того же корня, что наше ведение, вещий). В обращениях к богам открывается характер арийцев; видно действие на них величественной природы, где у подножия высочайших гор, покрытых вечным снегом, вырываются могучие многоводные потоки, где глаз слепит яркость и пестрота сказочных тропических лесов: воображение молящихся склонно к преувеличению, к восторженности. Арийцам кажется, что их боги — светлые, благодетельные, тогда как над темным миром их врагов царят и боги черные, страшные, силы дьявольские. Старейший из арийских богов, Варуна, небесный царь со многими головами, тысячеокий с руками и ногами, обращенными во все страны света. За ним идет троица богов: Индра, Сурийя, Агни.

Индра — повелитель воздушных сил, грозы и зимы, властитель ветров (как в Египте произрастание хлеба зависит от нильских наводнений, так в Индии земледелие и садоводство должны приспособляться к ветрам-муссонам, приносящим дожди). Индра молнией рассекает темпую тучу, освобождает благотворную воду, которая напояет жаждущую землю; таким же могучим ударом разрушает он замки врагов, убивает их тысячами, охраняя свой арийский народ. Сурийя — сверкающий бог солнца, от которого исходят все блага, тепло, свет, жизнь; утром богиня зари Ушас открывает ворота его сияющей колеснице. Агни (тот же корень, что огонь), хранитель домашнего очага; будучи зажжен на алтаре, он — посредник между богами и людьми; на врагов он — страшный опустошительный пожар.

Арийцы приготовляют для богов сладкий опьяняющий напиток, сома. Молящийся просит Индру принять его в дар в таких словах: «готов для тебя, Индра, кубок сома; да наполняет он тебя мощью! пей чудесный напиток, вселяющий радость, дающий бессмертие! Приблизься, Индра, вкушай с удовольствием выжимку; охмеляйся, могучий, чтобы разгромить врагов! садись на крышу дома моего; вот я тебе, мой благодетель, выжал сладкий сок; наполни им чрево твое; тебе, грозный бог, мы его даруем!»

В Панджабе арийцы побеждали дравидов благодаря колесницам, запряженным лошадьми, и своему уменью сражаться сплоченными рядами. Они остались далеки от сближения с туземцами, но их быт на новых местах поселения сильно изменился: они перешли к оседлости, земледелию и садоводству, выстроили себе деревни и города. Однако они не ограничились Пятиречьем; их тянуло в богатые края Ганга и его притоков. Здесь положение завоевателей стало иным: они встретили большие царства, роскошную жизнь, блестящие одежды, драгоценности. Для того, чтобы утвердиться в новой стране, им приходилось заключать дружбу с туземными властителями. Они покидают простоту старинной своей жизни, вступают в браки с темнокожими; из смешения и получилась та раса, которую мы называем индусами.

Памятью о покорении равнины Ганга осталась огромная поэма Магабгарата (т. е. великие бои в роде Бгарата). На наш европейский глаз здесь все преувеличено, начиная от размеров произведения: в Магабгарате 220.000 стихов (строк), так что из нее можно сделать 18 наших больших томов (в Илиаде Гомера, поэме о Троянской войне, в 14 раз меньше, только 16.000 стихов). Необыкновенны подвиги героев, полна крайностей их жизнь. Содержание главной части поэмы следующее.

У старого царя Дритараштры 10Q сыновей, по имени Каурава; они ненавидят пятерых Пандава, племянников царя, порученных его опеке умершим братом его, Панду. Каурава собираются сжечь Пандавов, но те в одежде браминов (священников) ускользают. После долгих блужданий по лесам они приходят на праздник состязания женихов при дворе царя Драупада. В военных играх наибольшую ловкость показывает третий из братьев, прекраснокудрый Арджуна, которому удается натянуть крепкий лук, не поддававшийся его соперникам. Он получает руку прекрасной дочери царя, Драупади, называемой также Кришной (черной); но она становится женой всех 5 братьев.

Снова Пандава в доме Дритараштры, который делит оарство между ними и Кауравами. Но старший из Пандавов, Юдхиштира, проигрывает в кости свое владение, все имущество братьев и их общую жену. Они уходят опять в изгнание и после многих приключений возвращаются с оружием в руках. С обеих сторон собираются знаменитые герои во главе несметных сил: начинается 18-тидневный бой. В ожесточенной схватке сталкиваются колесницы и слоны, воины, конные и пешие, сверкают пламенем панцыри и шлемы, огни носятся над сражающимися, земля дрожит и стонет, звери рыщут среди трупов убитых. Главные подвиги совершает Арджуна, колесницей которого правит хитрый чародей Кришна. Все Каурава погибают в битве, и Пандава торжествуют победу.

Ослепший Дритараштра уступает им все царство; огорченный гибелью своих детей, он обращается в отшельника, уходит в дикие края и умирает среди великого лесного пожара. В свою

очередь и Пандавы, мучимые угрызениями совести, покидают власть и богатство. Все 5 братьев, вместе с женой, в сопровождении верной собаки, удаляются в нустыию и хотят подняться на Гималаи, чтобы увндеть небеса Индры. Один за другим умирают богомольцы по дороге, доходит только Юдхиштпра вместе с собакой. Индра приглашает его в небесный рай, но Юдхиштпра требует допущения также всех остальных. Тогда Индра отказывает, и Юдхиштпра низвергается в ад: он согласен лучше разделить страдания других, чем быть одному в раю. Но тут внезапно оказывается, что огорчения были только майя (сном и навождением), а на яву вся семья вступает в небеса и соединяетея навсегда с Индрой.

Магабгарата сильно отличается от Веды. В долине Ганга арийцы перестали чуждаться туземцев: арийских героев выручает черный чародей Кришна, в лице которого скрывается Вишну, бог - благодетель человечества. Завоеватели допускают у себя туземные обычаи: братья Пандавы имеют общую жену (это — брак полиандрический: одна жена, несколько мужей), между тем как Веда предписывает строгое единобрачие (или моногамию: один муж, одна жена). Из Магабгараты видно, что арийцы не смогли образовать в Индостане единое большое государство; белолицые ведут между собою истребительную борьбу. В боях воинство истощает свои силы; от роскошной жнзни слабеет его прежняя суровая храбрость. Его упадок ведет к усплению браминов.

Господство браминов. В старипу вожди умели одинаково командовать на войне и обращаться к богам от имени всего народа: молитвы и обряды были просты и кратки. С течением времени обряды и священные песни становятся сложной наукой, которую могут изучить только брамины, священники, долго готовящиеся к своей деятельности. Брамины объявляют себя единственными посредниками между богами и-людьми: они учат, что без Брамы, т. е. молитвы, нет доступа к богам; от Брамы зависит сила всех других богов; Брама выше всех и как бы заслоияет собой других.

Оппраясь на это учение, брамины требуют себе первого места в жизни: их мудростью должны руководиться цари, воины и весь народ. Брамины старались вернуться к старинной чистоте арийского племени, его вере и обычаям, остановить дальнейшее смешение с туземцами. Они учили, что от начала времен божество разделило людей на нерушимые 4 касты (разряды): браминов (священников), кшатриев (воинов), ваисиев (торговцев и ремесленников) и судр (рабов). Непроходимая пропасть разделяет первые три касты, потомков арийцев, от последней, происходящей от туземцев. Они уверяли еще, что брамины выросли из уст Брамы, кшатрии из его рук, ваисии из бедр, а судры, которые обязаны нести на себе все остальные органы и части тела, из ног.

Однако брамины сделали важные уступки туземным обы-

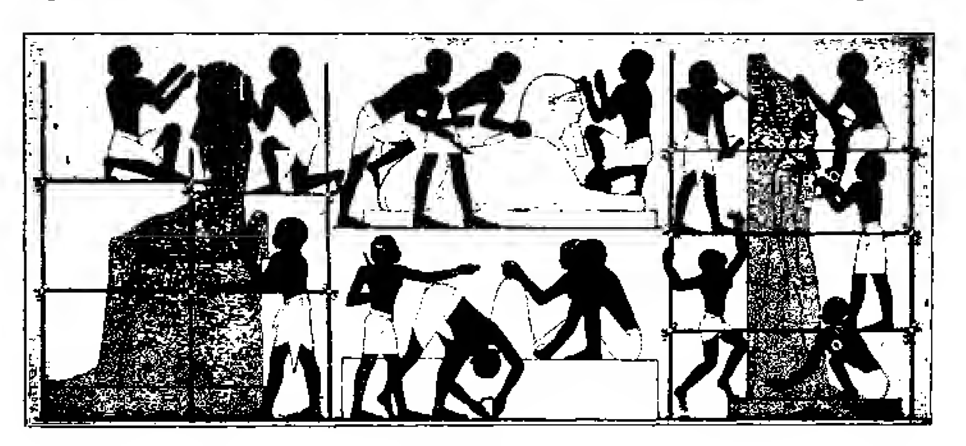
чаям и вере. В число покровителей индийского народа вступил не только Вишну, божество малоизвестное и невеликое во времена Веды, но также Сива, бог почитаемый темнокожими, в котором арийцы прежде видели злого демона. Вместо старой троицы — Индра, Сурийя, Агни — они установили новую: Брама, Вишну, Сива. Брама — великий творец, Сива — разрушитель, Вишну — возродитель. По временам, когда разрушение заходит слишком далеко, Вишну спускается на землю и принимает человеческий вид для того, чтобы помочь страждущим людям. Сохранив веру глубокой старины в то, что во всяком животном, растении, камне может жить дух, брамины придали ей новый нравоучительный характер. Человеческое тело представляется им временным местопребыванием души, которая обладает вечностью и осуждена странствовать, переселяться из одного существа в другое. От того, как прожита земная жизнь, зависит дальнейшая судьба души: добрая душа способна приобретать божественпую природу и возвращаться вновь в свою светлую небесн□ю родину, а злые, увлекавшиеся грехом и страстями, должны возрождаться бесконечное число раз в других людях и животных.

Новое царство в Египте. Пастухи более полутораста лет владели нильской долиной. Их дикая сила постепенно расстроилась; подчинивши фиванскому владетелю других египетских князей для сбора дани, они сами подготовили свое падение. Фнванский фараон перенял у кочевников бой на повозках, завел у себя конницу, отвлек на свою службу часть пастухов и разгромил главный их лагерь Ауарис. После этого масса степняков отхлыпула назад за Суэцкий перешеек; Египет опять объединился под властью фараонов, но их столицей сделались теперь Фивы, расположенные далеко от границы и более безопасно, чем Мемфис.

На этом успехе фиванские фараоны не захотели останавливаться, но со своим большим войском, наполовипу составленным из чужестранцев, нанятых за деньги, они двипулись в Азию, на новые завоевания. Воинственный Тутмес III в 1480 г. до Р. X. прошел победоносно вдоль берега Средиземного моря, перешел горы Ливана и покорил всю Сприю вплоть до реки Евфрата и до гор Тавра. Владетели городов и замков этого края обязались посылать богатые подарки в Фивы и отдавать в внде залога фараопу своих сыновей: воспитывая их по египетскому обычаю при своем дворе, фиванский владыка думал в них вырастить верных слуг своих. Подчинившийся фараопу князь города Иерусалима в Ханаане писал униженно: «семь раз припадаю я к ногам твоим и еще семь раз; не от отца и матери получил я владение, а из могучих рук твоих».

Тутмес, гордый своими победами, велел выстроить в Фивах для своего возвращения триумфальные ворота; свои подвиги он записал на 4 огромных обелисках (все обелиски

Тутмеса увезены из Египта и украшают собою в настоящее время площади Константинополя, Рима, Лондона и Нью-Йорка).

Египетские ваятели.

Для снаряжения и прокормления воинства фараону нужны были в большом количестве золото и серебро; он занимал дра-

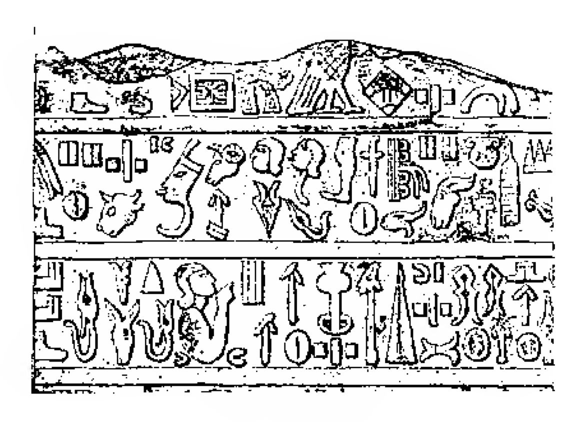

Хетитский рельеф.

гоценности в храмах, а по окончании походов отдавал долг с лихвой, одаряя священников и украшая святилища богов. Главную выгоду получал бог-покровитель Фив, Амон, и его слу-

жители. Фараон выстроил Амону храм небывалой величины; вся военная добыча, приходившая из Сприи, поступала в пользу фиванского бога; его стали почитать, как верховного властелина великой державы, ему подчинили всех других богов. Фараоны один за другим принимали имя Аменофиса, в честь Амона.

Торжеством и обогащением Амона были крайне недовольны священники других богов, не получавших богатых подарков и приношений. Пышностью и роскошью богослужения в Амоновых храмах возмущались также проповедники новой возвышенной веры: они говорили, что изображать божество человеческими чертами, класть к его ногам поверженных врагов, засыпать его золотом грубо и нечестиво; в мпре есть лишь единый Бог,

Хетитские иероглифы.

изливающий свою благодать на людей; он невидим, и его нельзя изображать; только через солнечный лик обнаруживается его сила.

Увлеченный новой верой, молодой фараон Аменофис IV задумал опрокипуть господство человекоподобного Амона и его алчных служителей. Он предписал прекратить жертвы и подарки, приносимые Амону, отнять у него все его богатства, вычеркнуть всюду его имя. Единым Богом всего Египта он объявил Великую силу Атона (солнечного круга); свое имя Аменофис, в котором слышался ненавистный звук Амона, он переменил в Эхнатон (т. е. угодный Атопу). Он покинул Фивы и назвал свою новую столицу Ахетатон (восходящее солнце). Фараон требовал, чтобы художники изображали следующую картипу: наверху солнечный круг с расходящимися во все стороны лучами, которые окаичиваются протянутыми к людям руками божества; ниже сам фараон, как исполнитель воли Божией и посредник между Богом и народом, раздает всякие блага жизни.

Недолго удержались эти новые порядки в обрядах и вере.

разъяренные служители Амона по смерти Эхиатона, уничтожили его сооружения, стерли его имя; столицу его разорили и разрушили. Новому фараопу, выбранному из другой династии (семьи) поставили условием возродить все прежнее величие Амона. Пока

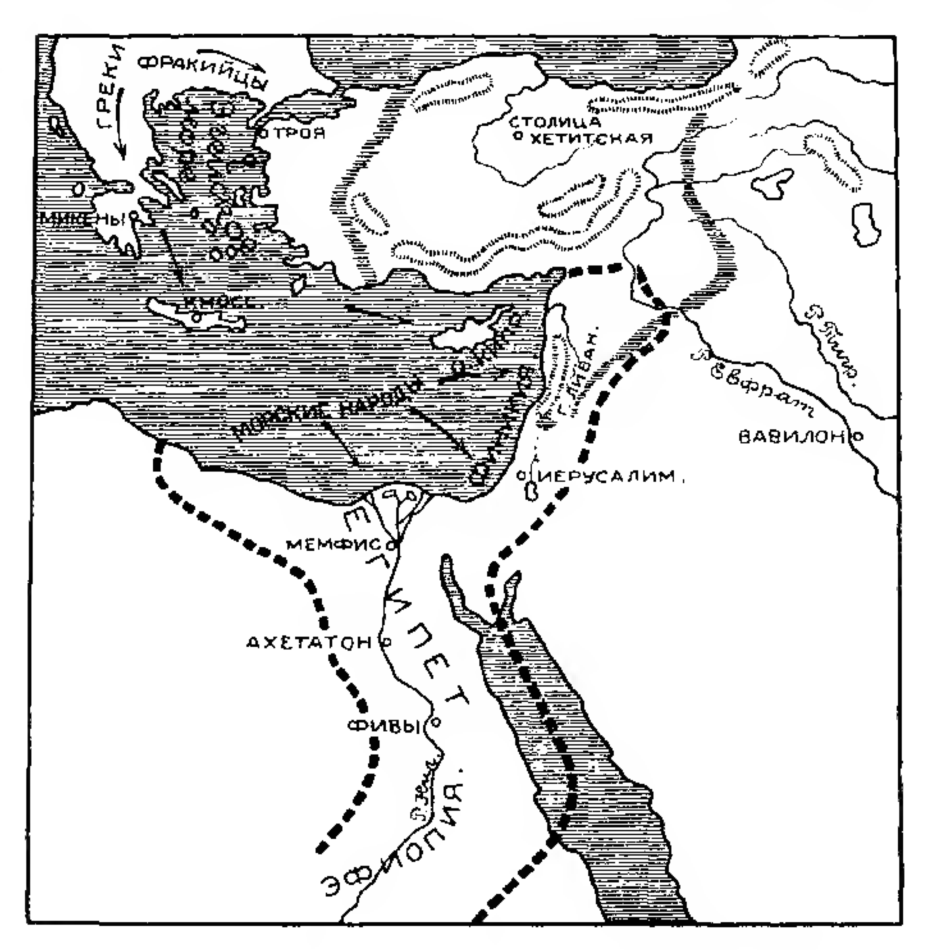

Рамзес II.

Египет был полон споров из-за религии, войска фараона не показывались в Азии. Этим воспользовался вождь хетитов, Сапалулу: увлеченный примером египетской державы, он соединил в своих руках горные страны Малой Азии и Кавказа, обильные металлом, подчинил себе Месопотамию, т.е. северную часть Двуречья, завоевал всю Сприю и назвался великим царем.

Фараоны однако не хотели отказываться от своих азиатских владений и вступили в борьбу с великим царем горных стран. В 1320 г. до Р. Х. фараон Рамзес II встретился с врагом в Ливанских горах. Хетиты окружили передовой отряд, в котором

находился сам царь, и чуть не взяли его в плен; его спасла только большая армия, подоспевшая на поле битвы. Придворный поэт Пентаурт прославил потом этот бой, рассказав в стихах, как царя окружнли 2500 вражеских повозок, как он обратился с мольбой к богу Амону, обещая ему бесчисленные подарки и постройки, как после этого, точно волшебством получив-

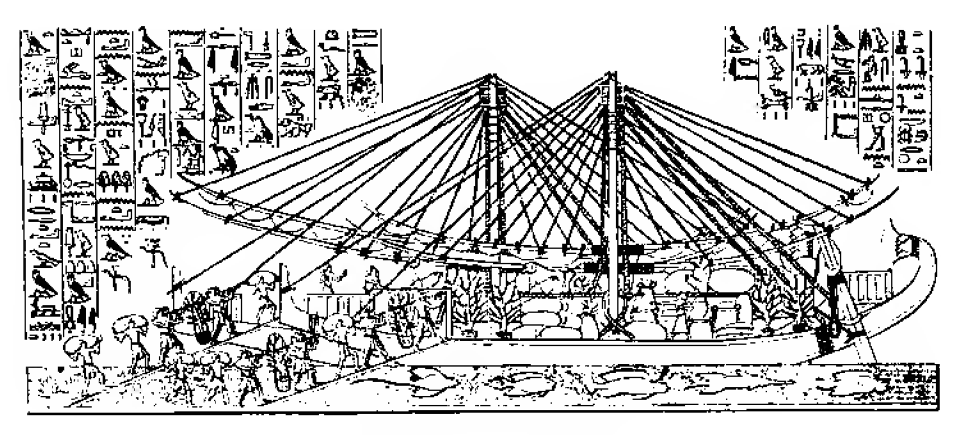
Повое царство в Егинте, хетитская держава, нанадение морских народов.

ши великую мощь, фараон разогнал и затоптал вражескую силу.

Война не дала ни той, ни другой стороне полного перевеса. Воюющие заключили мирный договор, в котором обязались соблюдать вечный мпр, облегчить торговые поездки хетитам в египетских владениях, египтянам — в хетитских, выдавать друг другу беглецов и преступников. За хетитами остался север Сприи, фараопу отдали Ханаан и кроме того береговую

полосу у Средиземного моря. Хетиты? настоящие горцы, чуждались моря; напротив, египетские фараоны усердно снаряжали корабли для торговых путешествий на запад.

Уже давно в Египет возили с берегов Эгейского моря, лежащего между Балканским и Малоазийским полуостровами, красивую глиняную посуду, расписанную яркими красками. Теперь посредниками торговли между нильской долиной и странами, прилегающими с севера к Средиземному морю, взялись быть рыбаки и судохозяева приморской части Сприи. Берег этот впоследствии назывался **Финикией**, т. е. страной нурпура, красной и синей краски (добываемый из морской каракатицы сок служил для окраски самых дорогих материй, а жители Финикии известны были в других странах, как распространители этих материй). Сначала финикияне, опасаясь двипуться в открытое море,

Пагрузка егинетского корабля.

держались берегового плаванийя. Со своего берега они видели в хорощую погоду оконечность о. Кипра, богатого медью, отсюда недалек переезд к Малой Азии; следуя вдоль малоазийского берега, финикийские корабли добирались до Эгейского моря, полного островов, которые составляют как бы мост от Малой Азии к европейскому побережью.

Эгейско-критская культура. На берегах Эгейского моря, занятого впоследствии греками, за 2000 лет до Р. Х. жнл народ, в культуре которого были черты, общие с египтянами.

В области, называвшейся потом Беотией, от озера Копаидского были проведены каналы и устроены плотины для пользы земледелия. Умерших хоронили в больших каменных склепах, высеченных в скале или сложенных из огромных плит. В могилу клали убранство и украшения, принадлежавшие умершему: на женщинах широкие пояса из тонкого золотого листа с привесками, большие золотые пластинки на груди; с воином лежит его парадное оружие; на лицах покойников золотые маски как бы **для**

того, чтобы придать им сияющий вид. Из обычая старательного сохранения тела видно, что старинные жители Греции, подобно египтянам, верили в возрождение душ и воскресение умерших.

Недалеко от моря богатые вожди выстроили себе крепкие замки среди подвластного им населения, жившего в деревнях. Особенно замечательны три замка: ь Микенах на южной оконечности Балканского полуострова, называемой Пелопоннесом, в Трое на малоазийском берегу у входа в Геллеспонт (Дарданельский пролив), и в Кноссе, на большом острове Крите, замыкающем с юга Эгейское море.

Красочная картина со стены Кносского дворца (нридворный наж, затянутый в узкое нлатье, несет тяжелую ношу).

Микенский замок построен на скалистом холме с крутыми, обрывистыми боками. На вершине холма неприступные стены замыкают просторный двор, где в случае нападения врага могли укрыться окрестные жители. Сам владетель замка со своей родней жил в глубине дворца, в укрепленном строении, сложенном из камия и глины в перемежку с деревянными брусьями. Вечером все собирались у очага, горевшего в среднем большом покое; в доме не было окон, свет проникал только через дымовое отверстие в крыше.

Из эгейских вождей больше всего дружил с египетским фараоном обладатель кносского замка, который своим флотом господствовал над островами Эгейского моря. Долго потом жила слава этого владыки морей: греки, позднейшие поселенцы на Крите, рассказывали миф о хитроумном и жестоком царе Миносе, увозившем пленников со всех берегов и отдававшем их на съедение Минотавру, полубыку - получеловеку, который жил в громадном запутанном и заколдованном дворце, Лабиринте. В этой сказке есть верные сведения, им только придан волшебный внд, и, как всегда в мифе, дела, совершенные несколькими вождями, приписаны одному герою. В Кноссе действительно был очень большой дворец, в котором помещался придворный штат и гвардия царя, со множеством приемных зал, передних, спа-

лен, кладовых, со сложными ходами, коридорами, лестницами и баллюстрадами, так что новому человеку в нем не трудно было заблудиться. Миф о чудовищном людоеде Минотавре мог получиться вследствие того, что на Крите существовал обычай закалать людей в жертву перед изображением бога в виде человека - быка.

Во дворце кносского Миноса были усовершенствования, которых не знали на востоке, между прочим водопровод и канализация: вода горных источников сбегала по глиияным трубам во дворец; здесь ее наливали для питья, для вина, для умывальников, для мытья каменных полов; нечистые воды

Кладовая Кносского дворца.

по другим трубам отводили из здания дворца в море. Наружные стены дворца были глухие, без дверей и окон, точно стены крепости, с одним лишь входом через ворота. Свет проникал в покои сверху через пролеты крыши: под ними помещались небольшие дворики и площадки, на которые выходили двери и оконные отверстия комнат.

Лабиринт отличался роскошью и блеском; жизнь в нем кипела щумная и полная развлечений. Внутренние стены дворца были украшены картинами, изображавшими или морскую глубину с водорослями, рыбами и восьминогами, или цветущие луга и собирающих лилии детей, пли придворных, несущих к царскому

столу чаши и кубки, или охоту дикой кошки за фазанами и т. п. В приемных комнатах стояла мебель, на туалете громоздились безделушки из слоновой кости и фаянса, изображавшие акробатов, прыгающих через спины быков, заклинательниц змей, дикую козочку с козлятами, морских крабов и диковинных рыбок

Критские вазы.

и т. д. В хозяйстве применялось множество глиняной посуды, большие чаны для хранения вина, масла, муки и зерна, расписанные красками кувшины, вазы, блюда для стола и украшения зал. Посуду эту приготовляли уже не от руки, как в ста-

Хор жнецов (рельеф на серебряной вазе).

рину, а на гончарном колесе, которое позволяло работать несравненно быстрее и в то же время придавать материалу правильную и красивую форму.

Прндворные Миноса носили своеобразпую одежду: дамы — длинные платья, туго стяпутые в талии, со множеством сборок, топорщившихся в роде кринолина, мужчины—узкие и короткие панталоны и корсеты. Церемонный костюм этот непохож на легкие просторные рубашки египтян, а также позднейших обитателей Крита, греков. Вблизи дворца Минос выстроил театр под открытым небом с уступообразными сидениями вокруг сцены;

царь проходил к нему особым длинным коридором и смотрел из своей ложи хороводы, танцы, пантомимы (мифы в лицах). На другом конце Лабиринта была также открытая арена для боя быков; к ней спускалась от дворца широкая лестница; Минос со своим двором глядел на зрелище сверху, а с другой стороны арены снизу приходила толпа зрителей из города Кносса.

Предвестия железного века. - Для изгнания пастухов и для борьбы с хетитами египетские фараоны нанимали в большом количестве иностраннык воинов; особенно охотно забирали они на свою службу рослых полудиких европейцев, прибывавших морем с полуостровов Балканского и Апеннинского, с островов Сицилии и Сардинии. Слухи о хорошем военном заработке и богатой добыче, проникая в Европу, привлекали на восток все больше и больше беспокойных искателей приключений. Наконец, в умах наиболее предприимчивых европейцев сложилась мысль о самостоятельном большом походе на замаичивый, сказочный по своей роскоши край.

Собравшись- из различных европейских стран, воители обрушились прежде всего на Крит. В 1200 г. они осадили кносский дворец; ворвавшись внутрь, пришлецы перебили всех обитателей Лабиринта, захватили накопленные там драгоценности и, не умея по своей дикости пользоваться красивой обстановкой, изящными изделиями критской культуры, сожгли великолепное здание с его произведениями искусства. Корабли Миноса очень пригодились завоевателям: Крит стал местом сборища для их дальнейших предприятий. Отсюда они сделали нападение на о. Кипр, затем большое сухопутное войско европейцев, высадившись на берегу Сприи, разгромило хетитскую державу. После этой победы оно двипулось против египтян; между тем флот «морских народов» (так в Египте называли пришельцев) вошел в восточный рукав Нила и направился вверх по реке.

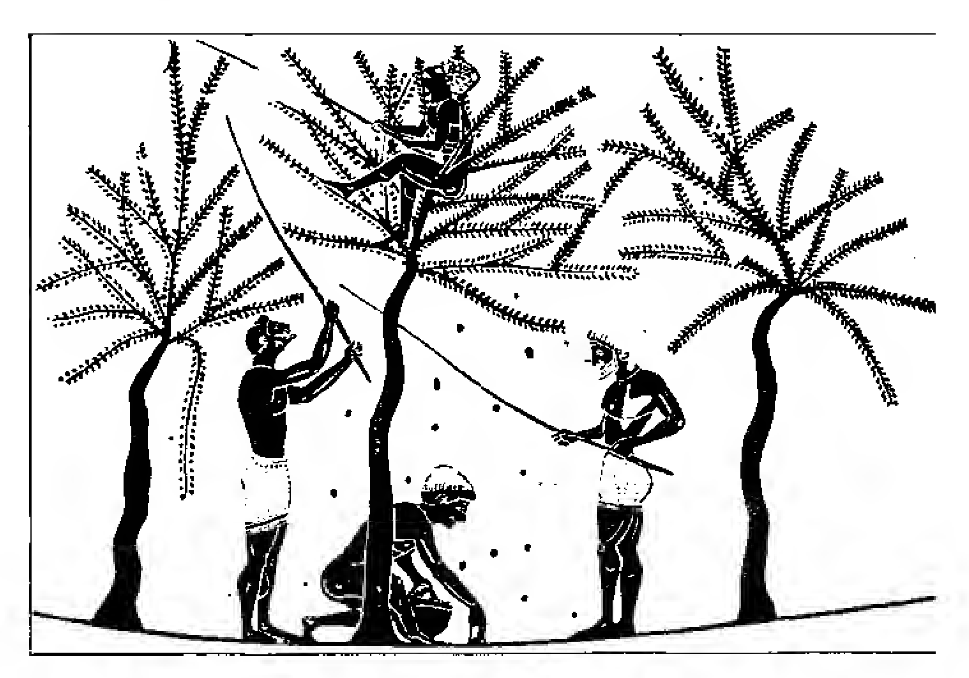
Фараон Рамзес III оказался находчивым и 'неутомимым полководцем . Он повел свои корабли навстречу вражеским, притиснул их к берегу и поставил под стрелы своих пехотинцев. Уничтожив флот противника, Рамзес поспешил через Суэцкий перешеек и подошел к большому укрепленному лагерю, который европейцы выстроили недалеко от берега. И на этот раз искусство египтян одержало верх над диким натиском пришельцев с запада.

Нападение морских народов на Ближний Восток, несмотря на испытанную ими неудачу, предвещало в будущем новый прилив европейцев. Теперь цель была ясна, нути открыты; все дело заключалось в том, чтобы овладеть морем и приобрести перевес в оружии. В свое время, когда с увеличением войн обнаружился недостаток в каменных орудиях, воители изобрели бронзу; теперь, когда стало не хватать бронзы, пришли к мысли воспользоваться лежавшим до тех пор в пренебрежении .железом. В стра-. нах старинной культуры, в Египте и Двуречьи не имелось металлов. Европа, напротив, была богата ими, особенно железом.

Европейцы открывают собою железный век, еще более воинственный, чем был бронзовый.

Греки на берегах Эгейского моря. В числе морских народов, разгромивших Крит и напавших на Египет, находились греки (или как они сами себя называли ахейцы и данаи), которым суждено было создать самую замечательпую культуру Древности.

По языку близкие к арийцам, греки своим бытом и верованиями отличались от старого населения берегов Эгейского моря. Они забросили каналы и плотины, выстроенные у Копаидского

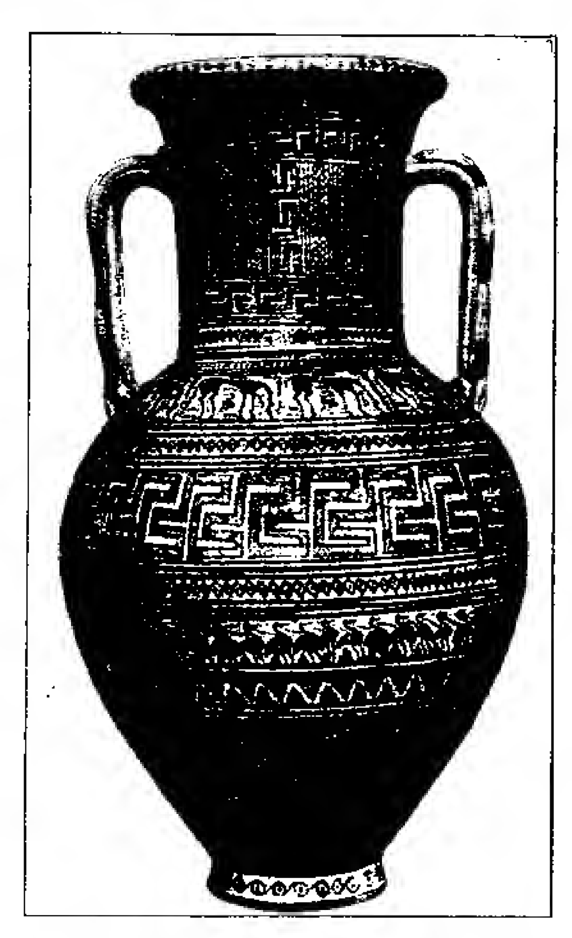

Сбор оливок в Греции.

озера и служнвшие земледелию; склоны гор и холмов они покрыли виноградниками и оливковыми посадками. Греки привыкли к более простой жизни; их вожди не знали, что и делать в громадном Лабиринте. Микенский замок, гораздо менее просторный, они приспособили себе; но убранство комнат, изящные вещицы эгейской культуры мало интересовали их; скоро перевелись и мастера, умевшие работать эти изделия. Всего больше расходились пришельцы с туземцами во взглядах на загробную жизнь и в способах погребения умерших. Греки не считали нужным сохраиять тела покойников и строить для них вечные каменные дома, так как не верили в возможность их возрождения. Тело умершего вождя клали на костер; с ним вместе сжигали зарезанных пленников, быков и баранов; затем отбирали

кости великого человека, помещали в золотой сосуд и насыпали над ним холм.

Из всех европейцев греки обнаружили наибольщую охоту к морским набегам и торговым поездкам. Пытливые и переимчивые, они быстро усвоивали иностранные изобретения, открытия, верования, мифы. Выучившись у финикиян мореплаванию, греки загородили азиатским морякам доступ в Эгейское и Чер-

Старинная афинская ваза, служившая для хранения нраха умерших.

ное море. У вавилонян греки взяли рассказы об ужасах ада, о лодочнике, перевозящем в страну мертвых, о волшебном певце, спускающемся в преисподиюю, чтобы смягчить сурового повелителя подземного царства, о жалкой участи умерших, тени которых заклинанием можно вызвать на поверхность земли; да^ лее — сказание о великой борьбе между богами старшими и младшими; у греков место Мардука занял Зевс, вооруженный

так же, как вавилонский бог, молниями. В греческом сказании о потопе нет большого ковчега, в котором спасаются люди и звери: Девкалион и Пирра, пара людей, пощаженных богами, восходят на высркую гору и создают новое поколение из камней, которые они бросают себе через голову. Подвиги героя Гильгамеша греки приписали своему герою Гераклу: он борется со львом, с огнедышащим быком, он странствует на далекий запад за сверкающими яблоками райского сада. Священное число вавилонян, 12, греки прииняли в свои верования и мифы: двенадцать высших богов правят миром, двенадцать подвигов совершает Геракл.

Первое крупное предприятие греков, о котором у них сохранилась память, — Троянская война (около 1000 года до Р. Х.). К событиям и героям этой войны любили обращаться греческие поэты. Особенно замечательны два произведения, приписанные Гомеру: Илиада, т. е. бои под Илионом (другое имя Трои), и Одиссея, странствования одного из героев Троянской войны послевзятия Трои. Преданиям поэмы рассказывают следующее.

'омеР <в позднейшем изображен*..

Царь микенский Агамемнон, вступился за брата своего Менелая, у которого Парис, сын троянского царя Приама, увез жену, прекрасную Елену, вместе с ее сокровищами: на зов Агамемнона собрались воители со всей Греции в поход против Трои. Бурные ветры мешают им выехать из пристани, служащей сборным местом: предсказатели объяснили, что богиня Артемнда гневается на Агамемнона за то, что царь убил посвященную ей лань; единственное средство искупления вины — принести в жертву дочь царя Ифигению. В ту минуту, когда жрец заносит нож над девушкой, совершается чудо: богиня похищает Ифигению в облаке и предоставляет людям для жертвы лань. Высадившись у малоазийского берега против Трои, греки вытаскивают корабли на сушу и строят против городских стен укрепленный лагерь. К троянскому царю Приаму подходят союзники из Азии, и между двумя воинствами начинаются упорные бои, в которых с той и другой стороны принимают деятельное участие боги. У греков лучший герой — Ахилл, рожденный морской богиней Фетидой, которая купала сына в огне, чтобы сделать его неуязвимым.

Илиада рассказывает о жестокой ссоре Ахилла с Агамемноном из-за добычи, после чего Ахилл отказывается от участия в боях. Троянцы под предводительством Гектора, старшего сына

Приамова, начинают теснить греков, врываются з греческий лагерь, собираются зажечь вражеские корабли. Чтобы помочь грекам, друг Ахилла, Патрокл, выходит в блестящем вооружении Ахилловом; но Гектор убивает его и снимает с убитого доспехи. Ахилл в отчаянии хочет наложить на себя руки; его мать, морская богиня, утешает его, упрашивает бога огня и волшебного кузнеца, Гефеста, приготовить сыпу новые доспехи. Ахилл, горя мщением, беспощадно убивает троянцев, топчет их своей колесницей; но священный долг мести, который на нем лежит, будет исполнен, лишь когда он убьет Гектора. Перед единоборством Ахилла и Гектора верховный бог Зевс гадает на весах, кому из них дать победу; участь Гектора решена, когда его жребий спустился на чашке весов вниз, к смерти и аду. Бог Аполлон, по-

Борьба Ахилла с Гектором (живопись па вазе).

кровитель Гектора, должен отступиться от него, богиня Афина Паллада помогает Ахиллу. Убивши Гектора, Ахилл подвергает поруганию его труп, волочит его за собой привязанным к колеснице. Старик Приам не может вынести этого зрелища, приезжает в ставку к Ахиллу и вымаливает у него тело Гектора.

Илиада оканчивается на этом. Предания рассказывают дальше, что греки, простоявши под Троей 10 лет, взяли город только хитростью. Сделав вид, что отплывают на родину, греки оставили троянцам большого деревянного коня, как бы для принесения жертвы богам; троянцы приняли дар и ввезли к себе коня; ночью из сооружения вылезли спрятанные там греческие герои и открыли ворота своим соратникам. Произошло избиение троянцев и сожжение Трои; женщины и дети были уведены в плен и обращены в рабство.

В этих рассказах сплетаются волшебные приключения с действительными происшествиями. По ним трудно восстановить ход событий и размеры войны; взятие Трои приходится отвергпуть, как явную сказку. Зато история Троянской войны в передаче греков дает нам ясное понятие о их быте и верованиях. Они не так представляли себе богов, как египтяне и вавилоняне: греческие боги ближе к человеческому миру; живут они не на небе, а на горе Олимпе, где выстроены их дворцы Гефестом, часто спускаются в среду людей, принимают человеческий вид.

Между тем как боги у греков человекоподобны, люди по временам могут делаться богоподобными.

В Илиаде есть рассказ о том, как герой Диомед, в пылу сражения, подстрекаемый богиней Афиной Палладой, ранит с 2мого бога войны Арея, помогающего троянцам. Из этого видно, что хотя греки приияли религию, внушавшую им учение о всемогуществе богов, но в то же время у них сохранилась старинная вера в волшебство, дающее человеку сверхъестественпую силу.

Глава III.

Семиты, греки, персидская держава.

Путешествия и колонии финикиян. Натиск европейцев, появившихся в восточной части Средиземного моря, в конец расстроил обе великие державы ближнего Востока, египетскую и хетитскую; отозвался он и на судьбе моряков финикийского побережья, входивших в состав Фиванского царства. Так как греки загородили нути к юговосточнои части Европы, до которой так легко было добираться вдоль берегов, то азиатским странствова-

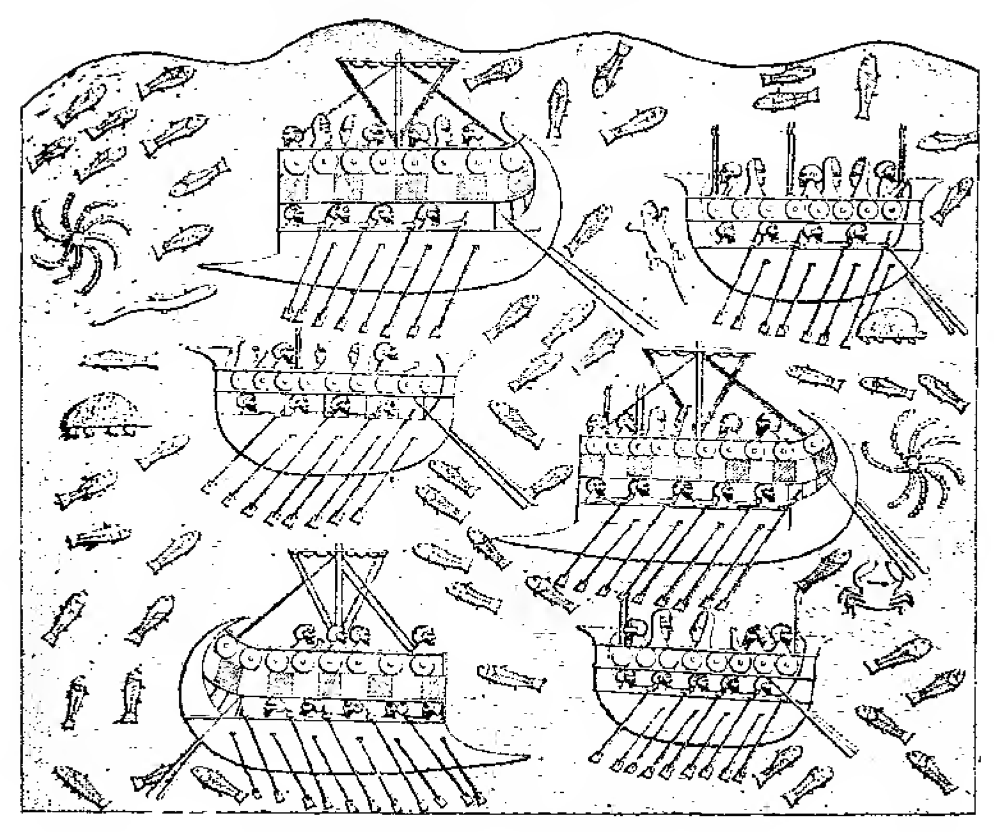

Семиты в египетской живописи.

телям поневоле пришлось покинуть старые способы плавания и двинуться прямо по открытому морю на запад. В гаваиях Сидона, города богини Астарты (то же, что Иштар), и Тира, города бога Мелькарта, опытные финикийские мореходы собирают под своим предводительством предприимчивых людей со всех концов Передней Азии. Главной целью их поисков было собирание металлов с западной окраины Европы: серебра, добываемого на Ппренейском полуострове (нынешней Испании), и олова, привозимого из Британнии (Англии) через Галлию (Францию) к берегам Средиземного моря.

На нути в Испанию и обратно финикийским морякам приходилось останавливаться для роздыха у берегов выдавшегося в море полуострова Малой Африки (нынешнего Туниса). Завязалась торговля с африканскими племенами, которые охотно обменивали свои товары, хлеб, фрукты, шкуры и кожи, дерево для постройки кораблей, на изделия азиатского ремесла, доставляемые финикиянами. В 814 году до Р Х. тирские моряки построили в тунисской бухте, закрытой мысом Бон,

Фипикийские корабли в изображепии ассирияп.

укрепление Бирсу, около которого вырос город Карфаген (по финикийски Картхадашт, что значит Новгород). Предание говорит, что основание Карфагену положила изгнанная из Тира царица Дидона: прибывши в Африку, она выпросила у вождя местных дикарей земли не больше, чем может охватить воловья шкура, затем разрезала шкуру на тонкие ремни и оцепила ими место, достаточное для построения крепости. Хотя рассказ похож на шуточную игру слов (Бирса значит воловья шкура), однако по-своему верно передает приемы, примеиявшиеся финикиянами при поселении в чужом краю: они не вели войны, выступали скромными на вид просителями, склоняли туземных во-

ждей на свою сторону подарками, выплачивали им правильную дань, старались поразить воображение дикарей красивыми товарами Востока, яркими пурпурными материями, стеклянными бусами, расписной посудой, а между тем прочно утверждались на месте, окружали свои колонии (поселения в чужом краю) крепкими стенами, забирали соседиюю плодородную землю. Постепенно в Африке (так в древности назывались нынешние области Тунис, Алжир и Триполи) образовалась как бы новая Финикия, гораздо богаче и просторнее старой (.нынешний город Тунис находится рядом с древним Карфагеном, нынешний город Бона во французском Алжпре есть финикийский Гиппон;.

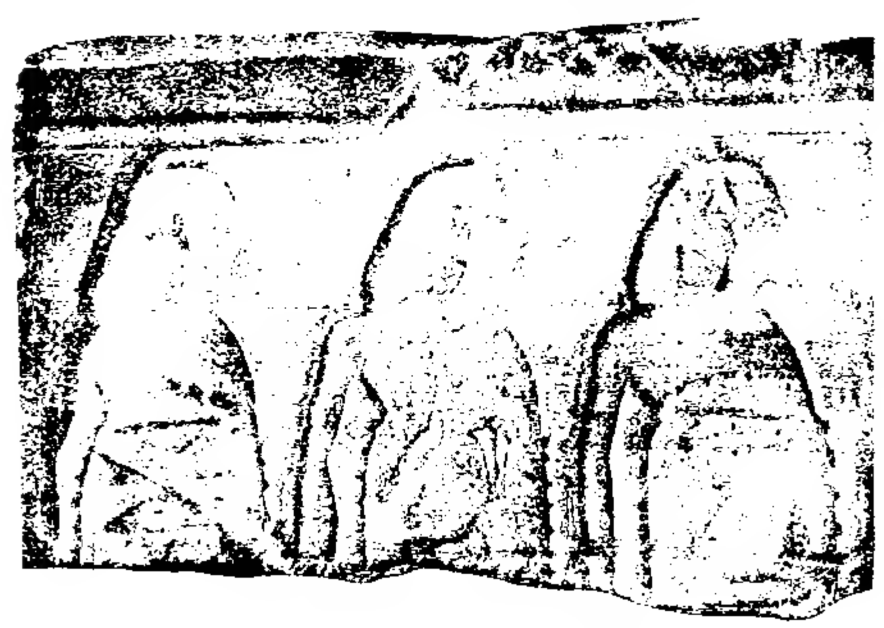
Одновременно с поисками на далеком западе торговцы Финикии совершали сухопутные поездки на юг в страны жаркой полосы; через Ханаан направлялись они к Аравийскому заливу и дальше вдоль его берега к Счастливой Аравии, а также по самому морю к западно-африканскому берегу (нынешней Абиссинии и стране Сомали). Для финикийских караванов, возвращавшихся из южных краев с грузами золотого песку, слоновой кости, ценного мебельного дерева, ладану, душистых курений и мазей (того, что мы теперь называем аптекарскими и парфюмерными товарами), остановкой служил город Иерусалим, который сделался средоточием народа израильского.

Израильское царство. «Сыиы Израиля», как они сами себя называли (Израиль значит «боец Божий»), или евреи, как их звали посторонние, первоначально воинственные и грубые кочевники, пришли со стороны пустыни из-за р. Иордана и принесли с собой предания и обычаи степной жизни. Согласно их сказаниям, народ долго жил в рабстве у египтян и был освобожден великим вождем и пророком Моисеем, воспринявшим закон на горе Синайской из уст самого Яхве; после 40-летнего странствования в пустыне они были приведены в обетованпую богом землю Ханаанскую (одновременно с Троянской войной). Продолжая жизнь в шатрах, они сначала беспощадно истребляли культуру садоводов и виноделов. Своему богу они молились на высотах под открытым небом, а главпую свою святыию, ковчег божий (ларец со священными камнями) берегли в переносном храме, имевшем вид шатра (по гречески скинии), увешенного финикийскими ярко окрашенными в красный и синий пурпур материями.

С израильтянами в Ханаане случилось то же самое, что с арийцами в долине Ганга; они постепенно примирились с туземцами, стали вступать с ними в браки, поселились в выстроенных хананеями городах. Самые гордые воспоминания народа связаны с именем Давида, героя из колена, или племени Иудина, непобедимого вождя, слагателя воинственных песен (псалмов). Давид сделал из Иерусалима, захваченного Иудиным коленом, неприступпую твердыню и подчинил ему остальные племена израильского народа (впоследствии евреи насчитывали 12

колен, происшедших от 12 сыновей патриарха Иакова, или Израиля).

Вместе с переходом народа к оседлости, переменились и обряды его поклонения своему богу - покровителю, Яхве. При сыне Давида, Соломоне (в 950 году до Р. X.) в Иерусалиме вме-

Израильтяпе (в изображепии ассирияп).

сто переносной скинии стали строить большой каменный храм, подобный святилищам Ниппура, Вавилона, Мемфиса й Фив; между прочим в храме помещалось «медное море», громадная чаша, поддерживаемая фигурами 12 металлических быков, т. е. донущены были изображения, которые строго осуждались верой степняков. Соломон заключил с тпрским царем Хпрамом договор, в силу которого финикияне обязались доставлять для сооружения строительный материал и рабочих, а израильтяне снабжать финикийский город пшеницей и оливковым маслом; Соломон уступил Тпру часть своих владений и донустил свободный проезд финикийских караванов через Ханаан.

Богатые торговые и садоводческие области Сприи не могли сплотиться вместе в одно сильное государство. На берегу Финикии Сидон и Тпр, занятые больше всего морскими поездками, ревниво не уступали друг другу первенства; владетель Дамаска, большого города, расположенного, в цветущем оазе на север от Ханаана, враждовали с царями Израиля. Среди самого израильского народа, недовольного поборами Соломона на постройки и содержание двора, произошел раскол: из 12 колен отделились 10

и образовали на севере израильское царство со столицей Самарией; у наследников Соломона осталось лишь небольшое иудейское царство на юге. При таком разладе народы Сприи были бессильны сопротивляться новому завоевателю, напиравшему с востока, ассириянам.

Ассирийская военная держава. Ассирией называется небольшая область, расположенная по среднему течению р. Тигра на левой его нагорной стороне с главным городом Ассуром. Население его составляли семиты, которые в отличие от своих вавилонских и ханаанских единоплеменников, не смешались с туземцами и потому сохранили всю нетерпимость степных воителей. С наступлением железного века они становятся бесспорно первыми мастерами военного дела.

Фипикийский купец (статуэтка с о. Кипра).

Ассирийские цари не содержали на жалованьи иностранных солдат, как это делал египетский фараон; у них было постоянное войско, набираемое из крепких и храбрых земледельцев самой Ассирии, а также Месопотамии, плодородной области, расположенной против Асприи на правой равнинной стороне Тигра. На стенах дворцов ассирийских изображены, кроме царской охоты, только военные дела; штурм крепостей, переправа воинов через реки, аттаки конных стрелков и т. д. Особенно бросаются в глаза мускулистые фигуры бородатых длинноволосых пехотинцев в остроконечных медных касках, в панцырях из выпуклых металлических пластинок, с бронзовыми голенищами на ногах, с железноконечным копьем в одной руке и бронзовым щитом в другой.

У ассириян были три цели воинственных предприятий: 1) на юг, вниз по Тигру и Евфрату в страны старинной культуры, к Вавилону и другим городом, хранившим издавна накопленные драгоценности, 2) на север, к верховьям Тигра и Евфрата в горные страны нынешней Армении и Адзербейжана за железной рудой и стальным оружием и 3) на запад за Евфрат, в Сирию и на берега Средиземного моря, к богатствам вновь расцветающих областей виноделия и садоводства, торговых и ремесленных городов.

В 884 г. до Р. Х. Ассурназирпал начал свое царствование с попытки захватить страпу железа у озера Ван и покорить племя- Урарту, славившееся выделкой стали (имя Урарту до сих пор сохранилось в названии высокого горного кряжа Арарат). Быстро, без всяких задержек наступала ассирий-

Ассурпазирпал.

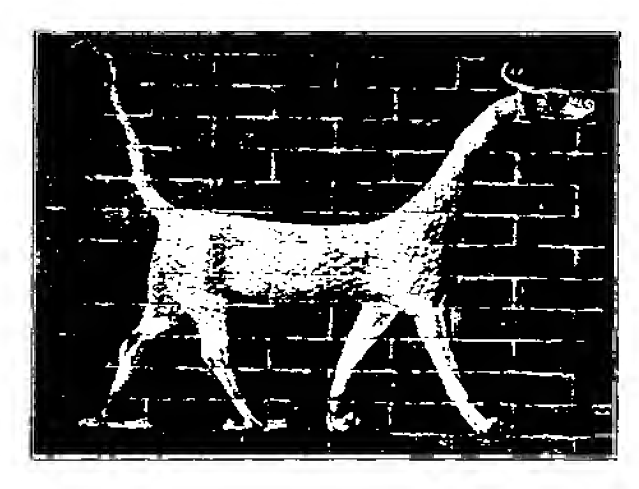
екая армия; впереди спешили землекопы, каменщики и плотники, под руководством инженеров, равняя дорогу, возводя мосты, прокладывая проходы в горах. Внезапно пришла весть о мятеже в Месопотамии: царь немедленно повернул назад и налетел на восставших. Вот-как он сам рассказывает о расправе: «я велел умертвить по одному человеку на каждую пару. Я построил степу перед большими воротами города и велел покрыть ее кожей, содранной, на моих глазах, с вождей восстания; иных я живьем велел замуровать в степу, а иных воткнуть на колья вдоль стены; я сложил их головы в виде венца, а их пронзенные трупы в виде гпрлянд.»

Затем Ассурназирпал переправился через Евфрат и разгромил остатки хетитской державы. Город Кархемыш спешил

сдаться и по требованию царя выдал: золотые чаши, золотые цепи, золотые клинки, золотых идолов, 100 талантов (т. е. грузов, везомых лошадьми) меди, медных идолов, медные сосуды, 250 талантов железа, царскую мебель из ценного дерева и слоновой кости, 200 рабынь, разноцветные ткани, черный и синий кристаллы, драгоценные камни и т. д. С городами, посмевшими оказать сопротивление, расправа была коротка: ассирияне разбивали кирпичные стены таранами, т. е. обитыми медью бревнами, которые раскачивались на цепях; подкативши на колесах высокие деревянные башни, воины переходили на бойницы осажденной крепости; проникпув внутрь города и вытащив из домов все ценное, они предавали строения и людей пламени.

Ассурназирпал выбрал себе новую столицу, Калхи, и в ней выстроил работой многочисленных пленников громадный дворец, обширный арсенал для хранения оружия и запасов железа, а также зиккурат, вполне подобный святилищам Ниппура и Вавилона. Ассприяне ничего не придумали новою и своеобразного: в своей вере, в обычаях и постройках они следовали рабски примеру вавилонян.

Сын Ассурназирпала Салманассар двинулся с большой армией на Сприю. При Каркаре, в 854 г. до Р. Х. его встретили

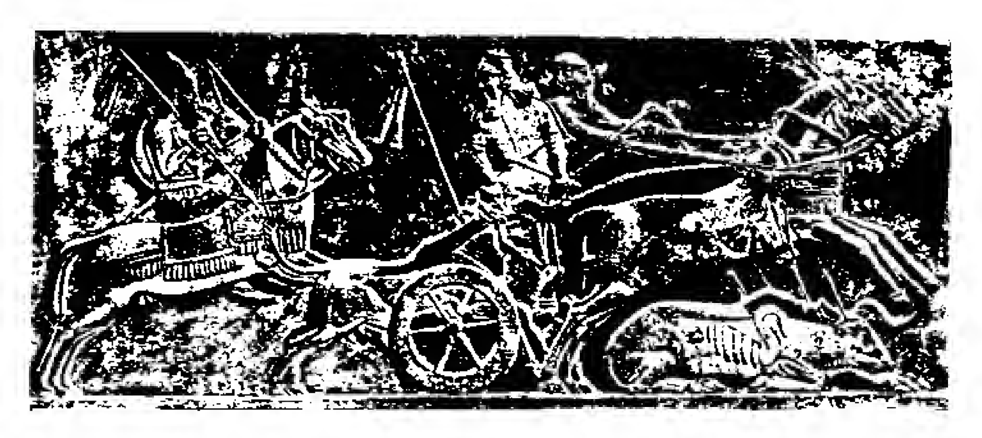

Вавилопский дракоп.

соединенные силы царей Дамаска и Израиля, к которым пришли на помощь степные арабы на верблюдах, еще не виданных в Передней Азии. Бились долго и упорно. Салманассар удержал за собою поле сражения, но не сломил врагов. Еще четыре раза возвращался он в Сприю и наконец одержал верх благодаря раздорам, поднявшимся у израильтян.

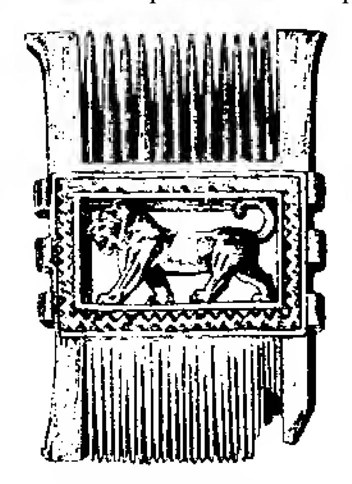
Израильский царь Ахав, страшась ассириян, искал дружбы

с финикийским Тиром и ради этого вступил в брак с тирской царевной Иезавелью, а также принял в свою страну жрецов тир-

Ассурпазирпал охотится па диких быков.

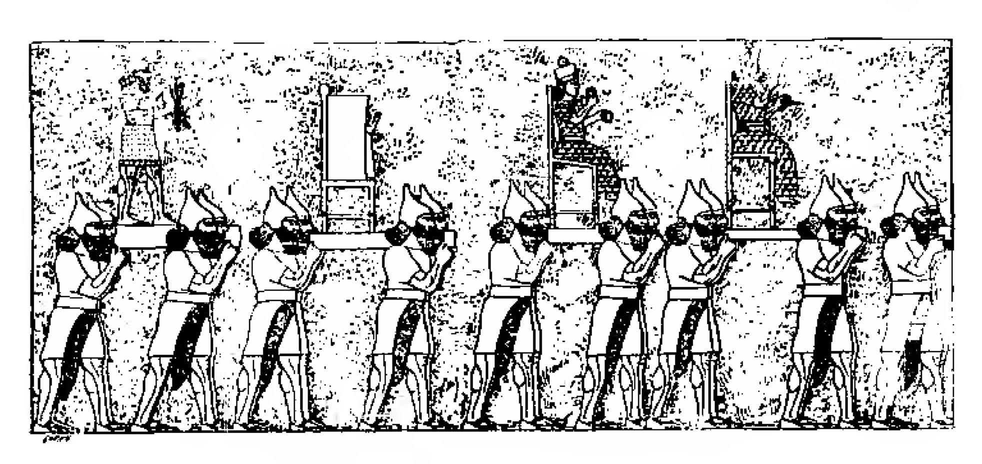
ского бога Баала, изображаемого в виде золотого тельца. Грозно восстали против этих обрядов пророки. Илия и Елисей; они требовали поклонения одному только исконному богу - покровителю израильтян, Яхве, проведшему свой народ через нустынюј с ними вместе выступали н а з и р е и, отшельники, не стригшие длинных волос в знак своего отвращения к светской жизни, и р е к а б и т ы, готовые совсем уйти из городов, восторгавшиеся старинной жизнью в шатрах, осуждавшие особенно питье вина и виноделие. Пророки и отшельники согласны были из за торжества своей веры пожертвовать самостоятельностью страны и народа. Они возбудили против сына Ахава командира войск Иеуя. Умертвив сыновей и вдову царя, все его родство, а также перебивши, по наущению Илии, жрецов Ваала, Иеуй провозгласил себя царем Израиля, но так как злодейства лишили его союза с Тиром, то пришлось искать милости ассириян: при новом появлении Салманассара Иеуй «поцеловал ноги великого господина и вымел землю своей бородой» (так сказано на б о л ь ш о м ч е р н о м о б е л и с к е, поставленном в память побед Салманассара). Дамаск очутился теперь между двух огней и выпужден был сдаться: с богатого города асси-

Гребепь из чернго дерева ассирийской работы.

рияне взяли 2300 талантов серебра, 20 талантов золота, 3000 талантов бронзы, 5000 талантов железа.

Господство ассириян держалось на страхе, который они внушали своими нашествиями. Покоренные дожидались первого случая, чтобы восстать и избавиться от поборов, взимаемых не-

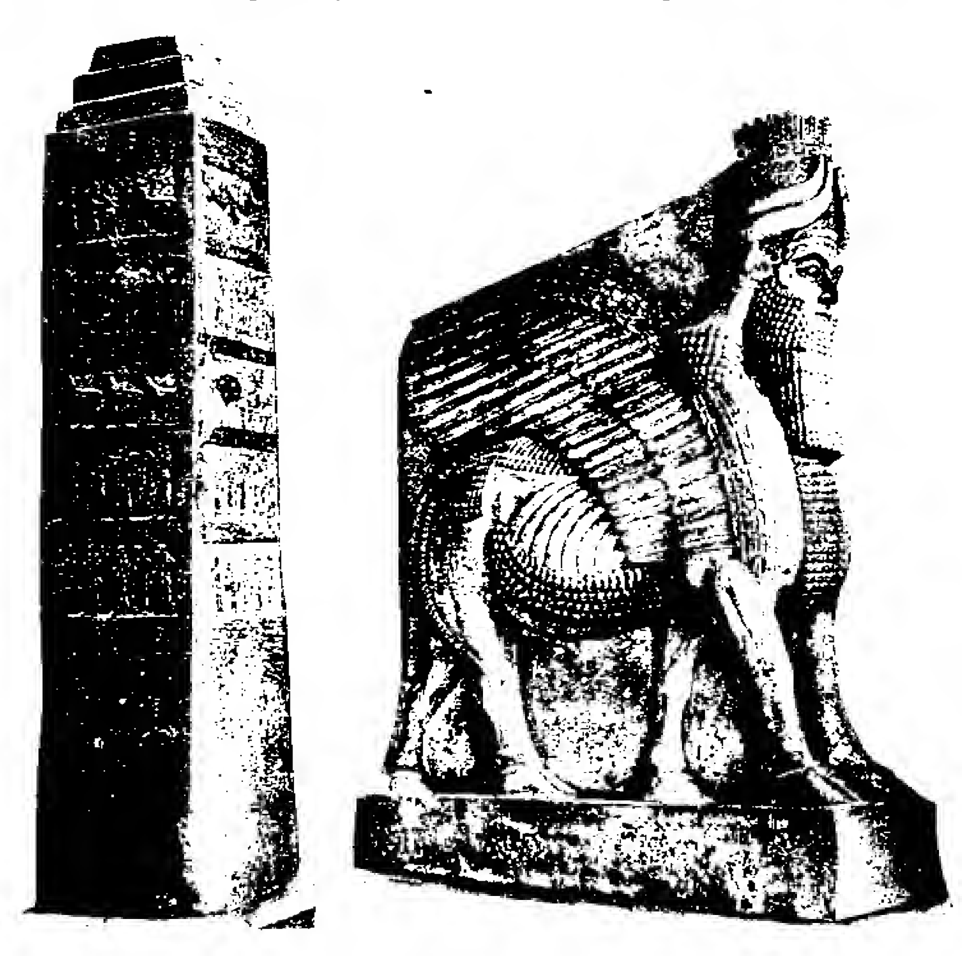

Ассирийские воипы песут изображепия богов.

навистными завоевателями. В ответ на эти возмущения ассирийские.цари предпринимали новые истребительные походы; их военная сила разрослась, пришлось нанимать чужих солдат, малоазийцев, финикиян, греков. Обогащение от беспрерывных войн изменило весь быт Ассирии; привыкши жить на чужой счет, получая все готовое в виде добычи, асприяне перестали сами работать. Деревни пустели, так как земледельцы или уходили в выгодную военную службу, или приписывались служителями к храмам, получавшим от царей-громадные дарения. Из военных царь назначал наместников завоеванных областей, начальников покоренных городов, сборщиков дани и налогов. Крестьяне, составлявшие главпую силу прежней Ассирии, исчезли; образовались большие имения, принадлежавшие царю, его родству, крупным сановникам; на полевую и садовую работу в них ставили пленных, которых во множестве приводили из завоеванных областей.

Духовенство и военные не ладили между собою и завидовали друг другу; священники имели главную силу в Ассуре, старой столице Ассирии, солдаты и чиновники в Калхи, столице новой; если царь благоволил одним, раздражались другие. Сознавая свое значение в страйе, армия стала свергать неугодных ей царей и возводить на престол своих командиров. В 747 году до Р. Х. солдатский бунт поднял на царство Тиглат-Пилесара. Чтобы кормить великую ассирийскую армию, для которой уже не хватало сбора с полей месопотамских, этот царь решил

покорить черноземный вавилонский край; сломив сопротивление вавилоиян, он торжественно венчался старинной короной священного Вавилона. Тиглат-Пилесар еще усилил жестокий способ расправы с покоренными. Он совсем разрушил Дамаск к отиял у израильского царства его северные области (позднейшую Галилею): ассирияне увели из захваченного края все зажиточное

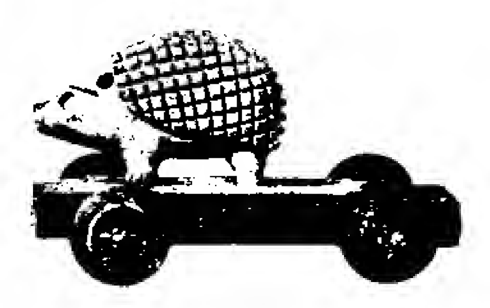

Обелиск Салмапассара II из черпого базальта.

Крылатый бык с человеческой головой, украшающий вход дворца Саргопа II.

население, земледельцев, торговцев, искусных ремесленников и оставили там одпу бедноту; пленников отправили подальше от родины в горные области Урарту и Мидии (в западной части Иранского плоскогория); в опустошенпую Сприю, на место высланных, передвипули осужденных на каторгу востанцев - вавилоиян.

Династия, основанная Тиглат-Пилесаром, удержалась не долго; в 722 году ее сверг Саргон, который однако продолжал начатую Тиглатом политику (т. е способ войны и управления). Саргон совсем прикончил израильское царство, разрушил Самарию и перевел большую часть израильского населения в Месопотамию; на место переселенных были посажены уроженцы северной Сприи, вавилоняне, арабы. Эти чужие друг другу люди молились все разным богам; но чтобы це обидеть туземное божество, Яхве, они и его поминали в своих молитвах. Таким образом ассирияне пе-

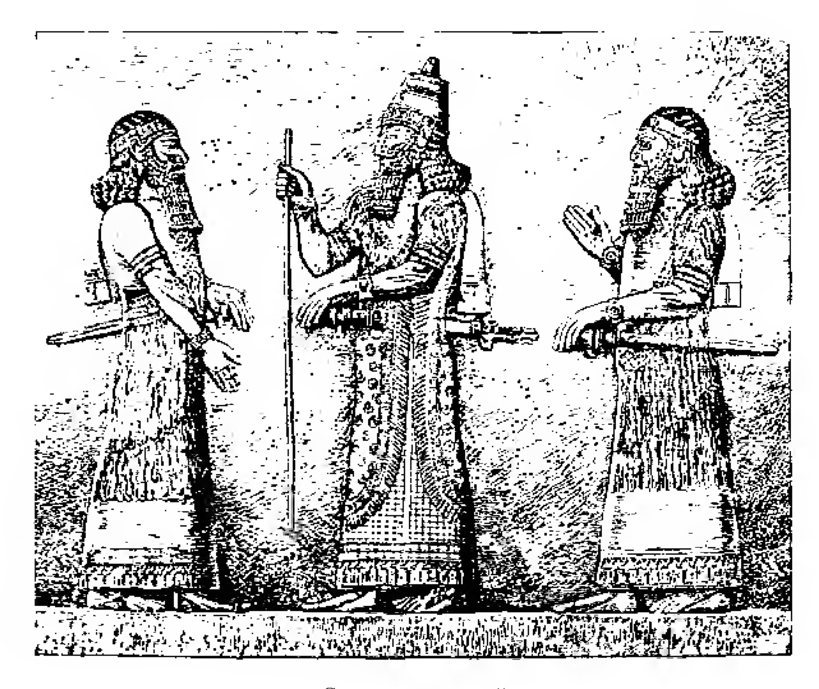
Ассирийская детская игрушка.

ремешали все народности Передней Азии; отрывая народ от родной почвы, завоеватели уничтожали его самостоятельность и самый его облик, обращали его в жалкий сброд нищих, невольно забывавших свое прошлое и свои предания.

Избегая прежних столиц, Ассура и Калхи, Саргон построил себе особый укрепленный дворец Дур-Шаррукин; неизменно счастливый в своих походах, он однако не угодил солдатам и был ими убит. Сын его Санхериб провел все свое царствование в борьбе с мятежниками; зато и не было властителя более беспощадного в казнях и расправах. Особенно пострадал от жестокости Саихериба восставший против ассириян Вавилон. Громадный город разграбили в конец, сожгли до тла, сломали все храмы и стены, кирпичи великого святилища Бел-Мардука побросали в реку; Санхериб приказал уничтожить все следы Вавилона, перерыть его почву каналами (692 г.). В глазах благочестивых людей, эти жестокости были вместе с тем и великим святотатством тем более, что Вавилон со своими старинными храмами составлял место богомолья для ассириян. Преследуя вавилонских восстанцев, Санхериб вторгся в соседиюю с Вавилонией плодородную долину Элама; чтобы подойти к столице Элама, Сузе, со стороны Персидского залива, Санхериб выстроил флот и нанял матросов, финикийских и греческих. Ради своей безопасности, Санхериб снова перенес столицу, на этот раз в Ниневию; но все таки и он погиб от военного мятежа.

При преемниках Санхериба ассирияне завладели еще одной житницей, крупнейшей в тогдашнем мире — Египтом. Государ-

ство ассирийское достигло величайших размеров: оно простиралось от Сахары на западе до Арарата, Иранского плоскогорий и Персидского залива на востоке. Располагая богатствами большей части Передней Азии, царь Ассурбанипал провел почти все свое долгое царствование (668—626) среди мира; де-

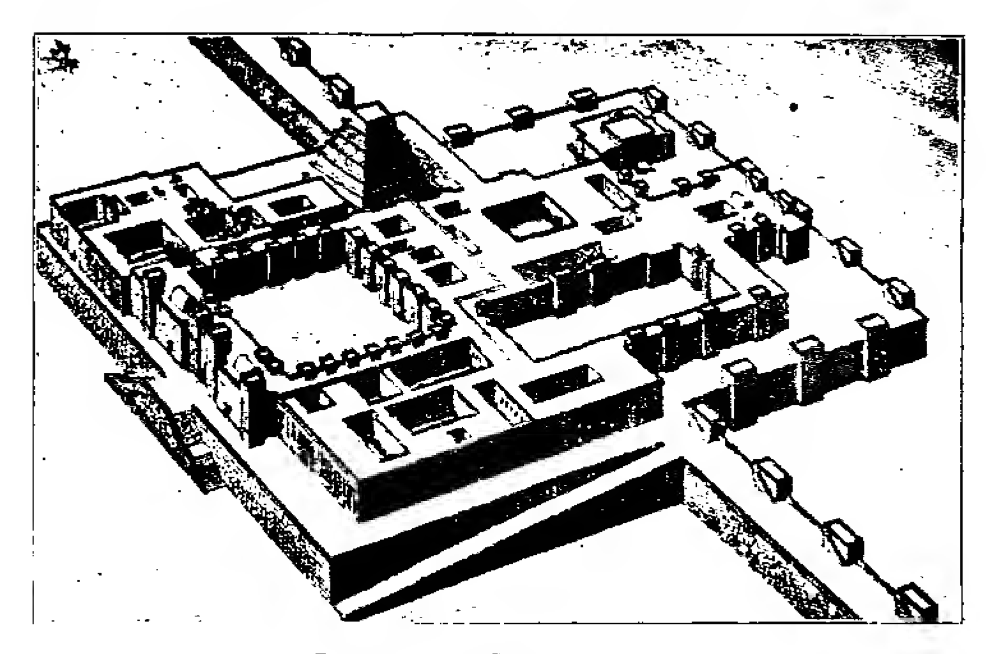
Саргоп со свитой.

лами благочестия старался он поправить разрушения, совершенные ассириянами до него, начал восстановлять святилища Вавилона, собрал огромную библиотеку из священных книг, заключавших в себе предания, поэмы, сказания о богах и героях, астрономическия вычисления, обряды, молитвы, заклинания. Почти все, что мы знаем о старинном Вавилоне, добыто из остатков этой библиотеки, открытой европейскими учеными в середине XIX века.

Грозная и блестящая на вид, ассприйская держава впутри была зданием гнилым и слабым; разрушивши самостоятельпую жизнь народов, расстроив всюду зажиточный быт, искусное ремесло, старательпую обработку полей, истребив самых крепких людей, способных носить оружие, ассирияне сами подорвали основы своего существования. Пленники, заброшенные в далекие, чужие для них края, работали плохо, проклиная свою каторжную долю; ни у кого не было родины и, в случае прихода

иноземной военной силы, никто не пошел бы проливать кровь на защиту страны.

Распадение ассирийской державы началось уже при Ассурбанипале; он не мог помешать отделению Египта, где ливийский в'ождь (Ливия лежит на запад от нильской дельты) Псамметих захватил власть при помощи греческих наемников. Освободились также от подчинения Ассирии мидяне. Принадлежавшие к зендской ветви арийцев, мидяне занимали западный край Иранского плоскогория (нынешние Адзербейжан и Курдистан;

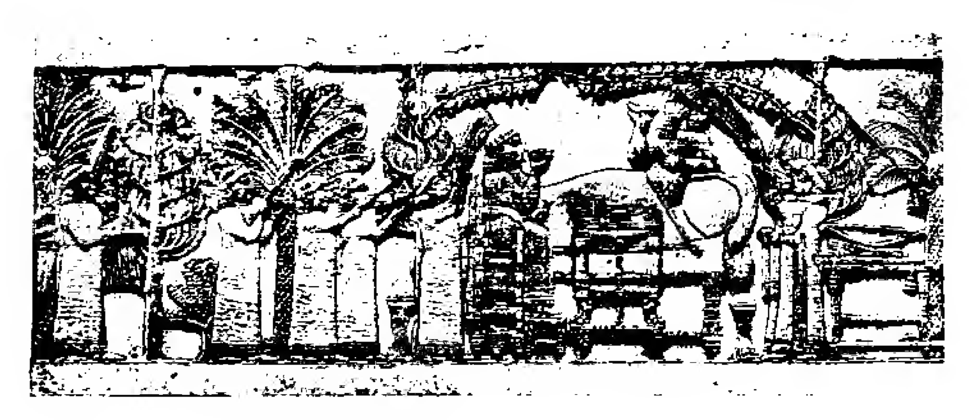

Вероятпый вид Саргопова дворца.

их главный город Эгбатана — нынешний Хамадан к западу от Тегерана); овладевши металлическими рудниками в Армянских горах, которыми когда-то пользовались урартийцы, они стали угрожать самой Ниневии; особенно опасно сделалось положение Ассирии, когда Вавилон заняли халдеи, кочевой народ семитского происхождения. Мидяне и халдеи заключили союз и уговорились разделить между собою ассирийскую державу. Лишь ненадолго была отсрочена гибель Ассприи переселением европейских народов.

Занимавшие прнуральскую равнипу скифы, теснимые гуннами, народом монгольского происхождения, перешли Волгу и Дон и распространились по стеиям нынешней южной России; в свою очередь сбитое ими с мест туземное население этого края киммерийцы, бежало к побережью Черного и Азовского морей. Часть киммерийцев, племя тавров, укры-

лась в Крыму" (их следы здесь — название самого полуострова ***щшшшяшшшшшшшшшшвшшшшшшшшшш*** Таврическим и пролива Керченского Киммерийским Босфором; слово Крым — испорченное Киммер). Большая часть киммерийцев с женами и детьми, со всем скарбом на повозках, двинулась в далекий путь кругом моря, переправилась через Дунай, прошла Фракию и через Босфорский пролив вступила в Малую Азию; неясный, но заманчивый слух о богатствах и привольной жизни в благословенных оазах жаркой полосы увлекал дикарей вперед. Другая часть киммерийцев прошла через Кавказский перешеек

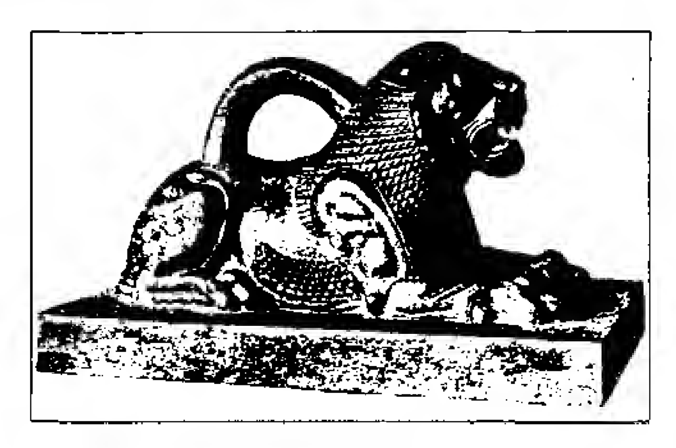

Ассурбапипал с супругой в дворцовом саду.

(между морями Черным и Каспийским) и появилась в стране Урарту, над самой головой Ассирии. На счастье ассириян, следом за этой последней группой киммерийцев, вторглись через Кавказ и их враги скифы. Ассурбанипал наиял их на свою службу, отразил при их помощи нападение киммерийцев, а вместе с тем нашел в скифах союзников также против мидян. Когда после смерти Ассурбанипала царь Киаксар стал подходить к Ниневии, его отбили скифы.

Однако дни ассприйской державы были сочтены. Киаксар в союзе с халдеями, снова двипулся на Ассприю и осадил Ниневию; скифы снова попытались подать помощь, но было поздно. Никто не сохранил рассказа о гибели великой столицы Ассприи, в которой по словам нудейского пророка Ионы, было не менее 120.000 одних младенцев, не умевших различить правой руки от левой. Греки потом рассказывали, что последний ассирийский царь, человек ленивый и развращенный, в виду неминуемого конца, нашел в себе столько мужества, чтобы, сложивши на костер свои сокровища, погибнуть с ними вместе в пламени (608 г. до Р. X.). Разрушенную Ниневию победители сожгли и сравняли с землей, «превратили в пустыию, в дикий край, где нет дороги» (слова нудейского пророка Софонии). Мидяне и халдеи разде-

лили между собою ассирийскую державу; граница проходила по р. Тигру: весь горный край получили мидяне, равнинной, черноземной частью Двуречья завладели халдеи.

Ассирийская весовая гиря.

Гибель Иерусалима и начало Вавилонского плена. В то время как большая часть Израиля изнывала на чужбине, маленькое царство иудейское держалось ценою униженного подчинения ассириянам. Все упования народа, верившего, что Яхве дарует ему господство в обетованной земле, сосредоточились теперь около Иерусалима. Но пророки уже не звали к бою с врагами Яхве. В их речах слышалось горе и ожи^ние новых бедствий; злая доля, постигшая Израиль, была, в их глазах, создана грехами народа, пышностью богослужения, увлечением чужими богами. По словам пророка Исайи (современника Саргона и Санхериба), Иудея будет терпеть несчастия до тех пор, пока оставшиеся в живых не обратятся на нуть истины; только тогда Яхве создаст из них новый народ и пошлет им спасителя из рода Давида, тогда придет конец времен, все народы соединятся вокруг С и о н а (холма, на котором стоял храм Иерусалимский) и умиротворится вся земля.

Многие священники сочувствовали учению пророков о духовном поклонении Яхве без блеска и всяких изображений. Пользуясь слабостью когда-то страшной Ассприи, иерусалимское духовенство при благочестивом царе Иосии в 623 году произвело важную перемену: первосвященник Хилкия торжественно вручил царю составленную в духе пророков книгу в т о р о г о закона (первым считался данный Моисею на Синайской горе). Согласно Второзаконию Иосия велел уничтожить все изображения божества в виде статуй, сжечь священные колесницы Солнца, удалить из храма возивших эти колесницы коней, изгнать священников, воскурявших на вавилонский лад Баалу, Солнцу, Луне, 12 созвездиям и всему небесному воинству, сломать священные де-

йссирия при Ассурбанипале.

Юговосточпая Европа и Передпяя Азия около 650 г. до Р. Х.

ревья и обелиски, богослужение на высотах прекратить, допустить молитвы и жертвы только в одном иерусалимском храме. Второзаконие предписывало подробно и точно, как должны одеваться священники, как им надлежит совершать омовения и приготовлять священные сосуды; только при условии заботливого исполнения этих церковных предписаний могли нудеи надеяться на милость Яхве, на прекращение его гнева.

С падением Ассприи Иудея перешла в подданство занятого халдеями Вавилона. Халдейско-вавилонский царь Навуходоносор (605—562) старался вернуть старинному городу тот блеск, который он имел при Хаммураби, восстановил каналы, начал строить новый зиккурат богу Мардуку. Особенно стремился Навуходоносор к тому, чтобы получать все выгоды, которые приносила финикийская торговля, проходившая по Ханаану; встречая здесь соперничество египетского фараона, пытавшегося найти опору в Иерусалиме, вавилонский царь решил сокрушить Иудею.

Два раза приходил он осаждать Иерусалим. В первый раз, в виду покорности иудейского царя, Навуходоносор пощадил город, но унес сокровища храма и дворца, разбил золотые сосуды, сработанные при Соломоне, увел в плен всех способных носить оружие, а также кузнецов и оружейников. Пророк Иеремия, охваченный чувством полного отчаяния, советовал покориться; новый царь Седекия и окружавшие его патриоты, надеясь на помощь Египта, решили сопротивляться и заключили Иеремию в тюрьму. После второй осады Навуходоносор взял Иерусалим и теперь дал полпую волю мщению: перебил сыновей Седекии, выколол ему глаза, разбил все, что оставалось от металлических украшений храма, между прочим «медное море» и увел за Евфрат остальную часть иудейского народа.

Это переселение осталось в памяти нудеев как начало Вавилонского пленения (588 г. до Р. Х.).

Колонии и торговля греков. В то время, ,когда ассирияне уничтожали государства и культуры старинных народов Передней Азии, в юговосточной Европе ширится и развивается народность греков.

Нападавшие на Трою греческие воители принадлежали к ахейскому племени. Большим выездом на восток ахейцы ослабили свои силы; между тем к берегам Эгейского моря с севера продвинулось племя дорийцев, угрожавшее прежним поселенцам этого края. Воинственные дорийцы прошли в боях из Фессалии через гористые области Средней Греции (нынешней Ливадии) в Пелопоннес (нын. Морею), связанный с материком лишь узким перешейком, Истмом. Туземцам ахейского и ионийского племени, которые не хотели стать их рабами, пришлось выселяться. Только в Аттике, выдающемся восточном углу Средней Греции (Аттика значит «предгорие» или «мыс») еще удержались ионийцы; их главная масса потянулась отсюда за море. Своими колониями ионийцы заняли ряд островов, составляющих как бы мост от Европы к

Азии поперек Эгейского моря, — Эвбею, Кикладские («круговые») острова, затем Хиос и Самос, наконец предгория и выдающиеся углы малоазийского полуострова, вытянувшиеся навстречу Аттике. От новопоселенцев, основавших города Фокею, Эфес и Милет, край получил название Ионии. В это время ахейцы бежали в направлении противоположном, на запад от Греции, к берегам Италии; на полуострове Калабрии □ Тарентинского залива они основали Сибарис и Кротон (720 г.).

На этих больших выездах не остановилось переселение из Греции. К изгнанникам и беглецам присоединялись всякого рода беспокойные предприимчивые люди, смелые искатели, которым в тесных маленьких областях южной части Балканского полуострова не хватало земли или заработка. Как в Финикии Тир был сборным местом для отправки колонистов, так в Ионии Милет. Снарядившись на милетских кораблях, под предводительством милетских моряков, дружины отправлялись на север, к богатым золотом берегам Фракии, а затем, через проливы Геллеспонт (Дарданеллы) и Босфор, в Понт (Черное море). В прилегающих к Понту странах греки основали: на южном малоазийском берегу Синоп и Трапезунт, на северном, европейском, в стране скифов — Ольбию близ устья Днепра, Херсонес около нынешнего Севастополя, Пантикапей в Крыму (нынешн. Керчь), Фанагорию с другой стороны Керченского пролива на Тамани, и Танаис при впадении Дона в Азовское море (против нын. Азова).

Предприимчивые ионийцы скоро решились выехать за пределы замкнутых морей Черного и Эгейского, на широкий простор большого Средиземного моря. В 650 году прибыли к устью Нила греческие воины и, наиявшись на службу к ливийскому вождю Псамметиху, помогли ему завоевать весь Египет и освободиться от подчинения ассириянам. Расположенный к грекам, новый фараон звал к себе торговцев и мастеров из Греции и Ионии; городу Навкратису, основанному милетцами на одном из рукавов Дельты, он дал торговую монополию, т. е. исключительное право выгружать у себя все товары, приходящие морем в Египет.

Вслед за ионийцами и дорийцы стали высылать колонистов в заморские предприятия: отправляясь из Пелопоннеса на восток, они заияли острова южиой части Эгейского моря Крит и Родос и, как по мосту, по ним добрались тоже до малоазийского берега. Всюду они соперничали с ионийцами: у пролива Босфорского, ведущего в Черное море, они основали в 650 г. Византию (нын. Константинополь); на африканском берегу к западу от Нильской дельты дорийцы основали в цветущей тропической местности Кирену (нын. Барка).

В водах западной части Средиземного моря, окаймленной полуостровами Апеннинским и Ппренейским, ионийцы зашли дальше всех греков: им принадлежит основание в 600 году Мае-

силии, нынешней Марсели, в южной Франции. Но вообще перевес здесь имели дорийцы, так как переезд из Пелопоннеса к берегам южной Италии и Сицилии гораздо короче, чем из Ионии. Местом сбора дорийских, колонистов служил город Коринф, расположенный в самом узком месте Истма, где с востока и запада врезываются в сушу два морских языка. В Коринфе был обычай — перед снаряжением экспедиции вызывать желающих отправиться за море, приглашая в то же время других граждан оказывать колонистам помощь денежными взносами и предметами; богатые люди охотно сбывали бедных подальше от дома, чтобы избавиться от беспокойных завистников.

Пифия и ожидающий ея ответа проситель.

Когда поселенцы собирались выехать добром, не вынуждаемые врагами, они обращались к оракулу, т. е. предсказанию священников какого-либо почитаемого храма, чаще всего к жрецам бога Аполлона в Дельфах (у подножия горы.Парнасса в Средней Греции). В гимне Аполлону говорится: «ты любишь создавать новые города, ты сам приходишь класть первый камень». Однажды во время чумы, свирепствовавшей в Коринфе, пифия (предсказательница в Дельфах) возвестила, что единственное средство умилостивить бога, наславшего бедствие, это удалить из города Архия, виновника смерти молодого Актеона, отец которого с горя, проклиная убийцу, покончил с собою во время больших народных игр. Чтобы замолить свой грех, Архий собрал дружину коринфян и отправился в дальнее заморское плавание: сначала он занял о. Коркиру, потом на

восточном берегу Сицилии нашел великолепную гавань, защищенную со стороны моря островком и основал Сиракузы.

Колонни греков захватили очень большое протяжение по всему побережью Средиземного моря, кроме только его югозападной части, оставшейся- в руках финикиян. Нигде однако греческие колонии не заходили глубоко внутрь страны, везде они

Черпофигурпые вазы.

составляли только небольшую кайму у морского берега. Поселенцы старались извлечь главную выгоду из торговых сношений с туземцами. Хотя первым побуждением колонистов было оторваться от метрополии (родины), они все-таки не могли ее забыть и постепенно опять заводили сношения со старым домом; со всех концов стали они подвозить в Грецию товары, которых ей не хватало; мачтовый лес из Фракии, хлеб, собираемый в черноземном крае скифов, в Нильской долине и на плодородных полях Сицилии, рыбу, которой так богаты все части Средиземного моря, кожу и сало, добываемые от степных скотоводов нынешней южной России. Обратно в Италию, в Египет, в глубину Малой Азии, в дикие страны восточной Европы они везли произведения искусной работы греческих виноделов, садоводов и ремесленников, вино, оливкое масло, ткани, оружие, посуду; в гончарных мастерских Коринфа и Афин (гл. г. Аттики) художники раскрашивали большие вазы красной краской, добываемой из железной окиси, и наносили черным блестящим лаком фигуры, изображавшие бои героев, полеты богов, а также картинки современной жнзни.

Располагая торговыми сношениями на разных концах Средиземного моря, греки занялись перевозом восточных товаров,

вавилонских и египетских, в Италию и Галлию и обратно. На таком транзите (т. е. торговле посреднической) большую выгоду получали города Ионии, расположенные в конце речных долин, которые выходят из глубины малоазийского полуострова. Недалеко от Фокеи, в долине р. Герма, находилась столица небольшого, но богатого лидийского государства, Сарды, сообщавшаяся большой дорогой со странами приевфратскими: Месопотамией, Ассирией и Вавилонией. В самой Греции транзитом больше всего жил Коринф, обладавший гаванями на обоих заливах, между которыми протянулся Истм. Чтобы не делать объезда кругом Пелопоннеса и чтобы соединить оба морских языка в один непрерывный нуть для кораблей, коринфяне построили между гаванями гладкую дорогу, по которой суда перекатывались на колесах.

В транзитной торговле грекам постоянно приходилось рассчитываться на деньги со своими поставщиками; отсюда необходимость' всегда иметь с собою взвешенные и проверенные кусочки дракоценного металла, что привело к чекану монеты. Впервые монета появилась у лидийцев, обладавших в своей стране рудниками электра, или белого золота; скоро потом чекан монеты переняли ионийцы, а от них европейские греки. Каждый греческий торговый город старался чеканить свою собственную ; монету, ставя на ней изображение своего бога-покровителя. Лидийцы и греки взяли весовой и денежный счет у вавилоиян так же, как у вавилоиян они заимствовали много мифов о богах и героях: талант у греков делился на 60 мин, как у вавилонян, и само слово мина — семитское; мина делилась на 50 статеров, а слово статер значит весы, так же как семитский шекель.

Греческие общины. Греки обнаружили все черты своего характера в колониальных предприятиях: смелость, изворотливость, настойчивость и в то же время неуменье действовать согласными усилиями, нежелание подчиняться одному общему руководству и идти к одной общей цели. Каждый город, посылавший колонистов, думал только о себе и старался помешать предприятию других. Даже между изгнанниками одного и того же племени разгоралась рознь, как это видно на примере двух ахейских колоний южной Италии: Сибариса и Кротона.

Сибарис, расположенный в цветущей долине, счастливый в торговле, быстро разбогател; его жители привыкли к роскоши, имя сибарита стало означать изнеженного ленивца. Соседи их, кротонцы, которые завидовали богатству сибаритов, напротив, сохранили суровые воинские нравы; в их ополчении первое место занимали последователи Пифагора, уроженца о. Самоса, учившего закалять тело и дух строгими лишениями. Кротонцы не удовольствовались победой над Сибарисом: они отобрали у сибаритов землю и разрушили город, не оставивши камня на камне (510 г.).

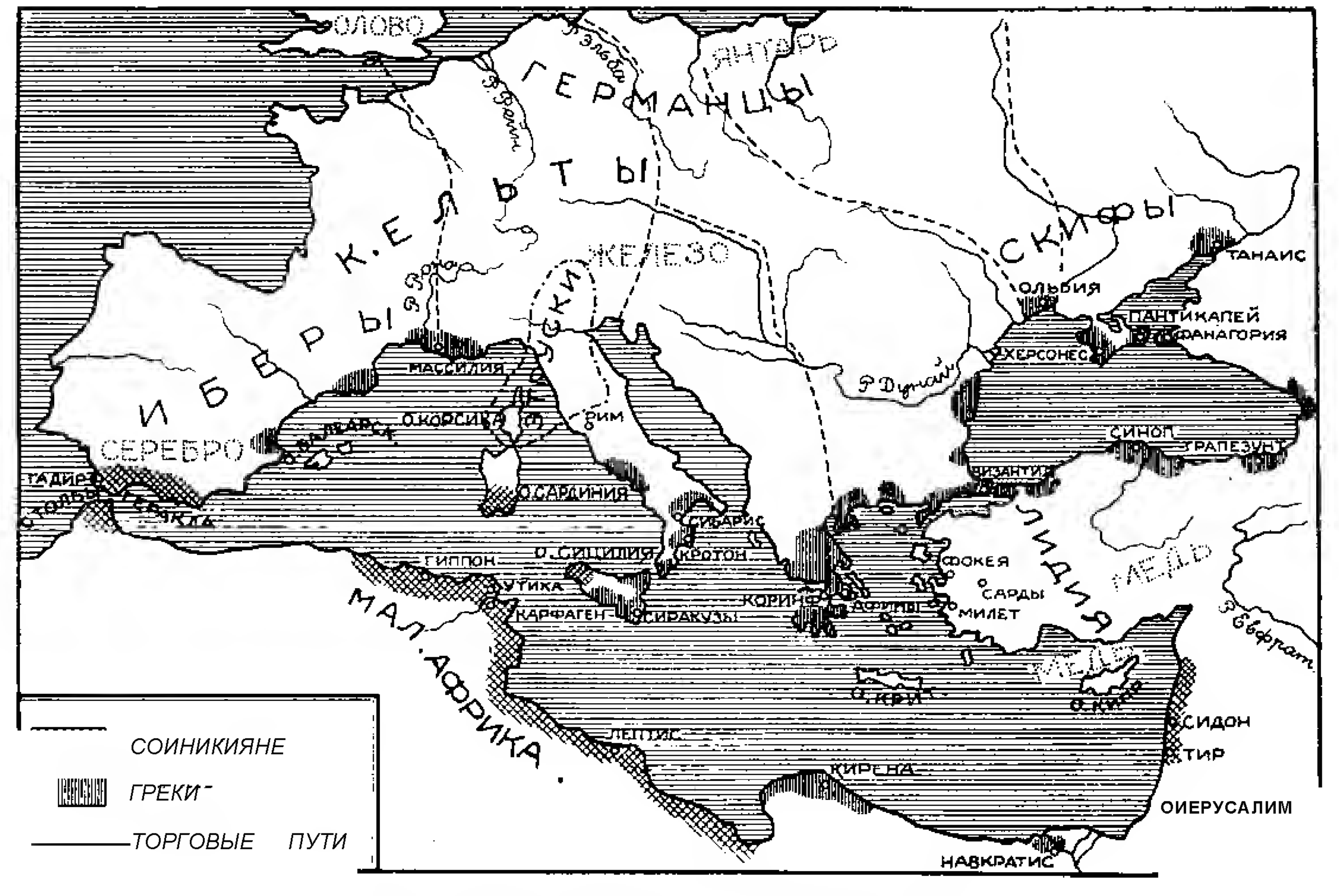
Та же рознь разделяла жителей самой греческой метрополии.

Греция распадалась приблизительно на 20 независимых областей, а некоторые из них в свою очередь еще делились на самостоятельные волости и городки. Такие маленькие самобытные соединения людей мы называем **общинами**, или, по примеру современной нам Швейцарии, **кантонами**. Но в Швейцарии самостоятельные 22 кантона образуют между собой тесный союз, имеют общее войско и общее союзное правительство, которому все одинаково подчинены. В древней Греции не было ннчего подобного. Греки сознавали себя народом одного общего проис-

Сокровищиица граждап Массилии в Дельфах.

хождения, **эллинами**, покланялись одним богам, каждые 4 года сходились у **храма Зевса в Олимпии** (в западной части Пелопоннеса) на большие игры, установленные по преданию героем Гераклом; и в то же время города и области вечно ссорились между собою, отнимали друг у друга поля и выгоны, вырубали оливковые и виноградные посадки, отводили проточную воду, перекапывали речки. Постоянные усобицы держали всех настороже; каждый город был обведен стеной, часто загораживали рвом и валом деревни; в Греции всякий умел владеть

Поселепия фипикиян и греков па берегах Средиземпого моря.

мечем и копьем; когда надо было защищать свою родную общину, за оружие брались все возрасты, стар и млад.

Самыми крупными общинами были дорийская Спарта и ионийские Афины, очень непохожие друг на друга.

Спарта составляла главный лагерь пришлых дорийских воителей, захвативших под свое господство Лакедемон, юговосточную область Пелопоннеса. Господа, которые и назывались собственно спартанцами, взяли себе лучшие земли в плодородной долине р. Эврота, а также поделили между собой туземных крестьян, обративши их в своих илотов (крепостных). От илотов они требовали доставки хлеба, масла, вина, холста, а сами, презирая всякую работу, отдавались исключительно спорту, охоте и воинским упражнениям. Спартанцев было, по крайней мере, вдесятеро меньше, чем подчиненных им ремесленников, торговцев и крепостных крестьян. Приходилось быть вечно настороже, Зная ненависть к себе илотов и опасаясь восстаний, спартанские власти время от времени посылали молодых людей в объезд по стране, прнчем им позволялось убивать всех, кто покажется подозрительным.

Спартанский строй оставался неизменным в течение столетий. Свои установления спартанцы приписывали мудрому Ликургу, получившему одобрение Дельфийского оракула. Согласно Ликурговым заветам, мальчиковое 7 лет отдавали в военную школу, где их разделяли на роты, учили терпеть всякие лишения, испытывали их выносливость мучительными истязаниями; с 16 лет начиналась настоящая служба, бессрочная до самой старости. В Спарте ценили одни военные добродетели; от спартанца требовалось, чтобы он подчиިялся начальникам, выражался коротко и ясно, не говоря лишних слов, соблюдал простоту в одежде и пище, избегал -франтовства и украшений; только к битве они одевались точно на праздник.

Благодаря своей военной выправке, спартанцы прослыли первыми в Греции мастерами боя сплоченной фалангой, т. е. строем, где воины, закованные в железо, становились в два или три ряда, плотно придвинув Друг к другу щиты и выставив из за них длинные копья. Подобно ассриянам, спартанцы держали большие запасы оружия; при выступлении в поход они заставляли своих союзников и подчиненных подвозить железные бруски и полосы. На большом общеэллинском празднике Олимпийских игр спартанцы заияли самое почетное место. В жестоких боях они одолели дорийцев соседней Мессении, отияли у них землю, обратили покоренных в таких же илотов, какими были их крепостные.

Хотя в Спарте главные вожди носили имя царей (правили двое зараз из двух родственных между собою фамилий, производивших себя от Геракла), но государство надо назвать республикои, т. е. народным управлением. Цари спартанские в отлнчие от вавилонских и египетских, не имели двора, не были окружены блеском и недоступностью, не могли неограниченно пове-

левать: во всех делах они должны были спрашивать мнения совета стариков, а в важных обращаться к собранию всех воинов.

Жители Аттики, называвшиеся по главному городу афинянами, гордились тем, что с незапамятных времен сидят на своей земле, что не уступили даже несокрушимым дорийцам, когда те проходили войной по Средней Греции. Между тем как спартанцам воспрещалось выезжать за границу своей области, афинские рыбаки и судохозяева всегда были готовы на далекие морские предприятия. В деревнях Аттики не было разделения на господ и крепостных: садоводы, виноградари, хлебопашцы, люди свободные, владевшие небольшими участками, сами на них и работали. Труд был в почете; афиняне говорили, что отец в старости не может требовать от детей своих прокормления, если не научил их никакому ремеслу. В гончарных и оружейных мастерских, а также в услужении у богатых людей, применялись рабы, большею частью привозимые из варварских (полудиких) стран, Фракии и Скифии.

В противоположность Спарте афиняне часто меняли свой строй: от монархии перешли к аристократии (т. е. правлению немногих, выдающихся семей), от аристократии опять к власти одного, тирании, и наконец к демократии (т. е. правлению народа). Но кто бы ни были стоявшие у власти правители, они искали расположения у демоса (простого народа), т. е. моряков, ремесленников, крестьян.

Знатные роды, отменившие царскую власть в Афинах, вели свое происхождение от старинных богатырей, увлекались коневодством, любили выигрывать награды на конных бегах в Олимпии. Между ними однако было мало согласия. Каждый род старался подняться выше других; в свои споры они втягивали остальных граждан. Для того, чтобы прекратить смуты, афиняне выбрали верховным посредником Солона (в 594 г., незадолго до гибели Иерусалима). Мудрец и поэт, Солон умел вдохновлять народ и к защите родины, и к взаимному примирению. Солон позаботился о мелких хозяевах, разводивших оливки, виноград, занимавшихся пчеловодством. В Аттике мало проточной воды: Солон предписал рыть колодцы на таком расстоянии друг от друга, чтобы никто не перекапывал соседу водопровода; бедным он разрешил пользоваться водой от зажиточных: Демос считал его своим благодетелем, облегчившим бремя трудовых людей.

Племянник Солона, Пизистрат, во главе наемной дружины, захватили акрополь (укрепленный холм в середине города) и стал единым правителем Афин. Великий мастер демагогии (ухаживания за народом), Пизистрат увлек моряков афинских дальними предприятиями, снаряжая корабли для отправки в Черное море; чтобы иметь стоянку в нути, он захватил крепость Сигей, расположенную у Геллеспонта на берегу, противоположном Трое. Для всего афинского народа Пизистрат устроил блестящие празд-

ники в честь Диониса, или Вакха, бога виноделия. В день Дионисий афинияне двигались процессией по городу с пением и пляской, сопровождая повозку, разукрашенную в виде корабля, где ехал актер, изображавший самого Диониса; кругом вертелась толпа ряженых, представлявшая козлоногих сатпров, свиту бога; когда празднчный поезд останавливался на площади, актеры и

Оружейпая мастерская (живопись черпофигурпой вазы).

хористы разыгрывали трагедию, т. е. миф о Дионисе в лицах: его торжественное прибытие из Иидии, его гибель от злых врагов и его воскрешение волею Зевса.

Пизистрат избег старинного титула басилея (царя божьей милостью); его называли тиранном (народным правителем). После его смерти противники рода Пизистратидов, Алкмеониды, склонили в свою пользу Дельфийский оракул, отдавши свои золотые запасы на возобновление храма в Делfaфах. Когда в Афинах двое друзей, поклявшихся убить тираннов, закололи одного из сыновей Пизистрата, Гиппарха, спартанцы, побужденные оракулом, пришли для изгнания брата убитого, тиранна Гиппия. Спартанцы хотели установить в Афинах опять аристократию; но народ доверился Алкмеониду Клисфену, демагогу еще более искусному, который предложил народу изгнать всех родственников Пизистрата и сам, отклонив власть тпранна, объявил себя сторонником демократии: по предложению Кли-

сфена все дела должно было отныне ведать собрание Пятисот выборных от деревень и поселков Аттики; для избрания архонтов и стратегов (городских и военных начальников) созывается каждогодно общее собрание всех граждан (506 г. до Р. Х.).

Сфипкс, посвящеппый граждапами о. Паксоса в Дельфах.

Иран и религия Заратустры. В шестом веке до Р. Х. (600 — 500 гг.) на Ближнем Востоке происходит важная перемена: на смену семитам, основавшим государства Вавилона, Асприи и Сприи, выступают в качестве господствующей силы родственные европейцам арийские народы Ирана; образуется великая держава персов, которая охватывает все страны старинной культуры: Двуречье, Сприю, Малую Азию, Египет.

Большая часть Иранского плоскогория (нынешние Персия, Авганистан, Белуджистан, южный Туркестан), и в особенности середина, состоит из обширных песчаных степей и солончаков. Обитаемы только долины на окраинах, где держится влага от потоков и рек, снускающихся с гор; такова Бактрия, на северо-

восточном краю плоскогория в бассейне Аму-Дарьи (нынешний Балх ■— древняя Бактра, Самарканд — древняя Мараканда); такова Мидия в северозападном углу и Персида (нын. Фарсистан) на югозападе у Персидского залива. Эти области населены гораздо слабее Двуречья, Сирии и Египта. Если народам Ирана тем не менее удалось покорить всю Передиюю Азию и образовать громадную державу, то объяснение лежит в двух обстоятельствах: 1) в истощении народностей старинной культуры, расстроенных губительными походами ассириян; 2) в свежести

Царь персидский в борьбе с Аримановым чудовищем.

сил самих иранцев, пока их не тронула роскошь и изнеженность быта.

Мужество и деятельная сила иранцев отражаются в принесенной ими религии, которую их священная книга Зенд-Аве-

ста приписывает великому учителю Заратустре (в греческом произношении Зороастру).

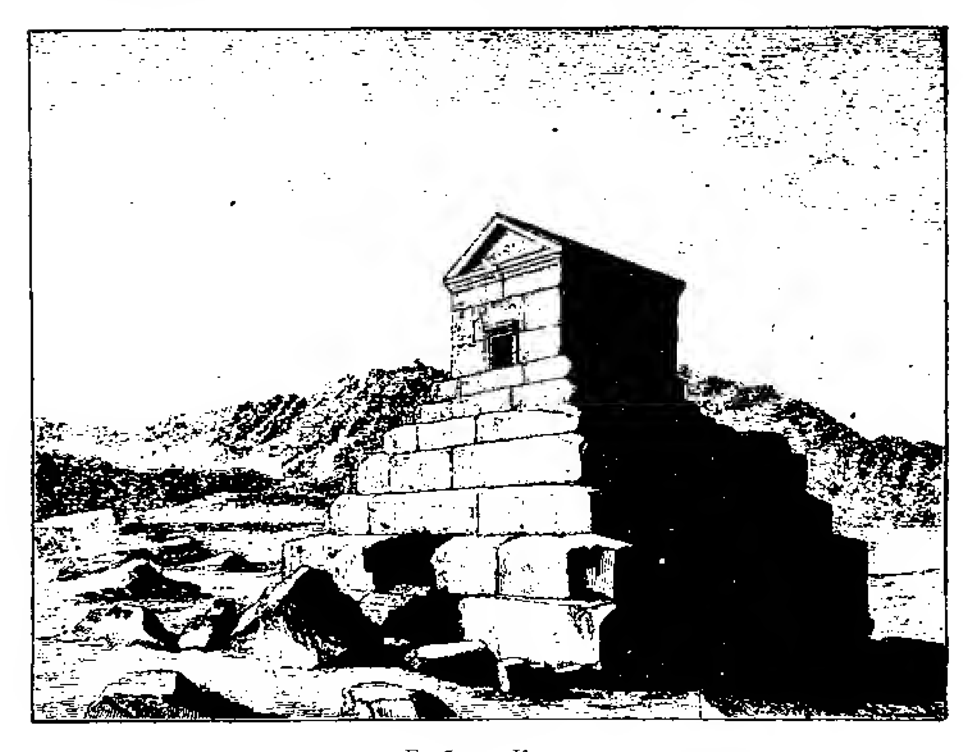
Согласно учению Заратустры вселенная разделена между двумя силами: богом света и властителем мрака. Первый, Агурамазда (по греч. Ормузд) — высшее совершенство, сияющая чистота, святой создатель видимого мира, устроитель вселенной, величайший законодатель, верховный первосвященник; его окружают 6 бессмертных архангелов, воплощающих в себе добродетели высшего божества, исполнители воли Агурамазды; за ними идет бесчисленное множество ангелов и добрых духов, наполняющих вселенную и охраняющих жизнь, каждый в своей области, во славу великого властелина мира. Второй, Ангроманьу (по греч. Ариман) — родоначальник всякого зла и греха впушающий человеку ложь и неверие, леность и разврат, пороки и преступления; он же виновник смерти, болезней и напастей, ему подчинены бесы лихорадки, стужи и засухи, горя и несчастня, злые духи, воплощенные в нечистом и хищном звере. В то время как Агурамазда царствует над райскими садами и цветущими нивами, Ангроманьу повелевает над пустыней, знойными и бесплодными ветрами.

Избрание пути жизни зависит от воли человека. Благой путь — помогать Агурамазде и бороться с воинством Ангроманьу, увеличивать плодородпую землю, холить ниспосланный Богом рогатый скот, истреблять змей и скорпионов, а в нравственном поведении соблюдать правду и избегать всякой лжи и обмана. Во имя бога света возжигаются всюду неугасимые огни; но чистую огненную стихию нельзя осквернять сожиганием животных, след. жертвы, как их понимали вавилоняне, греки, израильтяне, недопустимы. Греков поражало, что персы не воздвигают ни храмов, ни алтарей, ни статуй богов, что у них нет в обрядах ни музыки, ни цветочных гирлянд.

В загробной жизни каждому воздается по его делам: через три дня после смерти душа отлетает в другой мир: праведная, с помощью ангелов, переносится в одно мгновение через мост, тонкий, как волос, в рай, злодейская низвергается немипуемо в адскую бездпу. У последователей Заратустры нет заботы о телах умерших; бессмертным они считают лишь дух, который никогда не может верпуться в прежнюю оболочку, состоящую из праха и в прах превращаемую. Однако есть у иранцев и другое представление о будущей судьбе умерших: в конце времен зазвучит труба великая, возвещая страшный суд; тогда тела праведников чудесным образом воскреспут и просветлеют для новой, вечной жизни.

Образование нерсидской державы. Из иранских народов прежде всего выдвипулись мидяне, отнявшие у Ассирии страпу железа Урарту. При Киаксаре во время -падения Ниневии персы были им подчинены. Пятьдесят лет спустя персы поднимаются под предводительством Куруша (по гречески Кира), опрокиды-

вают господство мидян, объединяют зесь Иран и увлекают других иранцев к завоеваниям (в 550 г. до Р. Х.). Персы были превосходными наездниками и стрелками из лука. Ни один из народов Азии не выдерживал их бурного натиска. В течение двадцати пяти лет (550—25) они покорили все страны Передней Азии, находившиеся под властью 3 государств: лидийского (в западной

Гробпица Кира.

половине Малой Азии), халдейско-вавилонского и египетского.

Лидийский царь Крез, владевший греческими городами Ионии, постоянно сносился с Дельфами, уповал на обещание победы, данное ему оракулом. Однако Кпр разбил его, взял столицу Лидии, Сарды, и приступил к осаде греческих укрепленных городов побережья Эгейского моря. В виду грозной опасности ионийские греки сошлись на синод (собрание представителей самостоятельных общин). Здесь Биас, выборный от города Приэны, предложил всем ионийцам покинуть Малую Азию, соединиться в одну морскую экспедицию и плыть на запад к острову Сардинии, чтобы основать новую Ионию; только там они будут наконец избавлены от опасности рабского подчинения.

Греки не успели выработать общий план действия, как уже персы прииялись разрушать их города. Только жители Фокеи, не желая сдаваться персам, двинулись на 60 кораблях в западную

часть Средиземного моря. Их ждала и здесь неудача. Против новоприбывших греческих колонистов соединились карфагеняне и этруски, или туеки, мореходы Средней Италии (Тоскана, их область, до сих пор сохраняет в своем имени память о пребывании этого народа). У берегов Сардинии в 534 году произошла большая морская битва; хотя фокейцы приписывали себе победу, но половина их кораблей была потоплена, остальные рассеялись, иные нашли себе приют в Массилии, в свое время фокейцами основанной. Уцелевшие города Ионии, в том числе Милет, подчинились персам. Чтобы обеспечить себе повиновение греков, персы всюду заменяли республики господством тираннов, рассчитывая, что властители, которым они помогли водвориться, будут крепко за них стоять.

С покорением Малой Азии персы замкнули в своей власти весь полукруг горных стран, нависших над долинами Сирии и черноземным краем Двуречья. Халдейское царство не в силах было держаться против персидского завоевателя. Преемник Навуходоносора, Набонид, в ужасе перед Киром, заперся в стенах Вавилона и для спасения своего велел перевезти к себе все изображения богов, которые почитались в других городах Сенаара. Но духовенство самого Вавилона покинуло его и открыло ворота Киру; персидский царь объявил народу, что бог Вавилона Мардук признал его, Кира, законным государем, а Набонида отверг, как изменника. Иудеи, за 50 лет до того плененные Навуходоносором, с восторгом встретили победителя. Между их религией и верой персов чувствовалась близость, оба народа сходились в понятии о бестелесном божестве, бесконечно высоко поднимающемся над человеческим миром и чуждом человеческим страстям. Притом персы готовы были ладить с иудеями из соображений практических: сделавшись властелинами Азии и получив в свои руки купеческие корабли финикийских городов, они хотели возобновить торговлю, проходившую по Сирии и Палестине; с этой целью Кир разрешил зажиточным нудеям, жившим в Вавилоне, возвратиться на родину и начать восстановление разрушенного храма иерусалимского.

Из стран старинной культуры оставался непокоренным только Египет. Давно уже у фараонов, которые сами были чужестранцы — ливийцы и эфиопы (Эфиопия —- современная Нубия, на юг от Египта) — не было народной армии. Против Кирова сына Камбиза фараон Псамменит мог выставить только греческих наемников. Но предводитель греков, Фанес, родом из малоазийского Галикарнаса, рассорился с фараоном и перешел на сторону Камбиза; персам, в войске которых тоже были греки, Фанес указал нути через безводную нустыню, отделяющую Египет от Азии, и помог заключить союз со степными арабами, доставившими воду персидскому войску. Камбиз разбил Псамменита, вступил в Мемфис и подчинил себе весь Египет.

Устройство персидского государства. Камбиз боялся соперничества своего брата Бардии и послал из Египта приказ умер-

твить его. Но под именем Бардии в Эгбатане воцарился самозванец из мидийских магов (священников), который приобрел большое расположение народа прощением налогов на три года вперед. Камбиз двинулся на него войной, но в дороге погиб. Против Лжебардии однако составился заговор в самой столице: семь знатных персов проникли во дворец и убили его; потом они стали гадать по ржанию коней, кому из них быть царем; судьба выпала Дарию, сыну Гистаспа, из рода Ахеменидов; эта династия правила потом до самого конца персидской державы в течение почти 200 лет (522—330 гг. до Р. Х.).

Дарий остался навеки обязан своим сообщникам; он выдал им в награду обширные земли с городами и деревнями, где они правили, как князья; им самим и их сыновьям раздавались главные должности при дворе и важнейшие наместничества; они могли входить к царю без доклада. Так как своим воцарением Дарий был обязан также персидской армии, возмутившейся против мидийских магов, то и воинству царь должен был отделить большую долю своих богатств: щедро одарять военных золотыми цепями, браслетами, кольцами, красивой одеждой, лошадьми, давать им поместья и рабов, посылать на доходные должности в покоренные области, где туземное население кормило и содержало их. Большую часть военных царь держал при себе в качестве гвардии, отборный отряд которой, немедленно пополнявшийся, назывался «бессмертными»; дети персидских воителей воспитывались «у царских врат». Ежедневно вместе с царем во дворце обедало до 15.000 сановников, придворных, почетных стражей, отборных воинов и слуг. Со своей многочисленной свитой царь переселялся три раза в году: главной резиденцией была Суза, самые жаркие месяцы проводил он в горной Эгбатане, а зиму напротив в тропическом Вавилоне.

Подарками и щедротами ограничивались уступки царя в пользу персов; но он был для них такой же неограниченный властелин, как для покоренных, с тою только разницей, что персы не платили податей. Царь появлялся перед народом не иначе, как в колеснице, окруженный блестящей свитой; он выделялся своей высокой тиарой (шапкой) с выпуклым верхом, тогда как все остальные должны были вдавливать этот верх; придворный, державший над ним опахало, должен был стоять с завязанным ртом, чтобы дыхание его не коснулось высокой особы государя. У царя возвышенное понятие освоей власти: он — господин всех людей от восхода солнца до заката, он — царь царей и царь всех стран. Но он не сын бога и не воплощение бога на земле, каковым считали царя египтяне и вавилоняне, а лишь исполнитель воли божьей: «Агурамазда поручил мне установить право, карать неправду и ложь, награждать друзей, наказывать врагов, под защитой божьей давать законы народам».

Громадную державу, простиравшуюся от Сахары до Памира и от Черного моря до Индийского океана, Дарий разделил на

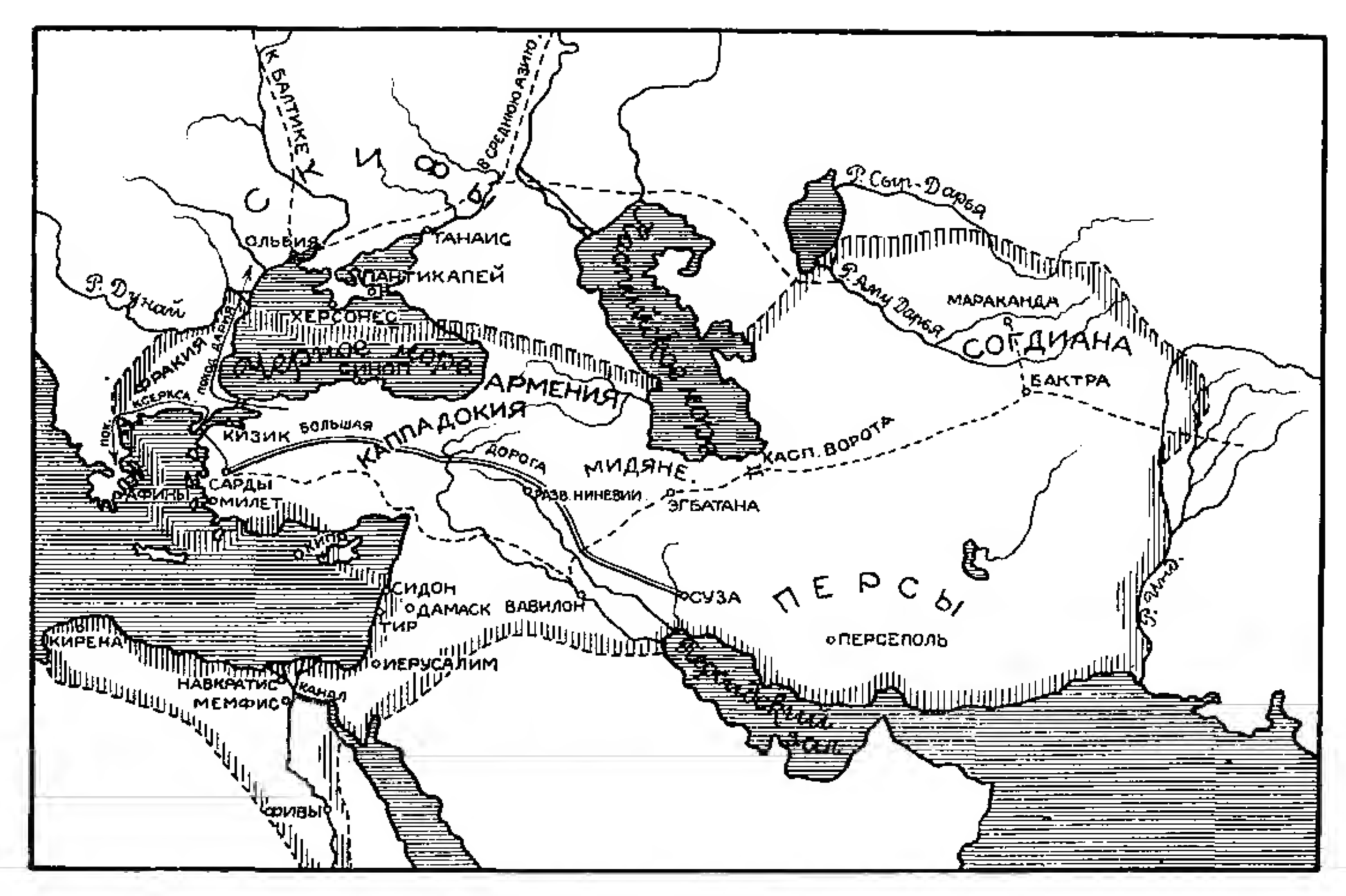
20 сатрапий (наместничеств); в каждую назначался заместителем царя сатрап —для наблюдения за порядком, прекращения мятежей, разбойннчества, для взимания налогов. В управлении финансами (т. е. доходами и расходами государства) Дарий показал больше искусства, чем ассирияне: для того, чтобы не истощать покоренных чрезмерной данью и не лишать себя будущих получений, царь положил на каждую сатрапию определенный взнос, вычисленный в золоте; с целью вычисления появлялись царские оценщики, которые описывали землю в имениях со всеми доходами, приплодом скота и пр. Затем Дарий применил изобретение греков и лидийцев и стал чеканить монету. Золотыми дарейками (так звали персидскую монету греки) уплачивалось из казны жалованье; дарейками же подданные платили налоги.

Дарий со свитой; пад ним реет высший бог Агурамазда.

Кроме того сатрапии обязаны были для содержания царского двора и его гвардии платить натурои (т. е. товарами): Каппадокия (страна хетитов в восточной части Малой Азии) конями, мулами и овцами, Аравия — ароматическими веществами, Вавилония пшеницей, Сприя художественными коврами, Эфиопия слоновыми клыками и черным деревом. Груды ценностей и всякого рода предметов скоплялись в столицах; по словам греков, копченого мяса накладывали столько, что издали кучи можно было принять за холмы; у царя имелись разные диковинки в роде золотого платана в большом приемном зале, стояли в кладовой куполообразные слитки золота, от которых для чекана монет брали лишь небольшую часть.

Для того, чтобы передавать царские приказы по областям и, обратно, донесения и отчеты наместников и других должностных лиц, были устроены большие государственные дороги; самая важная из них соединяла Сузу с Сардами на западной окраине. Дорога и почта служнли также тайному надзору за сатрапами, которым занят был особый сановник при дворе, «госуда-

Персидская держава во время наибольшей своей силы в 480 г. до Р. Х.

рево око», наезжавший по временам в области для проверки управления и для расправы.

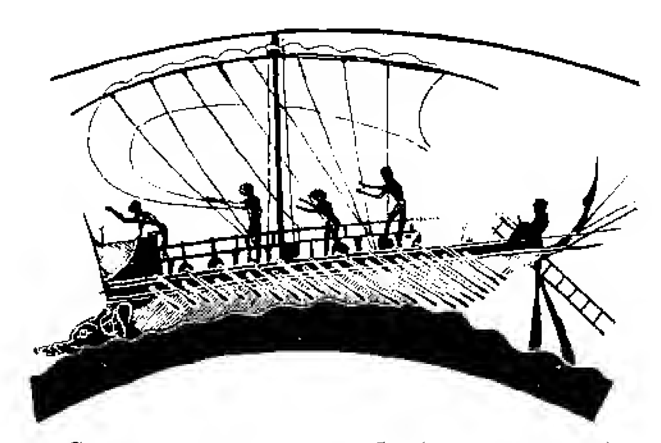
Войны Дария со скифами и с греками. Дарий хотел властвовать над всем тогда известным миром. Его манили сказочные богатства Индии. Скилаксу, уроженцу Карии (малоазийского берега к югу от Ионии), он поручил исследовать путь для морских сношений с Дальним Востоком: экспедиция спустилась на кораблях по Инду вниз, выехала в Индийский океан, обогнула Аравийский полуостров и пристала к Суецу на берегу Египта. Дарий возымел мысль соединить океан со Средиземным морем.' С этою целью он приказал выкопать канал между Нильской дельтой и Суэцом. В то же время царь требовал покорности от Карфагена и далеких западнофиникийских колоний. Греческого врача Демокеда из Кротона он отправил с кораблями для исследования берегов Апеннинского полуострова.

Сам царь собрался в 512 году в поход на скифов, живших за морями Черным и Каспийским в нынешней южной России и досаждавших персидской державе своими набегами то с Кавказского перешейка, то из Туркестана. План персов состоял в том, чтобы, обойдя Черное море с запада, проникнуть в самую глубину скифских поселений; но они не давали себе отчета в обширности северной страны: пространство между устьем Истра (Дуная) и Оксом (Аму-Дарьей) представляли себе раза в 4 короче, чем оно есть в действительности; Танаис (Дон) и Яксарт (Сыр-Дарью) считали за одну и ту же реку.

Греческий историк и географ Геродот, побывавший на северном побережьи Понта, лет 70 спустя после Дариева похода, описывает нам быт необыкновенно воинственных кочевников, занимавших необозримые степи между Истром, . Борисфеном (Днепром) и Танаисом. Скиф пьет кровь первого врага, которого ему удалось убить; головы убитых скифы приносят своему царю и по числу голов получают награду; снимают с убитых скальпы.и привешивают к узде лошади; из отрубленных рук делают колчаны, черепа покрывают золотом и употребляют в виде чаш для питья. Клятва товарищеской верности и братского союза совершается так: в большой чан наливают вина и туда же все участники обряда кропят своей крови из надреза, сделанного ножем, окунают кинжал, стрелу, секиру и копье, произносят торжественную молитву и выпивают смесь. Для почитания бога войны наваливают огромные кучи хвороста в виде покатой горы и на вершине ее водружают железный меч; перед этим изображением божества закалают рогатый скот и лошадей, а также пленников. Умершего царя долго возят в богато украшенном катафалке от одного племени к другому; воины наносят себе раны в знак печали, затем его хоронят с большим торжеством и жестокостями: на могиле убивают одну из жен умершего, а также виночерпия, повара, конюха, ближнего слугу и вестника, чтобы на том свете, у него был весь придворный штат; в склеп

под насыпь кладут золотые чаши, оружие, много всякого добра и украшений.

Дарий поручил греческому инженеру Маидроклу, уроженцу о. Самоса, соорудить мост на судах через Босфор, по которому войско переправилось из Малой Азии во Фракию (нынешиюю турецкую Румелию и Болгарию); такой же мост был построен через «горло» Дуная (т. е. до расхождения его на рукава, между нынешней Добруджей и Бессарабией). Но царю не удалось встретить скифов: отправивши жен и детей с имуществом на север, скифы завлекали врага в бездорожную степь, засыпая колодцы, чтобы наступающие погибали от жажды. Дарию осталось толь-

Старинный двухэтажный корабль (живопись на вазе).

ко повернуть назад; возвращалось войско по голой онустошенной местности, прнчем скифские наездники беспокоили персов своими нападениями и чуть не уннчтожили мост через Дунай, порученный охране ионийских греков.

Несмотря на неудачу скифского похода, держава персов продолжала расти. Она перекинулась в Европу: Дарий присоединил к своим владениям Фракию, с ее золотыми и серебряными рудниками, потребовал покорности царя Македонии и простер свою власть до горы Олимпа, за которой начиналась европейская Греция.

Внезапно вспыхнуло (в 500 г.) восстание в греческих городах Ионии, где народ сверг тпраннов, поставленных персами, и провозгласил демократию. Ионийцы просили помощи европейских греков. Спарта отказала, так как не в ее обычаях было воевать за морем; афинияне прислали несколько триэр (кораблей с тремя этажами гребцов). Малоазийские греки проявили ненужный задор, напавши на Сарды, но не сумели приготовиться к защите: когда к милетской бухте подъехал большой персидско-финикийский флот, они растерялись: корабли остро-

витян Лесбоса и Самоса изменили общему делу и бежали домой, остальные суда были окружены и уннчтожены. Персы сурово расправлялись с восставшими, сожгли Милет и переселили пленных милетцев в далекую Согдиану на берега Аму-Дарьи (494 г. до Р. Х).

Дарий ясно видел, что для спокойствия державы необходимо подчинить себе европейских греков. Он отправил в Грецию послов с требованием «земли и воды» в знак покорности. Своему зятю Мардонию, сыну Гобрия, одного из сообщников по убийству Лжебардии, царь поручил вести войска через Геллеспонт и Фракию для нападения на Грецию с севера; вдоль берега должен был ехать флот, доставляя сухонутной армии припасы. Но пер-

Греческий всадпик в шляпе и хламиде (плаще).

сидские корабли потерпели крушение от бури у мыса Афонского, и Мардоний вынужден был вернуться.

Через год Дарий отправил другую армию более коротким нутем: персы переехали на судах от берега Малой Азии к Аттике: с ними был старик Гиппий, которого персы собирались водворить в Афинах; он посоветовал высадиться у прибрежной равнины Марафона, где персы смогут развернуть свою конницу. Навстречу врагу вышло ополчение афинских гоплитов (тяжело-вооруженных воинов в панцырях, высоких шлемах, с металлнческими щитами и длинными копьями); во главе его стоял Мильтиад из старинного афинского рода Филаидов, бывший тиран Херсонеса у Геллеспонта, участник скифского похода, по-

ссорившийся с персами. Мильтиад применил искусную тактику (способ боя): не снуская войска с высот, где ему не страшна была конница, выждал нападение персов, расстроил их ряды неудержимым натиском своей фаланги и отбросил на корабли (490 г.).

Аполлон, играющий на струнной кифаре.

Великий поход Ксеркса и его крушение. Дарий стал готовить третий поход, но уже в гораздо. более крупных размерах. Казалось, независимой Греции грозила неминуемая гибель. Вся восточная половина Средиземного моря находилась в руках персов; им подчинились греческие колонии от Кпрены до Понта; «великий царь», как его называли греки, располагал громадным флотом финикийских и греческих городов; при дворе царя в Сузе проживали греческие изгнанники, готовые помочь персам в покорении соотечественников. Сам Дельфийский оракул, отчаявшись,, в возможности обороны, советовал подчиниться.

Среди приготовлений к великому походу на завоевание Европы, старый Дарий умер. Выполиять предприятие пришлось его сыну Ксерксу, человеку малоспособному, ленивому, погруженному в удовольствия. Да и персы били уже не прежними неутомимыми и суровыми воителями: теперь они собпрались в Грецию со всеми удобствами, везли громадный обоз, множество слуг, целый табор торговцев и забавников.

Ксеркс вернулся к первому плану Дария и пошел через Геллеспонт, в то время как флот следовал за армией вдоль берега: персы думали задавить Грецию своей массой, разгромить ее с суши и с моря. Почти половина европейских греков из страха не хотела участвовать в борьбе; аристократический род Алевадов в Фессалии радушно принял Ксеркса. Сторонники независимости — Спарта, Афины, Коринф и еще несколько общин — решили собрать ополчения и выставить корабли, но.не сговорились, как действовать против врага. Спартанцы, не имевшие вовсе флота, уповали на сухонутную войну: своего царя Леонида они послали защищать горные проходы, ведущие из Фессалии в Средиюю Грецию, и занялись возведением крепостной стены на самой узкой части Истма, чтобы загородить Пелопоннес. В Афинах, напротив, народ последовал совету проницательного Фемистокла, ожидавшего неминуемого онустошения Аттики, и решил вверить свою участь кораблям: как ни трудно было убедить крестьян, виноградарей и оливководов, крепко привязанных к земле, покинуть свои жилища и святыни, увезши свои семьи и имущество,

но все-таки им пришлось, в виду приближения персов, превратиться в скитающихся бездомных моряков.

Первые столкновения были неудачны для греков. Спартанцы, защищавшие Фермопилы, узкий проход вдоль морского берега, не смогли удержать вторжение персов в Среднюю Грецию; окруженные врагами, они все до единого погибли. Персы проникли в Аттику, разорили ее, сожгли Афины. Преследуя отступающие греческие корабли, персидский флот запер им выход в узком проливе между Аттикой и о. Саламином; здесь наконец должен был разыграться решительный бой.

Царь Ксеркс расположился смотреть на морское сражение с высокого берега Аттики. Произошло однако нечто неожиданное для обеих сторон. Тяжелые корабли персов, управляемые финикийскими моряками, с трудом поворачивались в тесном проливе; напротив, греческие триэры и, в первую голову, афинские под предводительством Фемистокла, легко и проворно двигаясь в хорошо знакомой им местности, сбили вражеский флот в беспомощную кучу и потопили большую его часть. Разбитые финикияне, боясь царского гнева, бежали к родным берегам. Разочарованный неудачей, Ксеркс уехал домой, поручив продолжать войну Мардонию. Между тем опасность для греков далеко не прошла. Мардоний перезимовал в Фессалии и вновь появился в Средней Греции; к нему присоединилась большая община города ФИЕ в Беотии; он сам предлагал афиинянам дружбу в надежде, чте они измеият национальному делу (защите родной страны и народности).

Опасение, как бы действительно афиняне не передались врагу, заставило спартанцев выступить из своей твердыни в Пелопоннесе. Царь Павсаний, во главе патриотических ополчений, встретился с персами на границе Беотии и Аттики у городка Платеи. Спартанский вождь, подобно Мильтиаду, не хотел сходить с холмов на равнину, Мардоний не решался нападать на высоты. Двенадцать дней простояли они друг против друга; наконец, когда персы отрезали грекам питьевую воду и Павсаний решил отступать, Мардоний бросился на него со своими стрелками и конницей. Тут обнаружилось все превосходство греческой дисциплины (подчинения солдат вождю). Павсаний выдерживал своих воинов на месте, несмотря на град стрел, наносивший им немалый ущерб; лишь когда персидские стрелки припали на одно колено и воткнули остроконечные щиты в землю, спартанский царь поднял руки к небу, молясь богам о победе, и двинул в бой непроницаемую железную стену своих гоплитов. Персы, лишенные панцырей и шлемов, оказались беспомощны против натиска греческих копейщиков; храбро сражаясь, пал Мардоний среди персидской гвардии; лишь незначительная часть большого войска, приведенного Ксерксом, спаслась бегством.

Греция после освободительной войны. Возобновлять военные действия против греков у Ксеркса не было ни малейшей

охоты. С крушения великого похода 480 г. начинается упадок персидской державы; изгнанные из Европы, персы теряют власть и над малоазийским берегом Эгейского моря; с трудом удерживают они Египет, где непрерывно почти кипят восстания.

У греков, напротив, победа создала новый воинственный пыл. Афинияне, бывшие на волосок от гибели, бросились к Геллеспонту отнимать у персов проливы и путь в Черное море; к ним присоединились освободившиеся от персов греки островные и малоазийские. Собрался синод у храма бога Аполлона на о. Делосе (одном из Кикладских, в середине Эгейского моря): здесь было решено составить оборонительный союз, обратить деньги, которые платились великому царю, на снаряжение кораблей и стать под начальство первой морской силы Греции, Афин. Войну за освобождение повел с большим успехом Кимон, сын Мильтиада; снабдив триэры сплошными палубами и забирая на корабли отряды гоплитов, он стал высаживаться на берегах, истребил персидские гарнизоны во Фракии, изгнал персидский флот из Эгейского моря. Все острова этого моря и окружающие его берега перешли под власть афинян.

Спарта, обратно, потеряла первенство, которым пользовалась во время обороны Эллады от Ксеркса. В падении Спарты много был виноват главный герой освободительной войны, царь Павсаний. Посланный для отвоевания у персов Византии, он вдруг переменился в обращении, покинул реснубликанскую простоту, стал одеваться в роскошную персидскую одежду, окружил себя персидской и египетской стражей, точно собираясь захватить тираннию над всей Грецией при помощи персов. Подозревая измену, спартанские эфоры (сановники, выбираемые воинством для надзора за царями) вызвали Павсания домой. В Спарте царь показался им еще более опасным, так как явно стал поднимать крепостных - илотов против спартанцев - господ. Когда эфоры послали схватить Павсания, он спасся от палачей в храм, который считался неприкосновенным убежищем. Эфоры приказали замуровать вход, чтобы уморить заключенного голодом; наблюдая однако за ним через крышу и увидавши, что он близок к смерти, они поспешили вывести умирающего наружу, чтобы трупом не осквернить святого места.

В освободительной войне греки показали свою привязанность к родной земле, свою стойкость и самоотвержение в защите национальной чести. Они могли гордиться тем, что не кланяются никакому властелину; но сплотиться в одно государство греки не сумели. Напротив, война за освобождение послужила началом новых взаимных споров между общинами. Для более сильных кантонов это был повод собрать добычу со своих более слабых единоплеменников.

Спарта предприняла грабительскую экспедицию в Фессалию под предлогом наказания Алевадов за измену отечеству. Афинияне не долго оставались на равной товарищеской ноге со своими новыми союзниками. Сначала они предложили островным

и малоазийским грекам разделить обязанности: союзники будут платить деньги, афиняне строить корабли и вести войну. Но когда персы признали независимость своих прежиих подданных и война прекратилась, афиияне продолжали взимать раз установленные взносы; союзники обратились в обыкновенных данников, таких же, какими они были в персидском государстве. Общину, осмелившуюся отделиться от союза, ждала суровая рас-

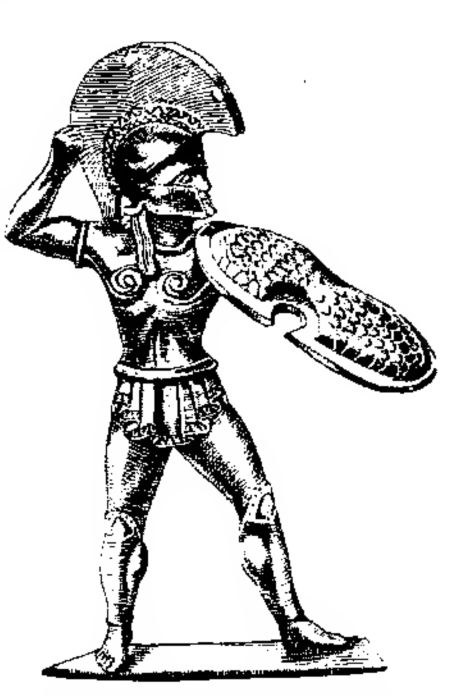
Перикл (см. стр. 122).

права: афиияне разрушали стены непослушного города, отбирали у него золото, продавали граждан в рабство, сажали на их место афинских колонистов. Заключенный для освобождения греков союз обратился в *афинскую державу*; афиняне любили, чтобы подчиненные им греки приезжали к ним на поклон, чтобы отдавали им на суд свои тяжбы и споры.

Афинская демократия. С тех пор как Фемистокл убедил афииян сияться с земли и сесть на корабли, народ очень переменился в своих привычках и поиятиях. Многие потом так **и** не вернулись к своим сельским занятиям; для людей же безземельных участие в морских предприятиях сделалось настоя-

щим кладом. Между тем как прежде ополченцы вооружались на свои средства, теперь всех стали снаряжать на счет казны; феты (неимущие) получали хорошее вознаграждение, большие доли добычи. Афинияне прослыли лучшими моряками Греции; они знали себе цену, гордясь тем, что спасли родной город от смертельной опасности и доставили ему господство над остальной Грецией. В Афинах и в главной торговой гавани Пирее появился новый демос, который был весьма непохож на прежний, состоявший большею частью из крестьян, привязанных к земле, медлительных, живших старыми обычаями и преданиями. Новый народ, выросший на морской войне и морской торговле, считал себя полным властелином в общине; все дела политики он хотел обсуждать и решать сам в общем собрании граждан— экклесии. Его тяготил надзор Ареопага, совета старых судей, собиравшихся в закрытом, недоступном для посторонних святилище, где в старину жрецы произносили проклятия убийцам.

Очень трудно было управлять нетерпеливыми, требовательными афинянами. Народ неотступно следил за стратегам и(военными начальниками, которые также ведали и казну), и в случае неуспеха или при малейшем подозрении в неверности смещал своих избранников, присуждал к штрафу, изгонял из общины. Так был изгнан Фемистокл, создатель непобедимого афинского флота, вынужденный бежать от смертной казни к персам; так за дружбу со Спартой подвергся ссылке Кимон, хотя он и доставил общине богатейшую добычу, а потом, открыв в общее пользование свои сады и поместья, продолжал щедро раздавать народу подарки. Только одному из афинских вождей, Периклу, внучатному племяннику Алкмеонида Клисфена, удалось удержаться у власти на долгие годы (460 — 430 до Р. Х.).

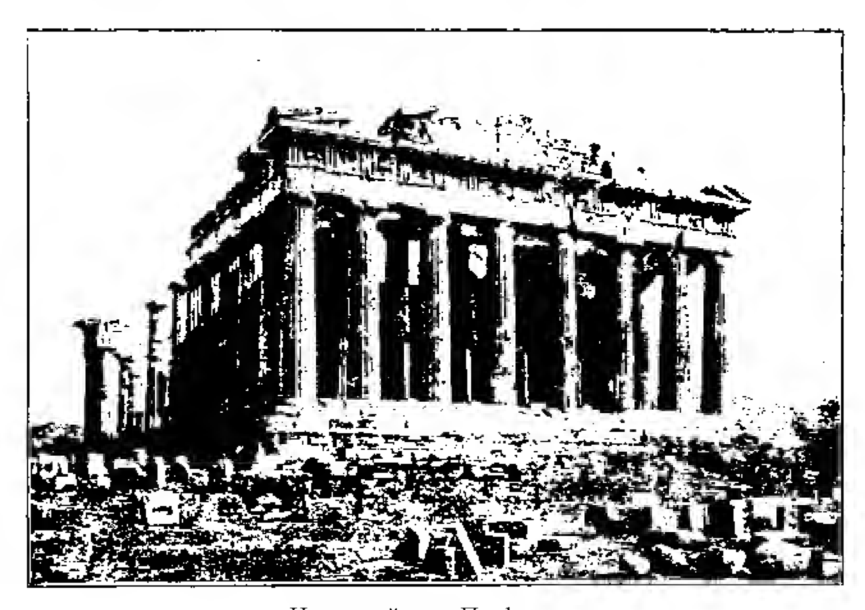

Греческий гоплит: шлем, пизко падвипутый, закрывает лпцо, палогах — попожи, в руке падо представить себе копье.

Перикл соединял в себе таланты демагога, подобно своему деду, и проницательного стратега, подобно Фемистоклу; он укрепил и расширил державу, созданную подвигами афинских моряков, и дал полное торжество новому демосу. По его предложе'нию, Ареопаг лишили права наблюдать за гражданством; у старых несмеияемых судей отняли разбор всякого рода обвинений и тяжеб между гражданами. Судить стали публично (с до-

лущением посторонних слушателей) комиссии присяжных по 200, 300 и 500 человек, выбираемых жребием из всего народа. Перемену в суде оправдывали следующими соображениями; 1) судьи должны руководиться не священными преданиями и внушеннями божества, а здравым смыслом и своей совестью; 2) в демократии ни у кого не должно быть особых преимуществ; нусть настоящее и полное равенство открывает дорогу талантливым людям всех званий.

Для того, чтобы равенство было не на словах только, но и на деле, чтобы и беднейшие люди могли принимать участие в политике, Перикл считал нужным ввести илату за все должности и все поручения, исполияемые гражданами; помимо того неимущие афинyяне стали получать даровые билеты в театр, в то время как на людей богатых положили обязанность оплачи-

Ныпешпий вид Парфепопа.

вать расходы по устройству драматических представлений и музыкальных концертов.

Средства для больших выдач народу Перикл нашел во взносах, платимых союзниками: он предложил перенести кассу с острова Делоса в Афины и убедил народ, что раз афиняне оберегают греческое море, они по праву могут пользоваться этими суммами, не спрашиваясь союзников. Золото пошло прежде всего на укрепление Афин и Пирея: главный город, расположенный в семи верстах от моря, соединили с портом Длинными стенами и образовали огромную крепость, которая в случае нового нападения с суши, могла бы сохранить свободные сношения с морем. Затем Перикл сделал народу такое предложение: «раз го-

род достаточно снабжен всем, что нужио для военной обороны, следует направить богатства на такое дело, от которого государство получит вечную славу, а граждане прямую выгоду, т. е.

Мраморпая статуя Афипы-Девы, составляющая воспроизведепие громадпого изображепия богипи из золота и слоповой кости, сработаппого художииком Фидием.

на постройки, памятники, художественные сооружения, требующие участия всех искусств и ремесл; так как при этом будут привлечены все мастерства и заняты все рабочие руки, то в

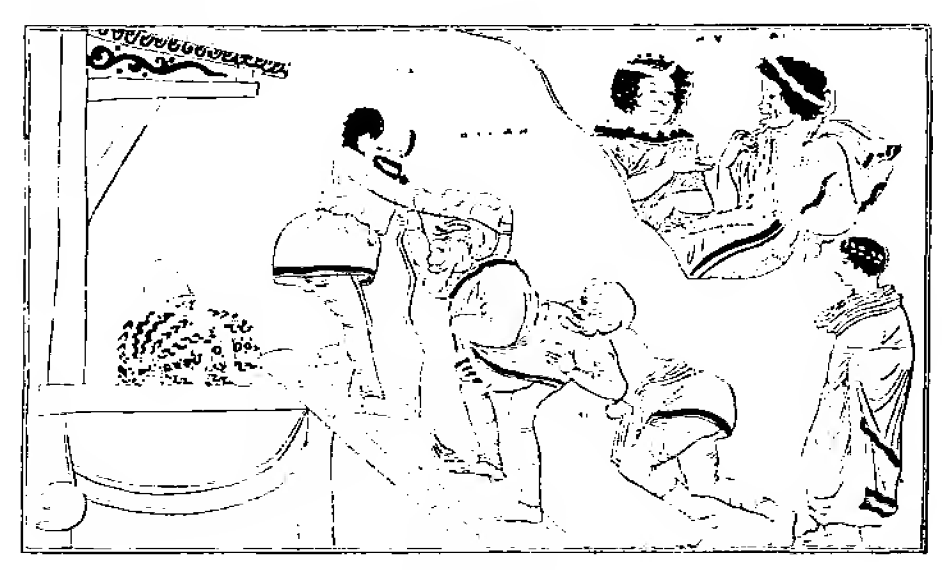
сущности все гражданство будет наиято на службу, и весь город изукрашен и получит пропитание.» Особенно красиво обстроили акрополь, где был воздвигнут храм Афины-Девы (Парфенон) и поставлена колоссальная бронзовая ее статуя, своим золотым копьем далеко сверкавшая, точно маяк, морякам афинским.

Перикл умел также доставить демосу интересные и поучительные развлечения. Нигде в Греции не было таких блестящих и роскошных праздников, как в Афинах. Каждые 4 года праздновались великие Панафинеи: из храмов выносили драгоценные покровы богини Афины, вышитые афинскими женщинами; гарцовали богато украшенные всадники, люди старых афинских семей, составлявшие гвардию демократической реснублики; являлись с подарками и приношениями посольства из подчиненных и союзных общин. Ежегодно осенью справлялся своеобразный траурный праздник, посвященный памяти павших в бою за отечество: на могиле произносили речи лучшие ораторы Афин, часто сам Перикл, прославляя подвиги афинского народа. К празднику Дионисий, учрежденному Пизистратом, народ требовал все новых и новых трагедий; каждый год поэты представляли на конкурс (соискание награды) целый ряд пьес, из которых театральные судьи выбпрали лучшие. Участник Саламинской битвы, Эсхил, в трагедии «Персы» представил торжество свободной Греции, отстоявшей свои святыни против ослепленных высокомерием тираннов. Особенно ярко отразил черты афинского характера поэт Софокл (род.496,ум. 408), написавший более ста пьес: его трагедии изображают бурные столкновения сильных людей, борьбу человеческой воли с неумолимой судьбой. Помимо трагедий народ любил также смотреть комедии, т. е. пьесы, в которых позволялось выворачивать на изнанку не только человеческий быт, но и мпр богов, осмеивать современных политических деятелей и героев мифологии.

Трагедии и комедии составляли своеобразное искусство афиниян. Особенность афинского театра заключалась в том, что хоры

и пляски, монологи и диалоги (речи одного лица и разговоры) исполнялись не актерами по ремеслу, а гражданами всех званий; а это было возможно потому, что в Афинах все проходили грамоту, все учились пению и танцам, упражнялись во всех видах спорта. В виду возрастающего интереса к театральным зрелищам пришлось заменить передвижную сцену постоянной и выстроить огромный Дионисов театр, вмещавший до 30.000 зрителей.

Сцепа из комедии.

Праздники, зрелища, речи народных ораторов, обилие товаров, подвозимых из разных стран, все это привлекало в Афины большое число посторонних посетителей: у афииян находили вкус и уменье интересно жить. В числе частых гостей был и Геродот, по рождению ионийский аристократ, увлекавшийся талантом Перикла и подвигами афинского демоса. В своем труде, изображающем борьбу греков с персами, он называет афинян спасителями Эллады: без них страна неминуемо должна была бы погибнуть. Афияне обладают и наилучшим строем, о котором Геродот говорит восторженно: «господство всего народа уже тем хорошо, что носит возвышенное название равноправности; должности распределяются по жребию, служащие лица отвечают во всем перед народом, и все решения зависят от общей воли; масса народа составляет одно целое, которое все собой охватывает».

Хотя Геродот называет демос «всем народом», однако в действительности исконные афиняне были незначительным меньшинством среди множества неграждан, не имевших ни права голоса в народном собрании, ни участия в добыче и выдачах из казны; *

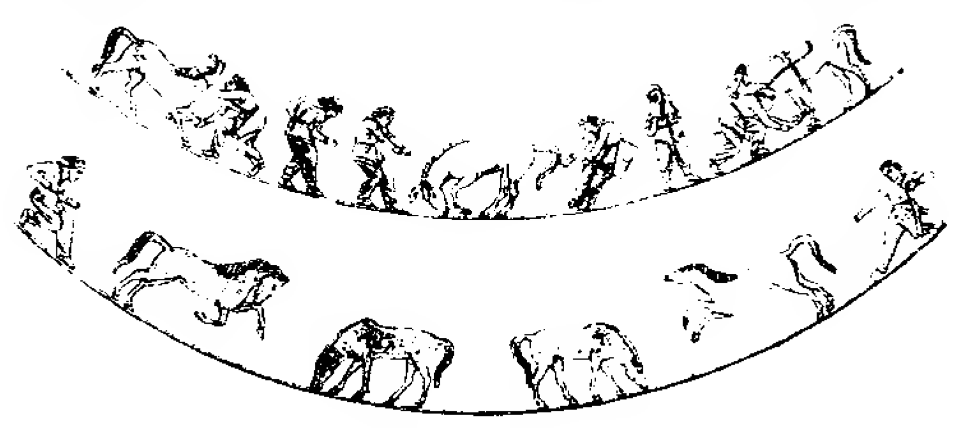
а если считать, что в разбогатевших Афинах очень увеличилось число рабов, то окажется, что полноправные граждане, равные между собой, составляли не более $^{1}/_{18}$ всего поселения Аттики и след. афинская демократия была по настоящему аристократией.

Афиняне в Черноморьи и государство скифов. Сорок лет

Глипяпая игрушка, изображающая скифскую телегу.

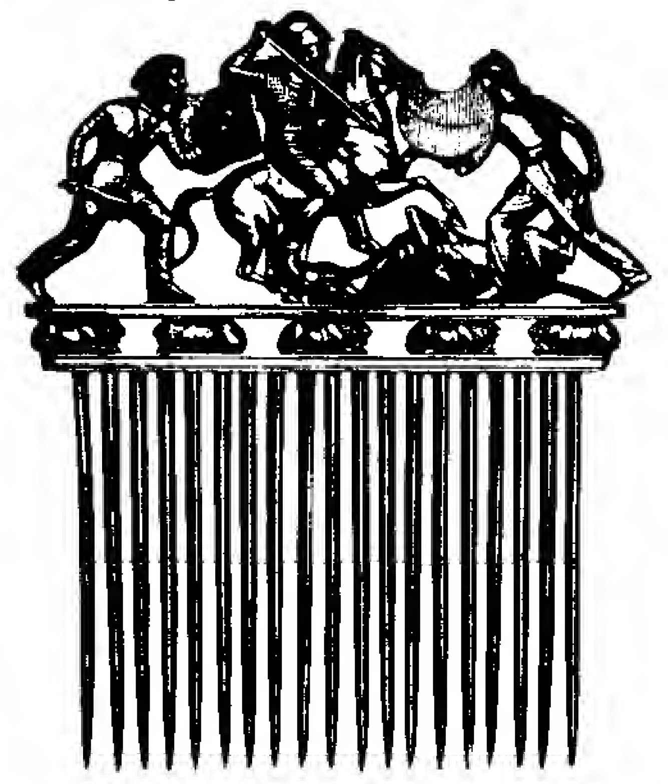
спустя после Саламинской битвы, Афины стали неузнаваемы: из небольшой общины выросла, крупная морская держава, а главный город ее из тихого поселка, оживлявшегося лишь с приходом крестьян на базары и праздники, превратился в большую, шум-

Скифы дрессируют лошадей (рельеф па греко-скифской вазеi.

ную, красиво обстроенную столицу государства. В старину Аттика довольствовалась хлебом, который сама производила; теперь многочисленное столичное и портовое население нуждалось в подвозе припасов из других стран: Афинам стало необходимо завести себе заморские колонии. Перикл снарядил с этой

целью большую экспедицию в Понт и сам отправился во главе флота, «чтобы выразить — как он говорил в речи к народу — сочувствие черноморским грекам, а тамошним варварским властителям показать величие афинской мощи, уверенность и смелость, с какой афиняне плавают, где им угодно, и держат в своем распоряжение все море».

Золотой гребепь греческой работы, пайдеппый в Скифии.

Афинияне стали вывозить хлеб из двух рынков: Ольбии, у Днепровского лимана на берегу Буга (против нынешнего Николаева) и Пантикапея, у выхода Азовского моря. Около Пантикапея афиняне заложили крепость, чтобы распоряжаться полновластно провозом хлеба через пролив. В приморские города пшеницу начали доставлять скифы: ради сбыта хлеба за границ}˙, племена, жившие ближе к морю, перешли от кочевого скотоводства к оседлому быту земледельцев. Главная выгода от этой торговли доставалась однако не самим хлебопашцам, а господствовавшим над ними кочевым воителям, в свое время отразившим нападение Дария и простиравшим свою власть на весь край от Волги до Днестра.

В обмен на зерно, меха, рыбу, воск и мед (в древности заме-

нявший наш сахар), затем на живой товар, рабов, скифы стали покупать изделия греческого ремесла; скифские князья окружают себя художественной посудой греков, ювелирными и туалетными вещицами; особенно им полюбилось новое изобретение афинского гончарного искусства — вазы, покрытые черным лаком с красными фигурами, изображавшими утоиченный быт греков. Западные, греческие моды скоро вытеснили ассприйские и персидские, которые раньше проникали к скифам с востока. Падкие до роскоши, скифы однако не хотели отступать от своих нравов и смешиваться с греками. Когда Анахарсис, брат скифского царя, после многих странствований, вернулся домой и вздумал

Сосуд из гробницы скифского царя.

воспроизвести обряд поклонения Великой матери богов, который он видел в греческом городе Кизике (у Пропонтиды, т. е. у Мраморного моря), сам царь застрелил его из лука, как отступника от обычаев своего народа.

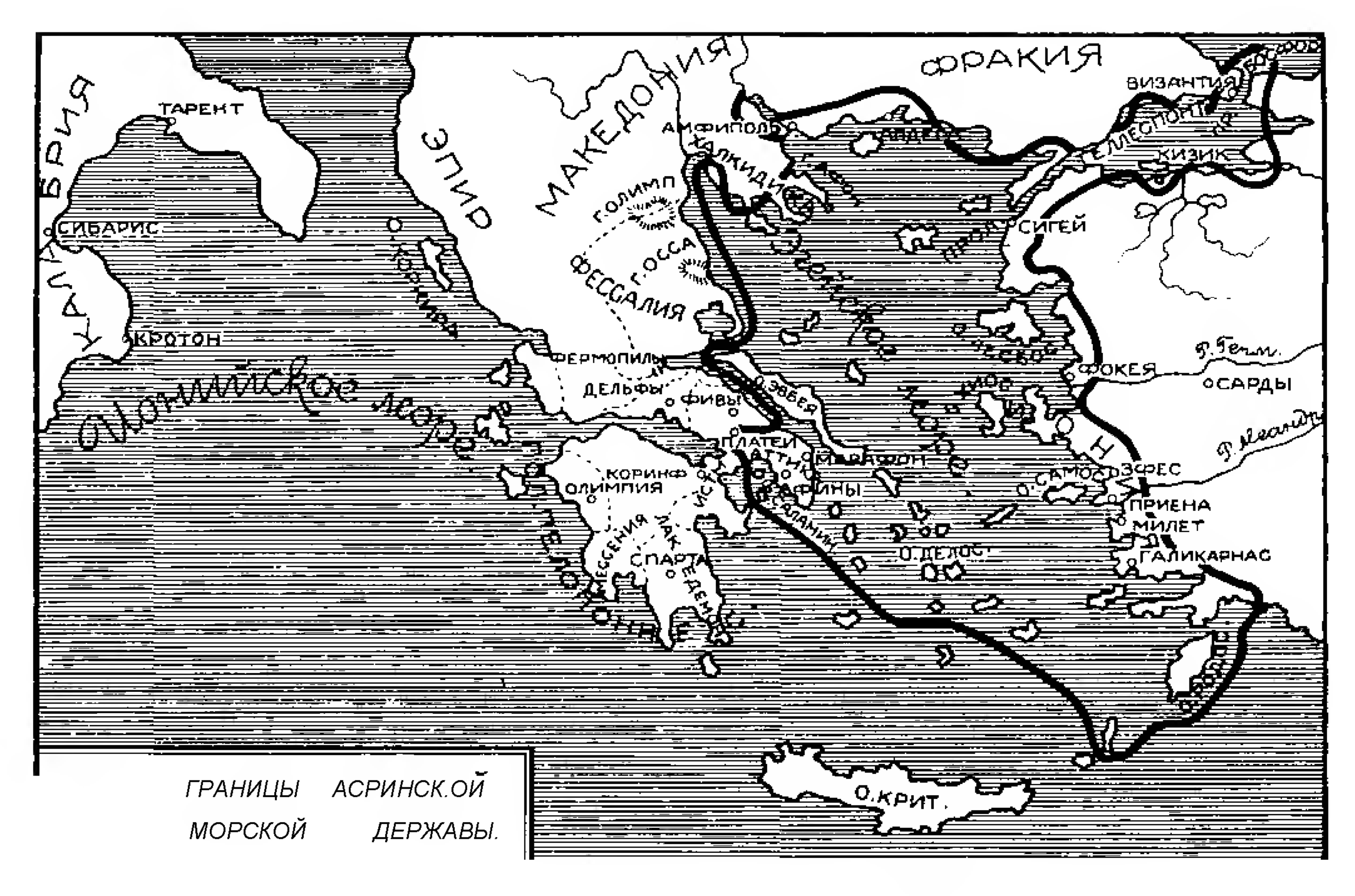
Благодаря торговым поездкам афииян в Понт, страной и народностью скифов заинтересовались вообще в Греции. Любознательный Геродот отправился на север и к своему рассказу о походе Дария прибавил описание всего того, что ему удалось узнать о Скифии. Его поражает прежде всего само море, ведущее в эту страну, — огромное, без островов, с одним узким выходом, который своими черными скалами напоминал греку во-

рота смерти, вход к Аду. Геродот, уроженец благословенного теплого края, готов преувеличивать холод и снежиые мятели Скифии, в которой зима продолжается будто бы 8 месяцев. Из рек, громадных и многоводных, нет лучше Борисфена (Днепра): вода в нем для питья очень вкусна, сам он чистый, хотя притоки полны тины; в нем очень много превосходной рыбы; на его заливных берегах чудесные луга и пастбища, на других растет лучшая в свете пшеница; около устья отлагаются большие кучи соли.

Во времена торговли Черноморья с Афинами скифы составляли великое государство, почти столь же крупное, как персидская монархия, с которой оно имело много общего. По словам греков «скифы так храбры, и войско их так многочисленно, что если бы они все собрались вместе, с ними не могли бы сладить остальные народы не только Европы, но и Азии».

Очень обширны были торговые сношения скифского государства; кроме морского нути на югозапад, из Скифии направлялись во все концы света дороги сухонутные: вверх по Днепру и Днестру к Балтийскому морю и странам Скандинавии; на юговосток через Кавказский перешеек или кругом Каспийского моря в Иидию; наконец на северовосток за Уральский хребет в глубину Азии. Последний из этих нутей подробно описывает Геродот. Начинаясь от Ольбии, дорога идет по сарматской (новороссийской) степи, пересекает Дон, направляется вдоль Волги по лесистой и болотистой стране будинов, охотничьего племени, белокурого и голубоглазого (может быть, финского происхождения). В этой земле, изобилующей нушным зверем, греки построили город Гелон, где все дома, храмы и крепостные стены были деревянные (вероятно на средней Волге между Сызранью и Симбирском); население тут смешанное, говорит по-скифски и по-гречески. Далее дорога ведет через нустынную местность, вверх по Каме, переваливает за Урал в Западную Сибирь к охотничьим племенам тиссагетов и юрков, доходит до Иртыша, где живет оторвавшаяся от своих часть скифов. «До страны этих скифов тянется равнина с глубокой землей (так Геродот называет чернозём), а дальше начинаются камни и скалы». Наконец дорога достигает Алтайских гор и Тианшана, проходит через Дзунгарские ворота в Средиюю Азию: «а там живут у подножья высоких гор безволосые люди с приплюснутыми носами и широкими скулами, говорят на языке непонятном, но одеваются по скифски. Их никто не обижает, потому что они считаются святыми, у них и нет оружия; они решают споры своих соседей; тех, кто у них ищет убежища, они берут под свою охрану». Видимо, это какое-то монгольское племя, которое очень искусно воспользовалось своим положением посредника в сношениях Европы и Азии. «Частью скифы к ним приходят, частью греки из Ольбии и других понтийских городов. Скифам приходится, чтобы достигнуть этого отдаленного края, брать семь толмачей для объяснения на семи языках».

Только кочевой народ, обладавший большим количеством

Греция в пачале великого междоусобия (Пелопоппесской войпы).

вьючного скота для перевоза тяжестей, мог совершать такие далекие переезды с товарами. Скифы стремились к единственному по своему богатству источнику золота в Алтайских горах. Едва-ли у кого-либо из народов того времени скоплялось такое множество золота. Не зная, что делать потом со всеми этими запасами и драгоценностями, скифы зарывали целые склады золотой посуды, ожерелий, позолоченного оружия и конской сбруи в могилы как бы для обстановки и украшения умерших, тела которых они старались сохранить на подобие египетских мумий.

Междоусобная война греков и конец афинской державы. Могущество и богатство Афин сложилось очень быстро. Но афиняне никогда не были довольны достигнутым, а постоянно стремились к новым приобретениям, точно они от природы были предназначены ни себе, ни другим не давать покоя. Им было мало господства в Эгейском море, оживленной торговли с Понтом, с Кипром и Египтом, их еще тянуло на запад, к обладанию морями, омывающими Италию и Сицилию.

Метатель диска (статуя афинского художника Мирона).

Захваты афинян в западных водах расстраивали в конец „торговлю Коринфа, принадлежавшего к Пелопоннесскому союзу общин; Коринф стал жаловаться Спарте, главе этого союза. К Спарте же взывали о помощи малоазийские и островные греки, угнетаемые поборами афинян. Спарта отправила в Афины требование возвратить всем греческим общинам автономию (независимость и самоуправление). Перикл предложил афинской экклесии ответить гордым отказом;началась (в 431 году) большая междоусобная война, которую афиияне назвали Пелопоннесской. Греция разделилась на две стороны: почти все сухопутные общины присоединились к Спарте, зато все Эгейское море находилось **в** руках афинян.

Перикл склонил садоводов и крестьян Аттики покинуть, **как** во время персидского нашествия, свои земли и виноградники, и поселиться внутри стен огромной крепости, которую предста-

вляли Афины, соединенные с Пиреем: он хотел, пожертвовав деревиями, спасти население от нашествия спартанцев и вместе с тем был уверен, что афинянам удастся закрыть подвоз припасов к Пелопоннесу и выморить противника голодом. Но расчеты его не оправдались, война началась неудачно для Афин: их собственные корабли завезли в Ппрей чуму, и среди скученного населения скоро стала свирепствовать зараза. Афинский демос прежде всего обрушил свой гнев на Перикла, сверг его с должности верховного стратега, на которую выбирал неизменно втечение многих лет, присудил к тяжкому штрафу; правда, через полгода раздражение прошло, но несчастия подкосили силы Перикла: он сделался жертвою чумы.

В междоусобной войне греки повредили друг другу больше, чем мог когда-либо совершить внешннй враг. Спартанцы каждый год приходили онустошать Аттику, вырубали все деревья и виноградные лозы; афиняне, объезжая на кораблях Пелопоннес, выжигали до тла береговые поселки. На острове Коркпре, колонии Коринфа, демос, стоявший на стороне афиияп, перебил крупных торговцев и судовладельцев, разграбил товарные склады; торговля в этой когда-то богатой общине совершенно замерла, подвоз остановился, в городе наступил жестокий голод; Коркира обратилась в жалкие развалины.

После смерти Перикла никто уже не мог приобрести такую власть над Афинами, потому что никому не удавалось соединить в себе таланты демагога и стратега. Между тем как Перикл умел занять одинаково богатых, образованных людей и простой народ, теперь эти два слоя населения разделились; первые склоиялись к заключению мира, вторые, напротив, к продолжению войны, слушая охотно воинственные речи грубоватого Клеона, кожевенного заводчика незнатного происхождения. Клеон советовал во всем крутые меры: когда афиняне подавили восстание на о. Лесбосе, пытавшемся выйти из подчинения державе, он потребовал поголовной казни всего мужского населения мятежного края. При большом задоре у Клеона не было вовсе военных дарований. Как раз в это время предприимчивый и талантливый спартанский вождь Брасид прошел через Фессалию и Македонию на полуостров Халкидику, склоияя подчиненные афинянам городам к отпадению. Клеон вызвался прогнать Брасида, но вместе того был разбит спартанцами под стенами отнятой у Афин колонии Амфиполя. В сражении погибли и Брасид, и Клеон. Тогда в Спарте и в Афинах взяли верх сторонники мира: они уговорились разделить крут власти над Грецией, оставив за спартанцами перевес на суше, за афииянами на море.

Но мпр, заключенный после 10-летней борьбы, был непрочен; долгая война оставила свой злой след, прнучила людей вместо труда к захватам и грабежам; воители не хотели расходиться по домам и ждали нового случая применить оружие. На угождении этому беспокойному воинству задумал построить свою судьбу Алкивиад, выросший под опекой Перикла, че-

ловек очень богатый, одаренный блестящими талантами, очаровательный в обращении, но нечестный и бессовестный. Алкивиад увлек афинян фантазией покорения Запада, к которому они так стремились: решено было под его начальством отправить большую эскадру для завоевания Сицилии (в 415 г.). Афинян охватило какое-то ослепление. Историк Пелопоннесской войны, Фукидид (род. 460, ум. 400 г.) рассказывает, что, при отправлении войска в нуть, «весь город, вся масса народа, граждане и чужестранцы, снустились в гавань, кто проводить своих близких, кто поглядеть на величественное и невероятное предприятие: до сих пор ни один город никогда не вынускал военного

Эрехтейоп, храм, воздвигпутый па афипском акрополе во время Пелопоппесской войпы в честь Эрехтея, святого покровителя Афип.

флота, который бы стоил так дорого и был так великолепно снаряжен».

Едва успел приступить Алкивиад к военным действиям в Сицилии, как его потребовали в Афины на суд: враги обвиняли его в тяжком преступлении — оскорблении богов - покровителей города. Алкивиад бежал с дороги и прибыл в Спарту. Быстро приспособившись к спартанским нравам, высмеивая афинскую демократию, которую он называл глупой бессмыслицей, Алкивиад посоветовал спартанцам: прежде всего послать помощь Сиракузам, к осаде которых тем временем приступили афиняне;

далее, объявить войну Афинам и устроить в самой Аттике постоянный лагерь спартанцев; наконец, заключить союз с персами для общих действий против Афин.

Уже Спракузы готовы были сдаться афиинянам, когда туда проник спартанец Гилипп; он сумел отбить нападения осаждающих, уничтожить весь афинский флот и взять в плен сухонутное войско. Афины очутились на краю гибели; все почти малоазийские и островные греки от них отпали, Спарта завела собственный флот и послала его перерезать сношения афиияи с Понтом. Противники демократии в Афинах, которые при Перикле не смели выступать, теперь попытались сбросить господство народа и заключить мпр со Спартой; но войско и моряки, стоявшие у о. Самоса, объявили себя истинным демосом афинским и провозгласили верховным стратегом Алкивиада, который уже успел рассориться со Спартой и проживал у персов. Алкивиад быстро поправил дела афинян: разбил и уничтожил флот спартанский, загородивший в Геллеспонте доставку из Черного моря хлеба в Афины, взял Византию, очистил оба пролива от врагов. Народ вернул ему все свое доверие; но после одной неудачи против искусного спартанского адмирала Лизандра Алкивиад вновь и окончательно был свергнут.

В последние годы борьбы афиияне обнаружили удивительное мужество наряду со взрывами почти безумного гнева. Летом 406 г. спартанцы заперли афинский флот у о. Лесбоса и грозили подступить к Афинам. Демос сделал нечеловеческие усилия, соорудил новую эскадру; на корабли посадили людей всех возрастов, вооружили рабов. Еще раз в великой морской битве у островов Аргинузских, близ Лесбоса, афиияне разбили спартанский флот. Но следом за сражением разразилась сильная буря: афинские стратеги не смогли подать помощь выброшенным с кораблей и похоронить павших в бою. Из Афин тотчас же пришел приказ о предании их суду за гибель'сограждан в волнах и за оскорбление памяти мертвых; народ ожесточился против своих спасителей, совершивших почти невероятный подвиг; присудив обвиняемых без разбора дела к смертной казни, он убил в их лице последиюю надежду. На другой год Лизандр захватил без боя афинский флот, стоявший в Геллеспонте, отрезал Афины от подвоза припасов, осадил с моря и с суши и принудил к сдаче. Победители потребовали срытия крепостных стен афинских, выдачи военных кораблей и отказа от всех заморских владений. Афинская держава перестала существовать, Афины сделались оиять кантоном, как во времена до персидского нашествия (404 г.).

Греки в такой мере ослабили друг друга в междоусобной войне, что персидский царь смог беспреиятственно вернуть себе господство над малоазийскими греческими городами. Он стал даже вмешиваться в споры и столкновения греков и решать их в качестве третейского судьи. Ему было выгодно раздробление Греции: поэтому царь Артаксеркс II объявил, что будет защищать автономию всех греческих общин (387 г. до Р. X.)

Глава IV.

Эллинизм, Индия, римская республика.

Наука и вера греков. Культура египтян, вавилоиян, индусов гораздо старше греческой. Греков можио назвать поздними учениками древней восточной мудрости, но учениками необычайно способными: они быстро прошли школу и повели дальше раз усвоенные науки и искусства.

Впереди всех были ионийцы, самые близкие к Востоку; они переияли у египтян геометрию, у вавилонян астрономию; Фалес милетский, современник Солона, умел вычислять затмения. Всем созданиям человеческого ума и воображения греки придавали интересный общедоступный вид. Греческий художиик, ученый и писатель всегда мог обратиться к большой массе просвещенных граждан, к живой и любознательной толпе. Геродот читал на большом празднестве в Олимпии перед обширной публикой отрывки из своего исторического труда.

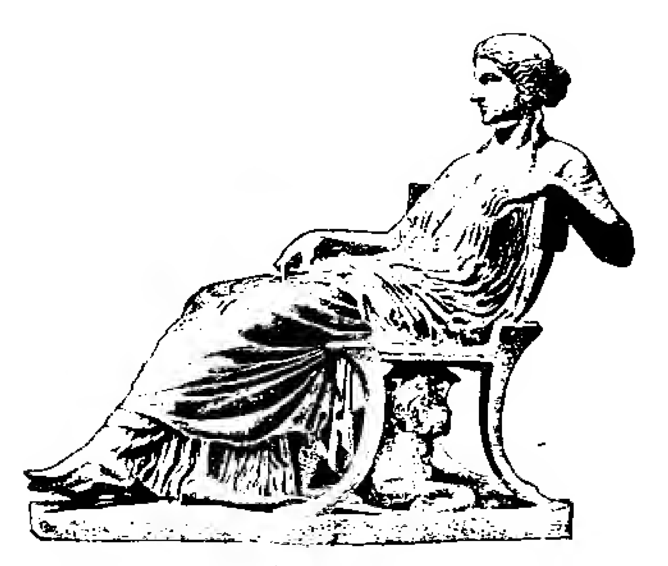

Голова статуи бога Гермеса (работы художника Праксителя).

Греческие ученые, знакомые с религией персов и нудеев, стали отвергать мифы, где боги изображены с человеческими страстями и слабостями. Иониец Ксенофан, современник Кпра и Пизистрата, осуждал Гомера за то, что он вмешивает богов в бои и столкновения людей. «Разве можно равняться с эфиопами (неграми), которые представляют себе богов по своему подобию черными и курносыми, или с дикими фракийцами, которые своих богов мыслят голубоглазыми и светловолосыми?—Нет, в мире может быть лишь единый Бог, непохожий на смертных ни внешним своим видом, ни духом своим».

В Греции не было духовенства, которое бы, как на Востоке, старалось хранить тайны религиозного учения, сообщая народу лишь немногие сведения о богах. Обряды совершались открыто должностными лицами, выбранными народом; предания и мифы были знакомы всем, и всякий считал себя в праве толковать их по-своему. Беседы о религии донускались беспрепятственно и переносились на театральную сцену. Эсхил представил в трагедии «Прометей» миф о борьбе верховного небесного бога Зевса с одним из титанов (земных божеств), но представил так, что все сочувствие зрителя должно остаться на стороне человеколюбивого страдальца Прометея против безучастного к человеческой судьбе, властно-холодного Зевса.

Странствующие софисты (профессора-просветители) излагали в своих лекциях новые научные теории и новые взгляды на религию. Особенный успех эти чтения имели в Афинах, где

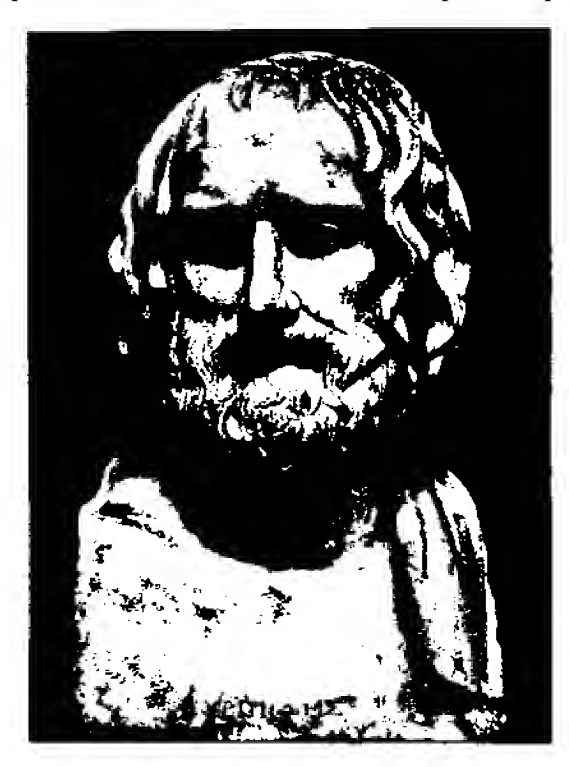
Афипская дама.

их жадно слушали пытливые, одаренные беспокойным умом ученики. Иониец Анаксагор, друг Перикла, порывая с мифом о колеснице бога солнца, взлетающего на огненных коиях, учил, что светило есть раскаленная каменная масса; мпр возник из соединения бесконечно малых частиц и пылинок, крутящихся в вихре; верховный Разум направляет их движение, в котором они сближаются, отталкиваются и образуют тела и вещи.

Протагор из Абдеры во Фракии, также близкий к Периклу, находил, что о богах нельзя сказать, существуют они или нет, а жизнь человеческая слишком коротка, чтобы решить этот вопрос. Поэтому нечего искать божественной справедливости; человек с его потребностями — вот мера всех вещей, основание

для всех оценок. Эврипид (род. 484, ум. 406) в пьесе «Беллерофонт» изобразил борца за человеческие права, нападающего на самый престол Зевса: герой драмы горько упрекает богов за то, что они дают счастье и удачу -жестоким и вероломным тпраннам и в то же время бросают без помощи благочестивые общины, гибнущие от руки злодеев. Беллерофонт под конец восклицает: «и после этого говорят, что на небе есть боги? Их нет там, если только люди не хотят верить старым сказкам!»

Далеко не все принимали новые учения. Образовались две партии: просветителей и консерваторов (людей

Эврипид.

старозаветных взглядов), между которыми началась жестокая борьба. Благочестивый афиияпин Диопейф, знаток обрядов и толкователь оракулов, испуганный разрушительными учениями просветителей, предложил народу присуждать к самому тяжкому наказанию всякого «кто будет отрицать божественные силы мпра или излагать новые астрономические взгляды». Тотчас же по принятии этого закона привлекли на суд Анаксагора; он едва избег смерти, благодаря заступничеству Перикла, но должен был заплатить большой штраф и уйти в изгнание. Протагор, опасаясь такой же участи, сам поспешил уехать из Афин.

Когда народ постигало какое-нибудь иесчастие, он обрушивался на просветителей, обвиняя их в оскорблении богов, карающих за то всю общину. Скоро после гибели афинской державы, когда демос искал виновников беды, привлекли на суд семидесятилетнего Сократа (род. 469, казнен 399 г.). Сократ, настоящий афинянин по натуре, любознательный, до всего добравшийся своим острым умом, непобедимый в диалектике (искусстве спора), окружил себя глубоко преданными друзьями и учениками. Его не удовлетворяла старая вера в олимпийских богов, но он не хотел и атеизма, т. е. полного отрицания божественного начала в, мпре. Ему казалось, что в самом человеке есть божественный голос, дающий различение добра и зла, указывающий, как надо поступать в жизни. Обвинители воспользовались этими речами Сократа и потребовали осуждения его на смерть за то, что он «вводит новых богов и развращает молодежь».

Многочисленные ученики Сократа, почитавшие его память, как святого, разбежались из Афин. Как бы ни были различны их взгляды, они сходились все в равнодушии к судьбам родного города и нелюбви к демократии.

Из них Антисфен учил, что высшее благо состоит в отречении от роскоши и удобств, в сокращении своих потребностей, в свободе от всяких предрассудков и привязанностей: не надо служить на войне, участвовать в суде и народном собрании (такой отказ от подчинення государству мы называем теперь ан.а'рхизмом); не надо привязываться к родной земле: истинно независимый человек должен быть космополитом (гражданином всего мира). Ученики Антисфена, называвшиеся киниками, прославляли бедность, вели бродячий образ жизни, ходили босые, с непокрытой головой, в черных или серых плащах из грубой материи, подпоясанные веревкой. В своих речах к народу, пересыпанных резкостями и насмешками над богатыми людьми, они призывали к коммунизму, т. е. к отказу от семьи и собственности, к общему пользованию предметами пищи, одежды и т. д.

Другой ученик Сократа, Платон (род. 425 г., умер 347 г.), аристократ по происхождению, считал афинян безумствующей толпой, падкой до ярких зрелищ, преданной мелкому тщеславию и злым страстям; несколько раз ездил он ко двору спракузского тирана в надежде найти благожелательного монарха, который устроит разумное государство. Когда в Афинах забыли о суде над Сократом, Платон вернулся в родной город и стал собирать в тенистом саду своего поместья, Академии, дружеский кружок для бесед, скоро обратившийся в школу наук *и* философии (общих мыслей о мироздании). Друзья составляли как бы церковную общину, а во взглядах Платона на устройство государства было много сходного с понятнями священников об управлении паствой. Подобно индусским браминам, установившим деление на нерушимые касты, Платон учил,

что человечество разделено от природы на 3 разряда: правителей, или философов (т. е. мыслителей), воителей и рабочих. Лишь первые обладают бескорыстным, возвышенным духом, способным подняться до мысли об общем благе; у последних душа низменная, направленная на удовлетворение одних физических потребностей; их назначение — подчиняться, служить безгласным орудием в руках мудрецов. Платон так же, как киники, увлекается коммунизмом, но считает общность жен и имуществ пригодной лишь для правящей, высшей породы людей.

Голова философа.

Киники и платоники держались разных взглядов на религию. Первые видели в мироздании лишь сцепление частиц материи, не признавая творившего мир и управляющего им божества; вследствие этого они отрицали существование особого духа и в человеческом существе; то, что обыкновенному уму кажется душой, они считали проявлением жизни, которая не имеет продолжения за гробом (такой взгляд мы называем материализмом). Вторые, напротив, считали материю беспорядочной мертвой грудой, которую может оживить и устроить только божество; душа человеческая представлялась им искрой, занесенной из другого мира; земная жизнь — краткий миг, в течение которого душа находится как бы в тюрьме, в плену грехов и мелочных страстей; смерть—великое освобождение: она возвращает дух его родине (такой взгляд, весьма близкий к учению браминов, мы называем идеализмом).

Подготовка завоевания Азии. Ксенофонт, третий выдающийся ученик Сократа, ушел из Афин в Спарту в то время, когда спартанцы вступили в дружбу с персами. Вместе с другими греческими воителями, не находившими занятия дома, он нанялся на службу к наместнику Малой Азии, Кпру, персидскому принцу, который задумал свергнуть своего старшего брата, великого царя. В 401 году до Р. Х. Кпр повел свое войско, персов и греков, от побережья Эгейского моря в глубину государства, к Сузе. Недалеко от Вавилона произошло сражение, в котором сам Кпр погиб, но греки показали свое обычное превосходство над варварами. Персы обманом залучили к себе и перебили начальников осиротевшего греческого отряда; но воинство не потерялось

и выбрало новых начальников, среди них Ксенофонта, повествователя похода; пробивая себе дорогу в странах совершенно неизвестных, отражая нападення персов и диких горцев, европейские воители добрались вверх по Тигру до Армении, а оттуда к греческим городам Понта, где нашли корабли для возвращения на родину.

Демосфен (см. стр. 142).

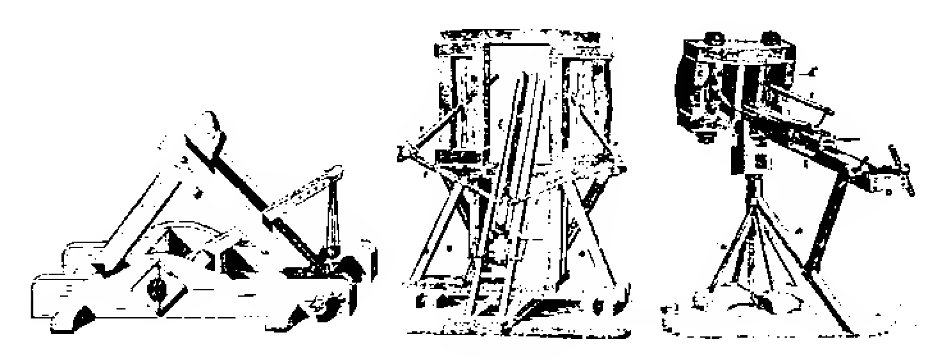
Рассказывая в книге «Поход Кпра» о чудесных приключеннях 10.000 греков, Ксенофонт знакомит вместе с тем своих соотечественников со слабостью громадного персидского государства. Но одна черта у персов вызывает глубокое преклонение Ксенофонта, это — их монархическое устройство, которое он противопоставляет многоголовой толпе, господствующей в демократии. В другом своем сочинении «Киропэдня» он изображает Кпра (старшего), основателя персидской державы — знатоком всех видов войны и управлення, умелым распорядителем наград и наказаний, хладнокровным и решительным командиром, мастером держать пестрое войско в дисциплине. Ксенофонт желает, чтобы в Греции явился такой идеальный (наилучший) государь, который бы вывел её из мелочных ссор и взаимного истреблення к великому делу.

Исократу, преподавателю красноречня в Афинах (род. 435, ум. 338) ЭТО великое дело представляется в виде похода греков на завоевание Азии. Он предлагает Спарте и Афинам помириться, всем грекам вообще прекратить внутренние усобицы и в дружиом содействии предпринять поход на покорение Востока. «У нас —говорит Исократ -горькая бедность, которая разлучает друзей, делает врагами людей, между собою близких, а там нас ждет богатая, роскошная страна, там мы можем добыть счастье,

приволье и избыток, вместе же с богатством вернется в дома и общины единодушие и согласие». Война будет хороша еще тем,что даст занятия беспокойным воителям, которые за неимением дела и заработка готовы сейчас теснить и грабить своих. Поход обратится в какое-то праздничное шествие: не трудно будет увлечь с собою греков, населяющих береговую кайму от Кирены до Синопы; великий царь потерял свое обаяние, в огромной державе кипят непрерывные мятежи.

Хотя воззвание Исократа, написанное в 380 году, встретило большое сочувствие в Греции, но до осуществления выраженных в нем мыслей было еще далеко. Греки продолжали действовать врозь, наперерыв обращались к помощи персидского царя в своих внутренних усобицах, по очереди принимали от него подарки и золото. Тридцать пять лет спустя (в 345 г.) Исократ, будучи уже 90-летним стариком, повторил свой призыв; но теперь он обращался не к реснубликанским общинам Греции, а к определенному вождю — царю македонскому Филипну.

Македония —Торная страна к северу от Фессалии, была населена греческим племенем, которое оторвалось от остальной Эллады и отстала в своем развитии. В Македонии не было больших торговых городов и ремесленных слобод; население состояло из крестьян и рыцарства (земледельцев, служивших всадниками). Афиняне, опасавшиеся суровых воинственных македонян, старались отрезать их от всяких морских сношений. Но после падения афинской державы царь Филипп (359—336), воспользовавшись

Греческая артиллерия.

взаимными спорами греческих общин, разрушил укрепленные города, загораживавшие ему доступ к морю, покорил Фракию с ее золотыми рудниками, завладел всем северным берегом Эгейского моря и завел флот; далее он завоевал плодородную Фессалию, страну коневодства и проник через Фермопилы в Средиюю Грецию. Всюду македонский царь помогал опрокидывать демократию и водворяться правлению немногих богатых людей или господству тираннов. Афинский оратор Демосфен пытался соединить против Филиппа всех друзей реснубликанского строя в Греции;

но уже было поздно, македонская монархия выросла в большую военную силу. Филипп усвоил все военное искусство греков; фалангу он сделал еще более неотразимой, вооружив ее длинными в 3 сажени копьями, так что воины иятого ряда высовывали свое оружие за первый ряд; далее по персидскому образцу он создал конницу и впервые завел артиллерию (большие метательные и стенобитные сооружения). Помимо этих изобретений у Филиппа было еще одно'преимущество: его войско заполняли не избалованные горожане, привыкшие долго обсуждать в своих собраниях все предприятия, а сельские жители, в мирное время рассеянные по деревиям и имениям, послушно выходившие на войпу по зову своего вождя.

При Херонее в Беотии Филипп разбил собранные усилиями Демосфена ополчения афииян и фиванцев (в 338 г.); после этого на синоде, в Коринфе, куда не явились только гордые спартанцы, он потребовал признания себя начальником всех греческих сил в войне против персов.

Поход Александра. Среди приготовлений к азиатской войне Филипп был убит одним из своих пажей. Внезапная смерть его возбудила в греческих республиках надежды на освобождение от македонского господства, но 20-летний сын его Александр быстро подавил все попытки восстания. Особенно жестоко обошелся он с Фивами: граждан продал в рабство, все здания города велел разрушить, кроме дома, где жил когда-то поэт Пиндар, прославлявший царей и тираннов.

Александр Македонский.

В 334 году Александр, окруженный опытными командирами, которых оставил ему отец, повел отборное войско македоиян и греков через Геллеспонт. Его наставник, Аристотель, самый выдающийся ученый тогдашней Греции, направил вместе с ним своих помощников и учеников для исследования новых областей, которые должны были открыться кругозору греков.

У персидского царя Дария III Кодомана находилось на службе много греческих наемников и среди них выдающийся вождь Мемнон с о. Родоса. Алексаидр сразу стал одерживать успехи над персами, но все его предприятие могло бы рухнуть, когда Мемнон появился во главе флота в Эгейском море, угрожая отрезать македонян от Греции и поднять там восстание. На счастье Александра его противника постигла внезапная смерть, и перед европейским завоевателем открылся свободный нуть через Малую Азию. При Иссе у входа в Сприю Дарий сам попытался остановить врага. Однако искусство восточных воителей слишком уступало греческому: значительную часть своих сил Дарий оставил в тылу в бездействии; ничто не могло сдержать бурного натиска македонской конницы, предводительствуемой самим Александром. Ог полного разгрома едва спасся сам Дарий; его семья и придворный штат попали в плен.

Дарий предложил мир, уступая македонскому царю земли, лежащие между Средиземным морем и Евфратом. Александр не согласился на условия раздела державы; его целью было господство над всей Азией. Однако он не преследовал персов и двинулся вдоль берега Финикии. Город Тир, старый соперник греческой торговли, отказался открыть ему ворота. Расположенный на скалистом острове, Тпр в течение семи месяцев выдерживал осаду; чтобы подступить к стенам его^пришлось строить мол от материка к острову и, так как тирийцы разрушали инженерную работу греков, сосредоточить в окружающих водах чуть не весь флот; наконец македонская артиллерия разбила высокие бойницы города. Разъяренные долгим сопротивлением, солдаты перерезали половину населения; остальные были проданы в рабство. Гибель Тпра означала конец финикийской народности на Востоке; остались только ее западные колонии с Карфагеном во главе.

Алексаидр прошел в Египет, страну, где были вечные восстання против персов, и где греки давно имели опору. На берегу моря, близ устья Канопа, западного рукава нильского, македонский царь заложил город своего имени, Александрию, который сделался потом крупнейшим средоточием греков на Востоке. Затем предпринял трудный поход через нустыию к святилищу Амона, где жрецы провозгласили его сыном Зевса и властителем мира. Только теперь, обеспечив за собой вполне обладание морем, Алексаидр двинулся в глубину персидского государства за Евфрат и Тигр. Дарий собрал последние силы и со множеством боевых слонов, на колесницах, встретил Алексаидра на дороге между Ниневией и Арбелой. Здесь повторилось тоже, что было под Иссом; но в этом последнем бою персы потеряли самостоятельность. Они уже не защищали своей коренной области Персиды; Алексаидр проник в Персеполь, сжег дворцы Ахеменидов, будто бы в отмщение за то, что Ксеркс разрушил греческие святыни, и забрал громадные запасы золота персидских царей.

Преследуя Дария, который погиб от руки одного из своих сатрапов, Александр перешел на северовосточную окраину персидской державы, в Бактрию и Согдиану (обнимающие северную часть Авганистана, Бухару, Хиву и русский Туркестан). Этот край, благодаря искусственному орошению, был в то время почти так же богат хлебом, как Нильская долина и Двуречье. Еще в другом отношении привлекал он греков — как промежуточная страна в торговле со Средней Азией и Китаем; особенно ценился получавшийся с востока шелк, так как ни в Греции, ни в Передней Азии тогда не умели разводить шелковичного червя и даже не знали ничего о происхождении этого удивительного волокна.

Поход в северовосточные области персидской державы с их суровым климатом и воинственным населением был очень труден и утомителен. Для того, чтобы закрепить их за собою, Александр основал несколько военных поселений; из построенных им Александрии здесь выросли нынешние Герат и Кандагар в Авганистане; Александрия крайняя, это — нынешний Ходжент на реке Сыр-Дарье.

Требуя от войска все новых и новых усилий и подвигов, Александр в то же время раздражал окружающих переменой поведения. Его увлекала обстановка восточной власти; но греческие ученые, выросшие в республиканских нравах, не могли помириться с земными поклонами, которые он ввел, а сподвижники его отца Филиппа роптали на отклонение от македонских обычаев товарищеской близости царя с дружиной. Александр стал подозревать их в измене, в злоумышлении на его жизнь. Во время бактрийского похода он казнил Филота, сына лучшего из старых генералов Пармениона, за то что Филот не донес ему об открывшемся заговоре, а потом велел убить самого Пармениона, опасаясь с его стороны мщения; Клита, спасшего ему жизнь в бою, Александр заколол собственноручно на пиру за несколько обидных слов.

На покорении громадной персидской державы Александр не успокоился. Из Бактрии он двинул армию в другую страну чудес, привлекавшую греков — в Индию. В равнине Инда часть князей перешла на сторону завоевателей, но другие оказали самое упорное сопротивление. Греков особенно поразил индийский царь Пор, гигантский старик, который руководил битвой с высоты своего боевого слона и сражался до тех пор, пока не было уничтожено почти все его войско, убиты два его сына, и сам он получил тяжкие раны. Александр возвратил Пору его царство, чтобы иметь в отдаленной стране союзника.

Неистовый завоеватель, сам впереди всех, готовый всегда разделить с простыми солдатами все труды и опасности, Александр все еще стремился дальше и дальше. Однако когда он приказал готовиться к походу в долину Ганга, его войско, до тех пор послушное, теперь измученное 10 неделями тропических гроз и проливных дождей, воспротивилось. Напрасно в горячей

речи к солдатам Александр, доказывал, что они находятся недалеко от океана, окружающего населенную землю, что необходимо добраться до него по Гангу, затем проехать в море Персидское и Аравийское и наконец, обогнувши кругом Ливию (Африку), вернуться через Столбы Геракла (Гибралтарский пролив); тогда границы державы будут совпадать с границами вселенной, установленными самим божеством. Его ветераны (заслуженные солдаты) не хотели ничего слышать о географических открытиях и о господстве над всем миром; они требовали отдыха и возвращения домой. Александр подчинился, но решил на возврате исследовать новые нути для сношений с Дальним Востоком. Часть войска была отправлена на кораблях вниз по Инду и дальше по Персидскому заливу к устью Евфрата. Во главе другой он двинулся сам по южиой окраине Иранского плоскогория; преодолевая страшные трудности, не раз на краю полной гибели, завоеватели прошли нустыни Гедрозии (Белуджистана).

Столицей своей державы, простиравшейся от Адриатического моря до Ганга, Алексаидр выбрал Вавилон. О реснубликанских порядках управления, привычных грекам, не было и речи; Александр оставил все, как было в персидском государстве, заменив только персидских сатрапов македонянами и греками. В Грецию он послал требование, чтобы £го причислили к 12 олимпийским богам в качестве 13-го. По восточному обычаю он взял несколько жен, между ними дочь Дария, женил македонских воителей на перснянках, завел себе гвардию из персов, облекся в длинную восточную одежду. Но он не онустился в роскоши и бездействии; среди блестящих свадебных празднеств замышлялись новые экспедиции: на севере для исследования берегов Каспийского моря, на юге для покорения Счастливой Аравии.

Жизнь Александра, полная необычайно смелого искания новых нутей, великих подвигов и взрывов дикого произвола, прервалась рано и внезапно: через год после возвращения из Индии, он □мер от изнурительной лихорадки, 33 лет от роду (323 г. до **Р.** X.).

Эллинистические государства. Немедленно после смерти Александра громадное наследство стали оспаривать его бывшие сподвижники, состоявшие сатрапами областей и командирами армий. Из этих диадохов (преемников), принявших один за другим царский титул, каждый по-своему старался подражать великому завоевателю.

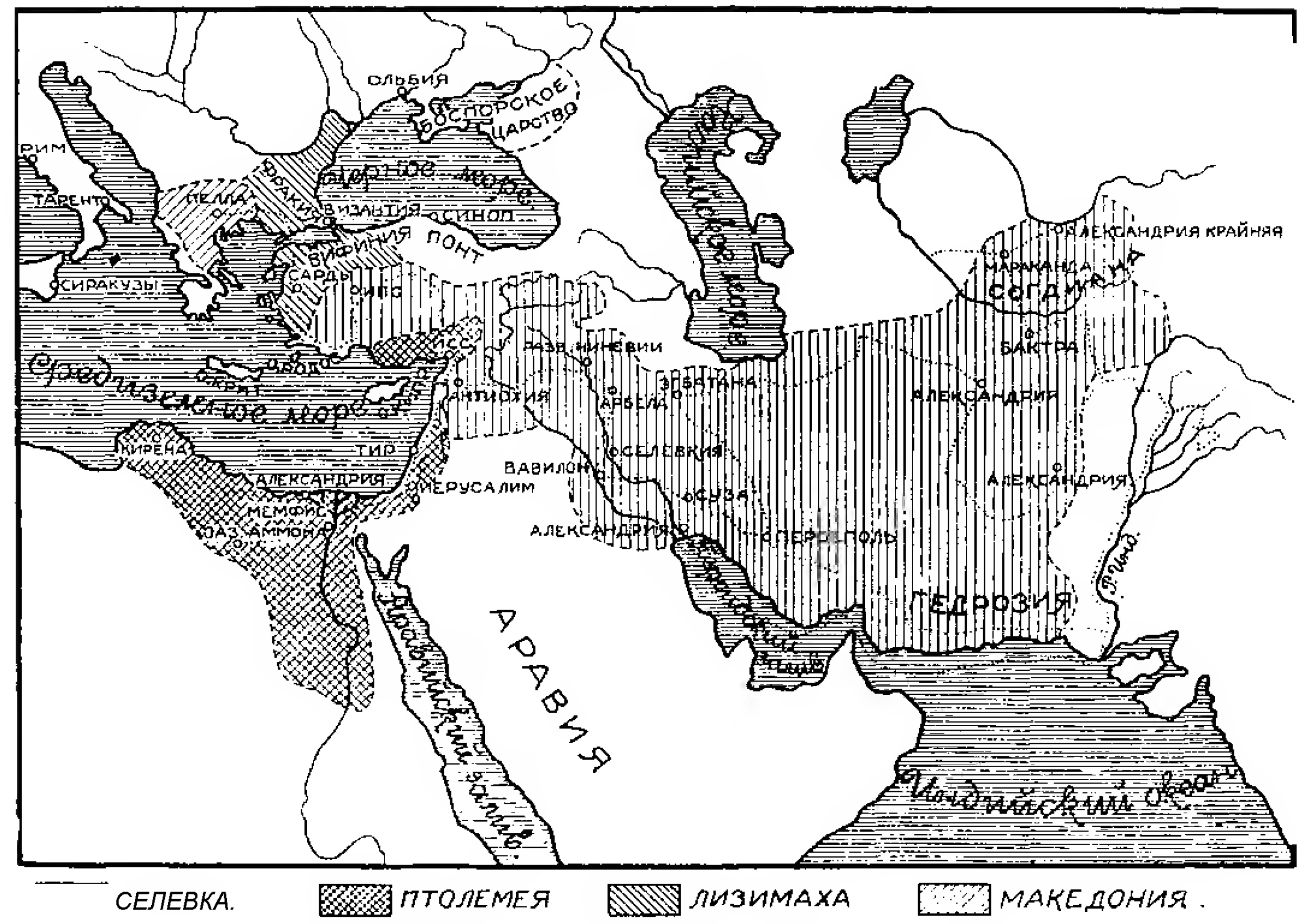
Одно время казалось, что всю державу объединит малоазийский сатрап Антигон, в руках которого оказались главные склады персидского золота. Но против него и его сына Деметрия, прозванного за свои осадные башни и стенобитные орудия Градоразрушителем (Полиоркетом) соединились другие диадохи: Кассаидр, правитель Македонии, Лизимах, занявший Фракию и северозапад Малой Азии, т. е. страны, лежащие по обе стороны

проливов, Птолемей, сатрап Египта, очень искусно присвоивший себе прах Александра, для которого в Александрии был выстроен громадный мавзолей, и Селевк, овладевший Вавилоном. Из них более всего походил на Александра своими фантазиями и тяготением к Дальнему Востоку Селевк: ему удалось вновь завоевать возмутившуюся Бактрию, но при попытке вступить в Индию, он встретился с Чандрагуптой (по гречески Сандрокоттом), который увлек за собой массы кшатриев, изгнал гарнизоны, оставленные Александром, и объединил под своей властью весь Индостан (северную равнинную Индию). Селевку пришлось помириться с этим великоиндийским царем и даже искать его дружбы. Получив из Индии 480 боевых слонов, Селевк двинулся против Антигона на другой край державы в Малую Азию.

Здесь, при Ипсе, во Фригии (в середине полуострова) в 301 г. до Р. Х. произошла крупнейшая из битв Древности. Антигон, 80-летний старик, разбитый союзниками, Селевком и Лизимахом, погиб, его сын Деметрий бежал и, после ряда бурных приключений, побывавши царем в Македонии, окончил свою жизнь пленником у Селевка. При разделе между союзниками, Птолемей, самый осторожный и деловитый' из сподвижников Александра, удержал за собой Египет, Кирену, Финикию и о. Кипр. Селевк получил большую часть бывшей азиатской великой державы: его главными владениями были самые богатые и населенные области Азии: Сирия и Двуречье. Под конец жизни Селевк, неизменно счастливый, провозгласивший себя Никатором (победоносцем), повторил попытку Антигона. В большом походе на запад он разгромил своего старого союзника Лизимаха, переправился через Геллеспонт и уже готовился к захвату Македонии, но в эту минуту величайшего своего торжества погиб от руки Птолемеева сына, которому дал в свое время приют против преследований отца. Македония осталась особым царством, отделенным от обширных колониальных земель, которые были завоеваны македонским оружием.

Государства, образовавшиеся из державы Александра, мы называем эллинистическими, т. е. проникнутыми эллинской культурой. Большая часть населения городов европейской Греции ушла на восток: особенно много солдат, торговцев, ре-

Государства диадохов Александровых (нунктир ноказывает нуть Александра).

месленников, ученых, техников привлекли непрерывные войны, которые тянулись от начала похода Александра до смерти Селевка (334—280 гг.), питаясь на счет запаса сокровищ, веками накопившихся в азиатских столицах. Новые греческие города в государствах Селевкидов и Птолемеев, Антиохия в северной Сирии, Селевкия на Тигре, Александрия в Египте, строились по определенному плану широкими прямыми проспектами; количеством населения они во много раз превосходили Афины и Коринф. В них не было ежегодно выбираемых народом архонтов, эфоров и стратегов, не было сменявшихся для каждого дела присяжных судей из граждан; за порядком на улицах и площадях, в торговле и промышленности смотрели назначенные царем градоначальники и упраляющие.

Эпикур (философ, учивший в Афинах в III веке до р. х.)

Греки принесли с собой обычную любознательность, подвижность и переимчивость. Усердно доискиваясь источников восточной мудрости, они увлеклись вавилонскими книгами по астрологии, т. е. науке о небесных светилах, связанной с гаданиями о судьбе человеческой. Изверившись в силу богов своей родины, они искали опоры в божествах Малой Азии, Сирии, Ирана, Индии, Египта, им до тех пор неизвестных и вследствие этого казавшихся таинственно могучими. Во время предсмертной болезни Александра его близкие обращались к вавилонскому богу Серапису. Птолемей старательно собиравший все, что служило памяти Александра, перенес почитание этого бога в Египет, построивши ему в Александрии огромный храм. Новые почитатели Сераписа соединили его в своих понятиях со старинными египетскими божествами, Озирисом, великим судьей в царстве мертвых, Аписом, воплощенным в быке богом - подателем всех благ земных, и Изидой, родоначальницей жизни. Художники подобрали к изображению Сераписа мифологические черты богов Греции: подобно Зевсу он восседает на престоле со скипетром в руке; как правитель подземного мира, он опирается

на трехголового пса, стража преисподней; его венец — полная чаша зерна, символ принадлежащий Изиде и греческой богине земледелия, Деметре. Таким образом Серапис соединил в себе черты всех богов - спасителей рода человеческого.

Все чужестранное греки переводили на свою простую, изящную, общедоступную речь. В свою очередь благодаря распространенности греческой грамоты стали оживать старые,как будто умершие, народности востока. Вавилонский священник Берос написал по гречески историю своей страны начиная с древнейших времен; точно так же на греческом языке составил обширную летопись Египта гелиопольский священник Манефон. Очень увлеклись греческой культурой иудеи (так зовутся израильтяне со времени вавилонского плена, в то время, как страна вместо Ханаана получает название Палестины). Множество нудейских торговцев, ремесленников, книжников (т. е. ученых)стали переселяться в Антиохию, Александрию и греческие города Малой Азии. Колонисты поддерживали самую тесную связь со своей родиной, с иерусалимским храмом, которому они посылали подарки и платили подать, но в их среде скоро стала забываться родная речь; для них в Александрии был сделан перевод на греческий язык священных книг Закона и Пророков; он называется Библией семидесяти толковников (т. е. переводчиков).

Серапис.

Александр, а затем его сподвижники и диадохи, не разделяли сами народной веры. Будучи учениками свободомыслящих философов, они искали расположения образованных слоев Греции. Честолюбивой мечтой Птолемеев было затмить умственную жизнь Афин: они выстроили в Александрии Музей, т. е. целую сеть зданий, посвященных наукам и заключавших в себе громадную библиотеку, коллекции для исследований, залы для преподавания. Алексаидрийские ученые пользовались умственной свободой: здесь между прочим могли излагаться учения атеизма и пантеизма, т. е. всебожия, или обожествления самой природы. Будучи покровителями наук и философии, властители эллинистических государств считали вместе с тем

очень полезным для укрепления своей власти принимать божественные титулы. У Селевкидов вошло в обычай провозглашать живого царя «явленным богом»; на монетах он изображался в венце, окруженном солнечными лучами. Птолемеи, которым приходилось править греками и египтянами, приспособлялись к религиозным понятиям тех и других. Птолемей III принял для греков титул Эвергета, т. е. земного благодетеля; египетские жрецы приравняли греческого царя к старым фараонам и объявили его «солнцеподобным, великим царем верхних и нижних стран, живым образом бога». Птолемеи извлекли большую выгоду от такого обожествления: причисленные к сонму египетских богов, они отобрали божьи вотчины при храмах и перевели их доходы в свою казну.

Уличный торговец в Александрии.

Черноморье во время эллинизма. Благодаря милетским колониям и афинской торговле греческая культура проникла в юговосточную Европу раньше, чем в страны Передней Азии. Около 350 г. греческие товары и греческие моды господствуют среди скифов. Все туземное население, жившее по Кубани, по нижнему Дону, по Днепру до Киева, перешло от кочевой жизни" к оседлости. Прежнее отчуждение от быта греков исчезло: у скифов появились города; богатые скифские князья выстроили каменные дома и окружили себя греческой обстановкой. В курганах, скрывающих скифские могилы, находятся великолепные произведения греческого искусства: особенно хороши серебряные чаши с тонкой выделкой рельефных фигур. По образцам греческим начали работать и скифские мастера. В свою очередь греки приняли скифские обычаи и верования: в Ольбии почитался водяной бог Борисфен (Днепр).

От сближения с греками, от богатой привольной жизни пришла в упадок воинственность скифов. Их слабостью воспользовались сарматы, по происхождению близкие к скифам, но сохранившие дикость степных воителей. Греческий географ Страбон так описывает сарматов: «их войлочные палатки прикреплены к повозкам, на которых они живут; вокруг подвижных жилищ пасутся стада, молоком и мясом которых они питаются. Они переходят от одного пастбища к другому, выбирая постоянно местности обильные травой, зимою в болотах (около моря (Азовского), летом также на равнинах».

Сарматы стали напирать на скифов с востока, со стороны Каспийского моря и Волги так же, как в свое время оттуда же скифы теснили киммерийцев. К 200 году до Р. Х. сарматы, славившиеся своей конницей в чешуйчатых панцырях, опрокинули

скифскую державу; подчинившись завоевателям, скифские племена стали дичать и сливаться с вновь водворившимися кочевниками. Сарматы начали жестоко теснить и грабить греческие города. О помощи из далекой метрополии не могло быть и речи: Греция сама обеднела и потеряла самостоятельность под македонским владычеством. Поэтому черноморские греки искали поддержки в эллинистических государствах южного берега: Вифинии, лежащей у Босфорского пролива, Понта, расположенного против Крыма. Независимость от сарматов сохранила только область нижней Кубани с полуостровом Таманью и греческим городом Фанагорией; здесь вождь наемных фракийцев основал Боспорское царство (название от Боспора Киммерийского, т. е. Керченского.пролива), присоединивши еще восточную часть Крыма с городом Феодосией.

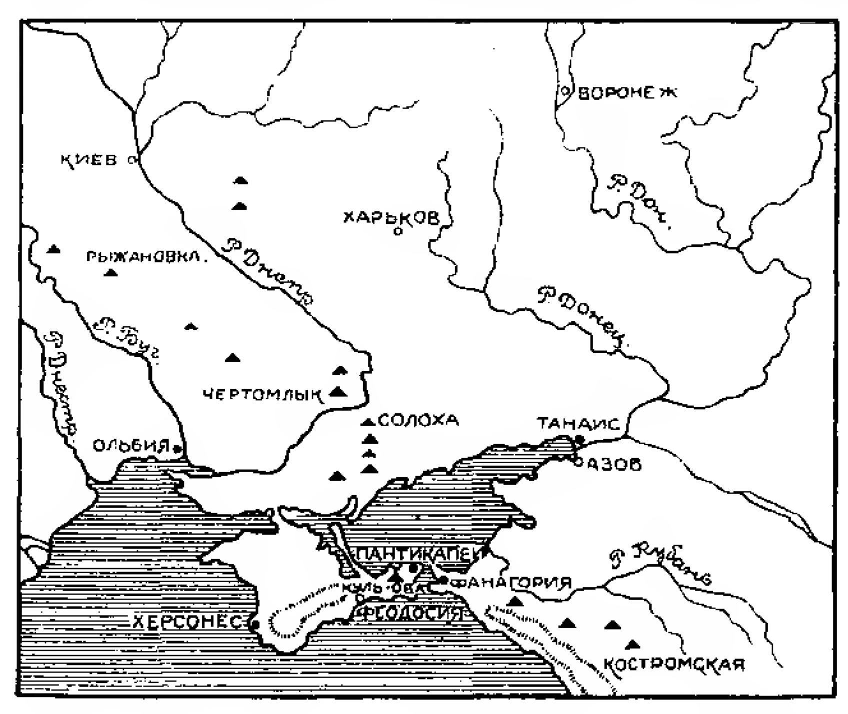
Серебряная ваза из гробницы скифского царя.

В черноморской торговле произошла большая перемена. Прежде главная линия сношений направлялась через проливы в разные концы Средиземного моря; теперь, с прекращением хлебопашества у скифов, перестали вывозить зерно в Грецию, а вместе с тем и вообще выезд в проливы лочти закрылся. Прилегающие к Черному морю страны, отрезанные от Греции, составили особый замкнутый мир, в котором опять ожила близость к Востоку, люди вернулись к азиатским обычаям и верованиям.

Великоиндийская держава. Нашествие Александра на Панджаб вызвало в иидусах воинственный подъем, который в свою очередь привел к объединению их страны, самой богатой и населенной в мире.

Объединитель Иидостана, Чандрагупта, уроженец нижнего Ганга, был темного происхождения: но отцу он считался царского рода, но мать его принадлежала к касте судр. В восточной Индии браминизм, провозглашавший господство высшей касты, не имел

такой силы, как в западной, и потому предприимчивый человек любого звания легче мог выдвинуться. Тотчас -же после ухода Александра Чандрагупта набрал отряд из горных племен западной окраины,, покорил с ними Паиджаб, изгнал македонян- и отсюда начал завоевание своей родины, равнины Ганга. В самом

о *СОВРЕМЕННЫЕ ГОРОДА* . • *ДРЕВНИЕ ГОРОДА* . ', *л.* *БОЛЬШИЕ КУОГАНЫ* .

Южная Россия и Черноморский край во время господства скифов.

большом из государств восточной Иидии, Магада, он сверг царствующий дом и водворился в его столице Паталинутра (по греч. Палиботра, нынешняя Патна). Одно за другим подчинялись ему царства и княжества Иидостана, и скоро владения его охватили всю страну между Бенгальским заливом и Аравийским морем, от Гималаев до гор Виидня (за которыми начинается южноиндийское плоскогорие, или Декан). По договор}', заключенному с Селевком, Чаидрагупта получил восточный край бывшей персидской державы, с таким трудом завоеванный Алексаидром (части нынешних Авганистана и Белуджистана).

Селевк (правил 312—280 гг.), дорожа дружбой с Чандрагуптой (322—297), отправил в Палиботру особое посольство; глава его, Мегасфен, прожил в столице несколько лет под конец правлення Чаидрагупты и дал подробное описание правов и устройства Индии.

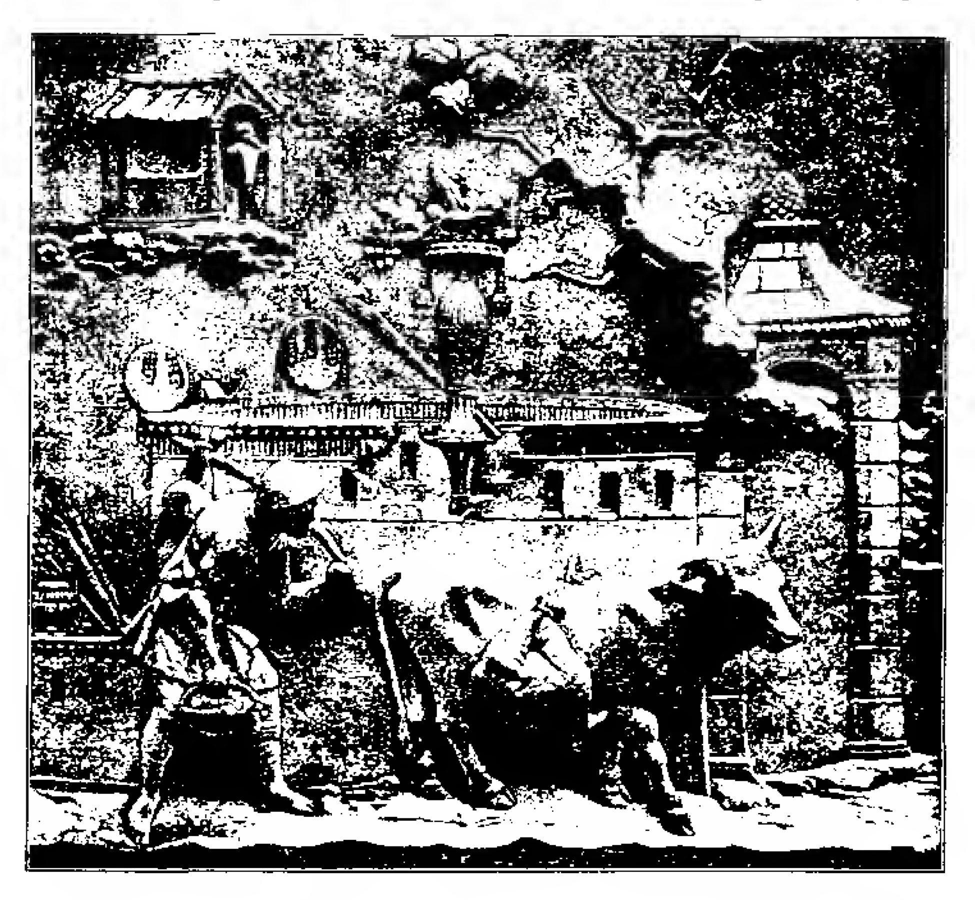
Все поражает греков в этой стране, столь непохожей на то, что они до сих пор видели. По их описанию Палиботра — огромный город, окруженный высокими *деревянными* стенами, в которых более 60 ворот и 170 башен. Царский дворец, тоже деревянный, но с литыми из золота и серебра украшениями на крыше и на столбах, стоит в обширном парке, обсаженном искусно подрезанными деревьями и кустами. В палатах позолоченная мебель, посуда сверкает вделанными рубинами и алмазами. Царь лишь издали виден народу, или несомый в золотом паланкине с жемчужиыми кистями, или в беседке на спине великолепно разукрашенного слона. В то время, когда ему делают массаж тела, он разбирает жалобы и тяжбы подданных. Царь любит смотреть бои зверей, носорогов, слонов, быков, бои вооруженных рабов (эти бои потом в Риме назывались *гладиаторскими*) и еще своеобразные бега колесниц, запряженных быками вместе с лошадьми. Он окружен гвардией амазонок, вооруженных женщин. При власти, совершенно неограниченной, он боится покушений на свою жизнь, вследствие чего не решается спать днем и каждые сутки меняет место ночлега. У него громадная постоянная армия на жалованьи, в которой числится 9000 боевых слонов и 8000 военных колесниц.

Боснорский конный воин.

Изумителен для греков индийский порядок в устройстве, точный счет запасов, имуществ и доходов, лиц служащих и платящих налоги. Высшая власть уделяет большое внимание управлению городов и особенно столицы, которою заведует комиссия 30 чиновников, разделенных на 6 отделов. Первый из этих городских отделов управляет ремесленниками. Все мастера и рабо-

чие считаются царскими служащими; они отвечают за доброту материала и прочность работы, но взамен того им обеспечено вознаграждение и охрана личности: за обиду или повреждение, нанесенное человеку ремесленного труда, положена смертная казнь. Второму отделу поручена забота об иностранцах; особые чиновники должны были доставлять приезжим из других стран жилище и пропитание, следить за их поведением, хоронить умер-

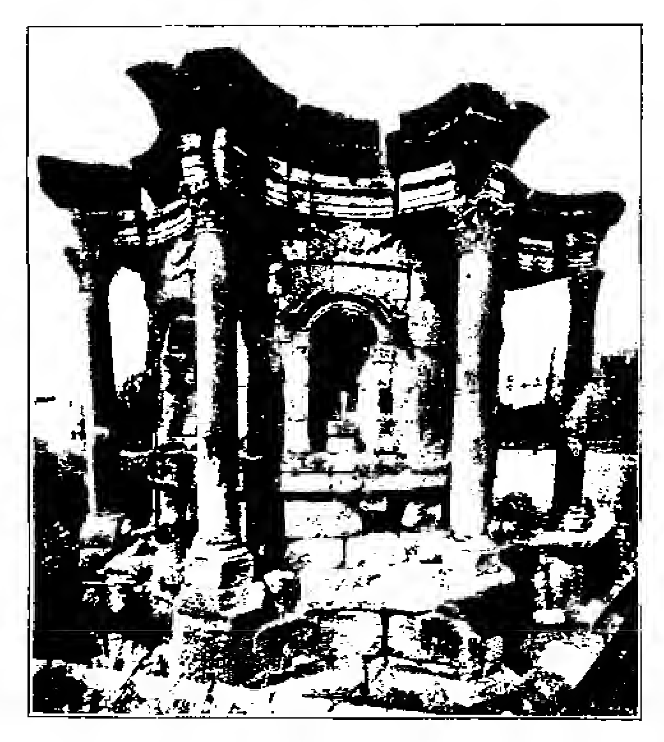

Крестьянин ведет нагруженного вола на рынок (рельеф эллинистического времени).

ших и утверждать наследников в их владении; высшая власть придавала большое значение хорошему уходу за многочисленными иностранными подданными, прибывавшими в Индию. Третий отдел вел точную запись (статистику) рождений и смертей всего населения: главной целью этого счета было точное взимание поголовного налога; за уклонение от его уплаты грозила смертная казнь.

Царь получал также громадный доход с земли, которая счи-

талась вся его имуществом; зато земледельцы были избавлены от военной службы. Мегасфен удивляется строго проведенному разделению занятий; ему кажется, что земледелие окружено в Индии какой-то особенной святостью: случалось — говорит он — что рядом с ожесточенной битвой крестьяне мпрно обрабатывали свои поля. Очень много заботы отдает власть искусственному орошению, поддерживая в порядке каналы и плотины; это важно потому, что в Иидии вследствие неправильных дождей

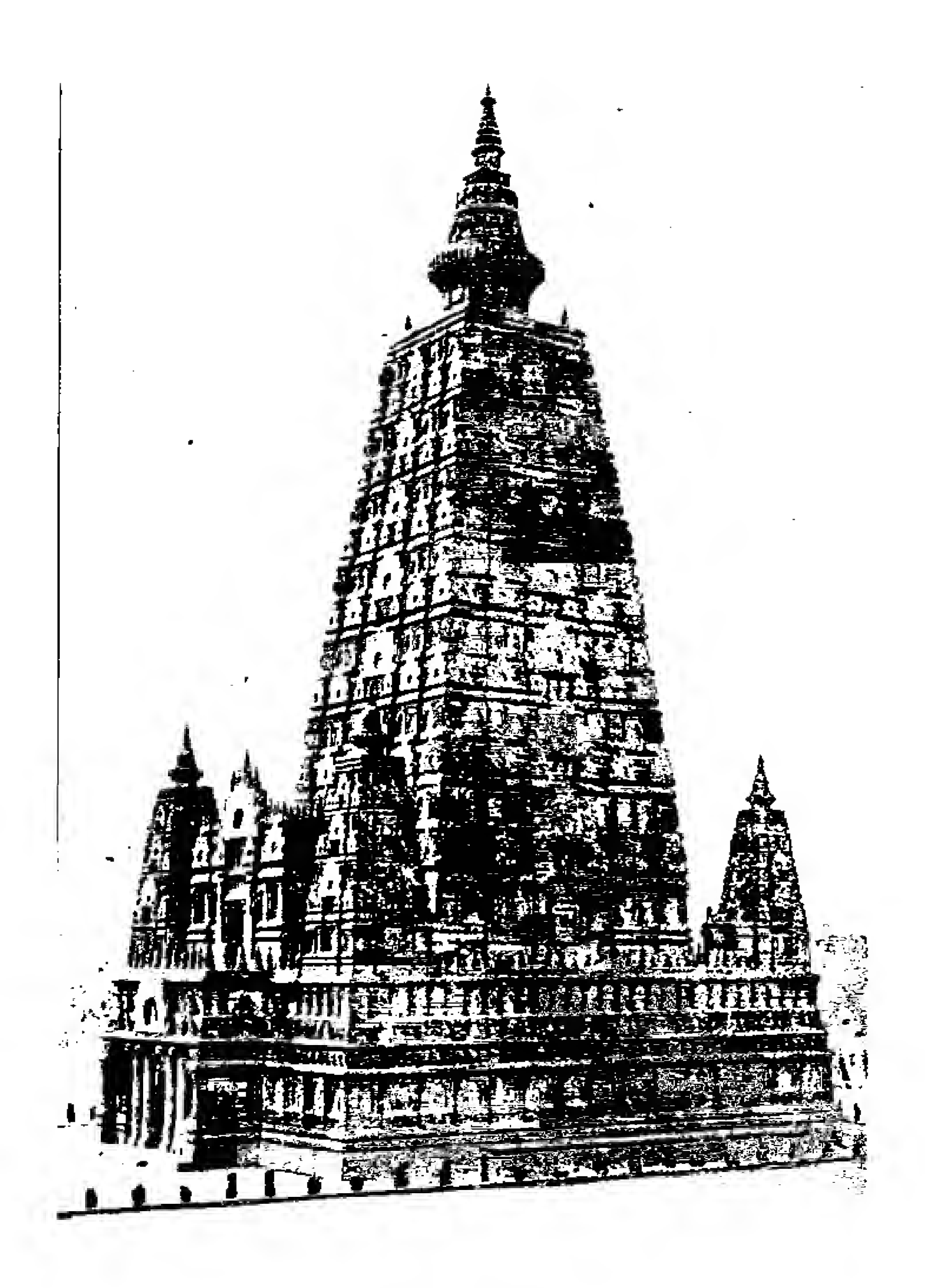

Круглый храм в Баальбеке (в Сирии); эллинистическое искусство.

во многих местах бывают засухи, и без помощи таких сооружений неминуемо должен был бы наступить голод для целых обширных областей.

В государстве Чандрагупты брамины не занимали господствующего положения: жрецы, предсказатели, астрологи, учителя и проповедники, словом все умственные занятия подлежали надзору, наравне с другими видами труда. Следила власть также и за чиновниками: о них доносили, их управление проверяли особые «царские люди», которых грек по-своему называет эфорамии епископами.

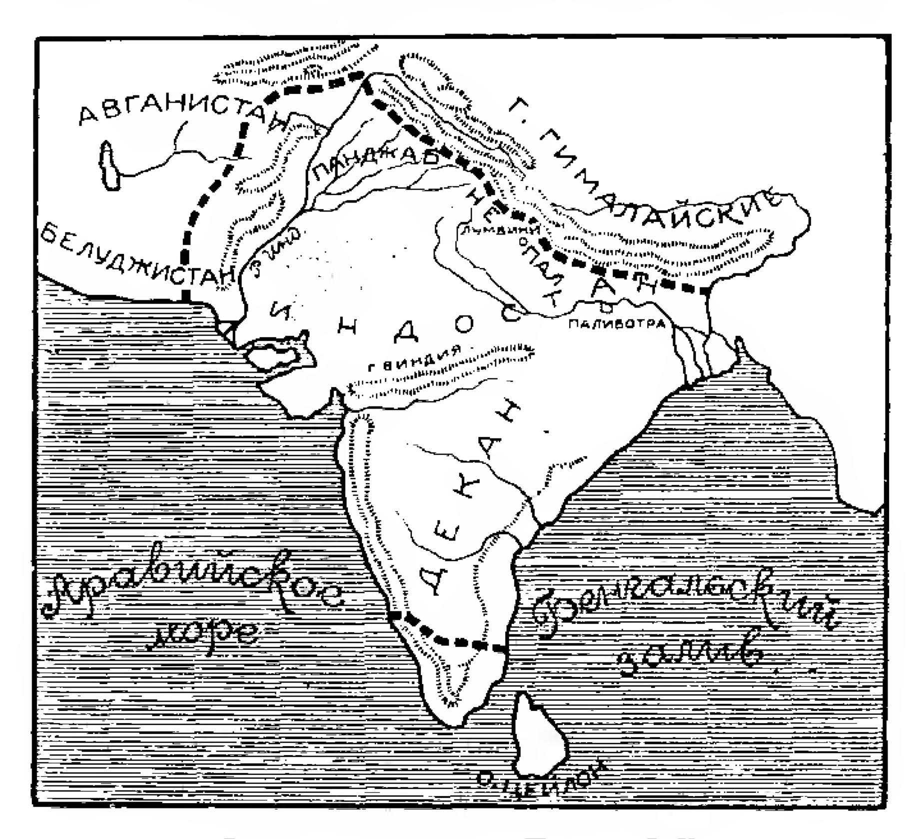
Ашока, царь-просветитель. Основанная Чандрагуптой династия Маурия (от матери Чандрагупты Муры) господствовала

Буддийский храм в Индии.

около 200 лет. При его преемниках государство еще более расширилось, захватив на севере Кашмпр и Непал, на юге почти весь Декан, кроме южной его оконечности. Царь Ашока (272—231 до Р. Х.), внук Чандрагупты, был самым могущественным государем своего времени.

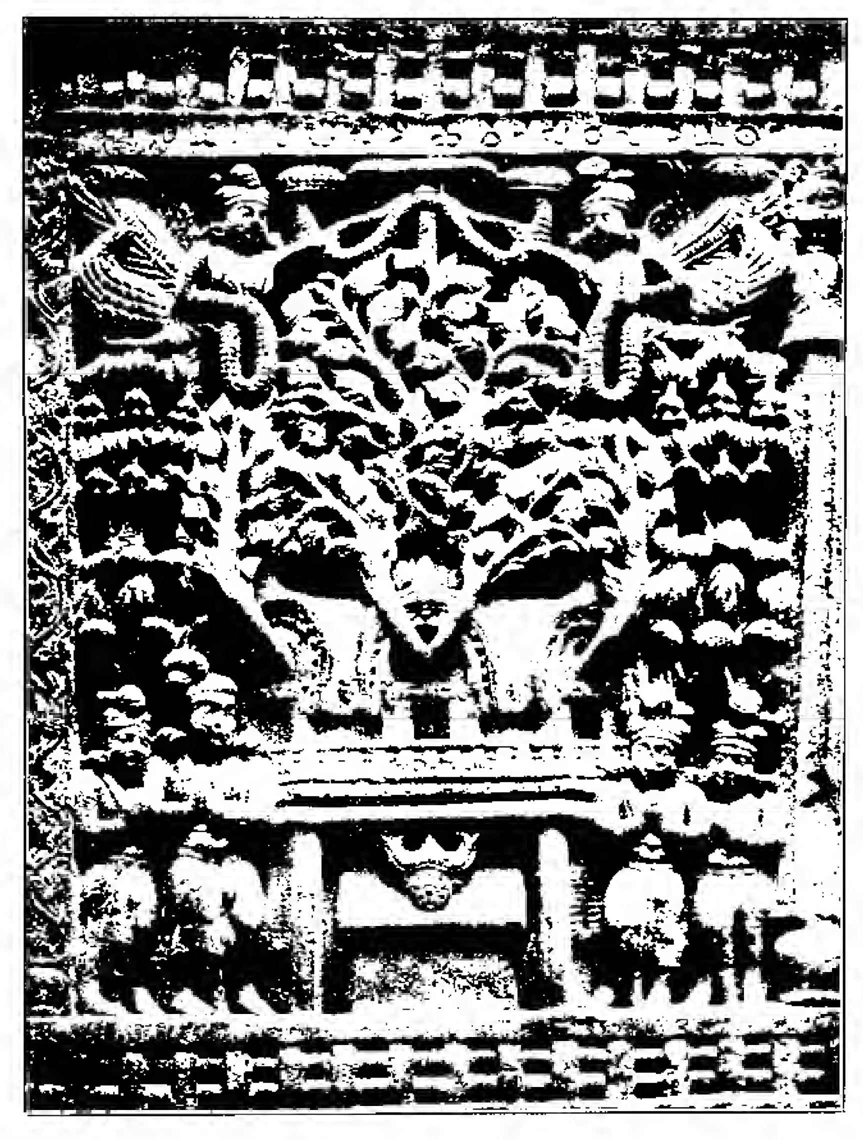
По натуре своей Ашока родился проповедником и учителем; к себе и к другим он был необычайно строг и требователен.

Велико-индийская держава в III веке до Р. Х.

Вот его взгляд на свои обязанности, выраженный в одном из указов: «Для меня никогда нет пресыщения работой и разбирательством споров между подданными, потому что я считаю своей обязанностью заботиться о благе общем; нет выше дела, как работа на пользу обшую. Я старательно тружусь и хочу оправдать себя в отношении моих подданных. Я хочу их сделать счастливыми в этой жизни, а в той они должны приобрести блаженство. Все люди точно мои дети. Как я хочу своим детям всякого счастья и блага в этой и в той жизни, так я хочу этого и людям.»

Своей высшей целью Ашока ставил проведение в жизнь дхаммы, т. е. закона благочестия. Подданные должны были изучить дхамму и осуществлять ее на деле. Для распро-

Рельеф из Санхи, изображающий священное древо, нод которым Будду осенило вдохновение (стр. 162).

странения истинных поиятий Ашока излагал их в своих указах, которые вырезывались крупными буквами на скалах или писались на высоких столбах. Кроме того наместники областей, гра-

доначальники, управляющие царскими имуществами и другие чиновники должиы были созывать собрания народа и на них разъяснять закон благочестия. Особый состав цензоров (наблюдателей за нравами) был назначен следить за тем, исполняют-ли подданные все иредписанные им выше правила .

Первая заповедь требовала почтения к родителям и старшим и, обратно, нежного отношения старших к младшим. Далее внушалась прямота и правдивость ири строгом осуждении лжи и обмана. Затем Ашока возвещал завет благотворительности: во исполнение этой заповеди он приказал, по всей Индии, рыть колодцы, снабжать фонтаны кувшинами, сажать вдоль дорог плодовые деревья и тенистые баниановые для отдохновения прохожих, устраивать странноириимные дома и больницы для неимущих. Но выше этих добрых дел'он ставил духовную помощь, выражение любви к ближиему.

Самым важным заветом Ашока считал требование веротерпимости, или уважения со стороны каждого человека к верованиям других; запрещено было бранить или вообще каким либо образом задевать чужие мнения; царь находил, что такая свобода взглядов — единственное средство, чтобы внушить людям иравильную веру. Однако в своем рвении он не замечал, что вступает по временам в противоречие с самим собою. Так он уничтожил кровавые жертвы, затем стал восставать против умерщвления животных вообще и употребления в пищу мяса; некоторые породы он вовсе запретил трогать, другие позволил убивать только в оиределенные дни года; этими распоряжениями он как-раз отменил старые обряды, освященные браминами, и след. нарушил ировозглашенную свободу. Но особенно поразительно следующее противоречие. Ашока объявил, что все живое свято и что след. иреступно убивать даже маленькое насекомое; в то же время однако он не отменил смертной казни за нарушение религиозных заветов, и след. могло случиться, что из-за умерщвления букашки должен был погибнуть под рукой палача человек.

Исполнение заповедей благочестия Ашока считал несравненно выше всех обрядов и внешних жертв. Он хотел преобразовать господствовавшую до тех пор веру индусов. В этом замысле он похож на Аменофиса IV в Египте и Иосию в Иерусалиме. Но есть между ними одно существенное различие. В то время как другие преобразователи религии больше всего старались очистить и возвысить понятие о. Боге, Ашока внушал своим подданным новое поиятие об обязанностях человека: он распространял религию без Бога.

Свой закон благочестия Ашока замышлял сделать всемирной религией: брат царя, иринявший монашество, отправился проповедовать новое учение на о. Цейлон; во все западные страны, о которых Ашока имел сведения, в Сирию, Египет, Кирену, Македонию, Эпир, были посланы проповедники. С годами благочестивая ревность Ашоки возрастала все больше и больше.

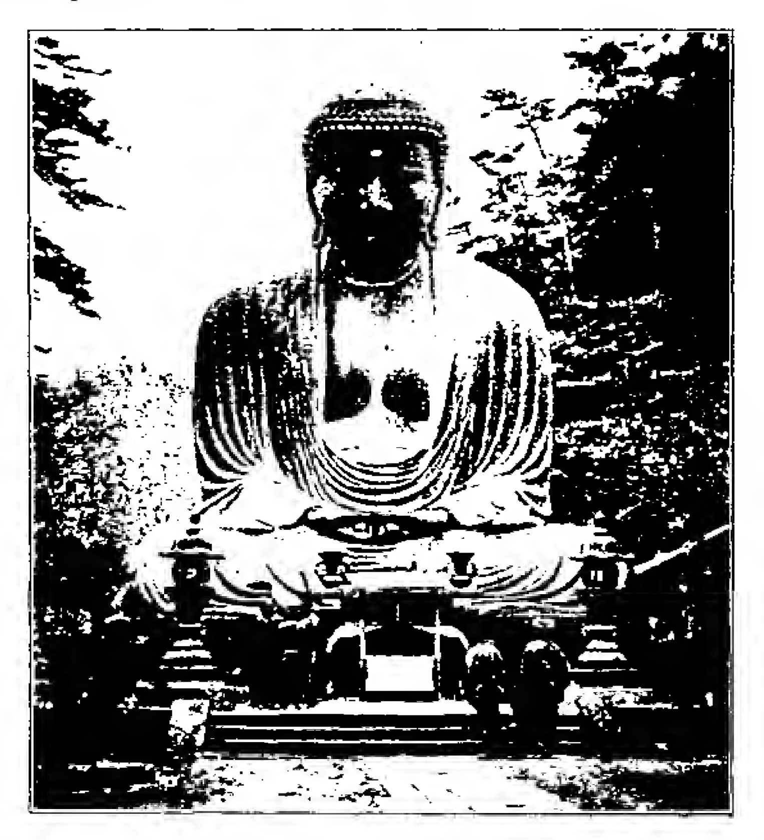
Под конец царствования он решил вовсе отказаться от всех благ и удобств жизни и посвятить себя богомольям. Из двух вндов монашества, которые в это время распространялись в Индии, джайнизма и буддизма, он выбрал последний.

Начало джайнизма и буддизма. В той же" восточной части Индостана, откуда вышла династия объединителей, зародились две секты (общества ревнителей веры), отклонившиеся от учения браминов. Об основателях той и другой известны только предания. Оба они, по рассказу позднейших последователей, жили около 500 года до Р. Х., след. за 250 лет до Ашоки, происходили из касты кшатриев, вращались среди горожан и, хотя учились браминской мудрости, но дали ей новое истолкование. Натанутта, прозванный своими последователями Джина, что значит победитель мира, ушел молодым человеком от соблазнов и удовольствий светской жизни и стал суровым подвижником, отказавшись от всего самого необходимого, даже от одежды, и подвергая себя жестоким истязаниям. Его угнетало учение браминов о тяжкой участи души, осужденной на бесконечные перерождения; в мучительных поисках избавления, он наконец нашел, как ему казалось, истинный нуть: необходимо отречься от всех страстей и желаний, отказаться от всякой собственности; преодолевший эти трудности подвижник достигает совершенства, душа его как бы освобождается от всего телесного и переходит в другой мир, в котором уже нет необходимости перерождений. Из немногих суровых отшельников, победивших слабости мира, образуется община святых, или джинов (отсюда название секты джайнизм), которым, как высшим существам, должны покланяться остальные люди.

Не так беспощадно требователен другой основатель монашества, Снддхарта Готама, из рода Сакья, или Сакьямуни, которого ученики назвали Буддой (т. е. просветленным). Сиддхарта так же, как Натанутта, в возрасте 29 лет, уходит из жизни полного довольства, покидая отцовский дом, жену и ребенка, и отдается аскетизму в духе браминов: Но после семи лет тяжких лишений и истязаний его внезапно под священной смоковницей или «древом познания» озаряет откровение. Теперь он, в качестве Будды, выступает проповедником новой открытой им истины, основывает общины монахов и монахинь и составляет для них уставы. Будда также ищет избавления от тех страданий, которые доставляет человеку земная телесная жизнь; нуть к исцелению он находит также в исполнении высших иравственных начал, но с Джиной расходится в оиределении конечной цели: для него высшее блаженство — не переход в неземной мир, а погружение в Нирвану, т. е. полную нустоту; душа уже не перерождается более, а исчезает вовсе. Будда ничего не хочет знать о Боге, как вечном творце и промыслителе мира; для него также нет и бессмертной души.

Будда, в отличие от Джины, более снисходителен к человеческим слабостям. Понимая, что нельзя от всех одинаково тре-

бовать исполнения строжайших монашеских обетов, он допускает, рядом с уставом для подвижников, отказывавшихся от семьи и собственности, ушедших в одиночество, другие, менее суровые правила для массы обыкновенных людей, остающихся в миру- Сам Будда подавал пример общения с мирянами: хотя каждый день он ходил со своими учениками за подаяниями, но когда его звали к себе обедать богатые люди, он не отказывался от трапезы с ними.

Громадная статуя Будды.

У Ашоки были черты, родственные с джайнизмом, особенно его жалость ко всему живому, доходившая до боязни раздавить или проглотить самое маленькое насекомое. Но все же он склонился к буддизму, как религии более подходящей для множества людей. Сам он избрал для себя строгий устав Будды, для подданных своих более мягкие правила буддизма. Среди своих богомольных поездок он побывал в городке Лумбини в Непале, у подножия Гималаев, где, по преданию, родился Будда; место это Ашока отметил постановкой огромного обелиска, который стоит до сих пор. В Палиботре он ,созвал собор буд-

дийских ученых монахов, на котором были устранены разногласия, установлено правильное вероучение, согласно заветам Будды, и решено разослать проповедников во все концы державы. Разделение на касты осталось в полной силе; но царь провозгласил, что, согласно учению Будды, перед Нирваной все люди равны; для человека любой касты одинаково возможно избавление от мук странствованння души.

Карфаген и сицилийские греки. В то время как на востоке греки покорили целый новый мир, на западе они лишь с трудом удерживались в раз занятых колоннях против большой финикийской державы, управляемой Карфагеном.

Финикийские колонисты, в свою очередь, отрезанные от азиатской родины, заброшенные в среду африканских и европейских народов, чуждых им по языку и религии, сплотились в одну крепкую силу, которая действовала последовательно и беспощадно. Все финикийские народы африканского побережья (нынешних областей Триполи, Туниса, Алжира) соединились вокруг Карфагена, когда в VI веке стала грозить опасность нового прилива греков из Ионии. В самом Карфагене все дела находились в руках богатого купечества, которое заполняло два правящие совета, Большой и Малый, и выбирало из своей среды двух суффетов, напоминавших грекам спартанских царей. Народное собрание из горожан, мелких торговцев, ремесленников, матросов, рабочих созывалось лишь изредка; простолюдинов держали далеко от важных государственных дел, но в то же время старались заинтересовать в выгодах управлення, назначая их на должности сборщиков податей и поставщиков в армии.

Главной целью правителей Карфагена было выключить всех торговых соперников из западной части Средиземного моря. Немилосердно топили карфагеняне всякий чужой корабль, который осмеливался показаться на запад от СиЦилии и в особенности по дороге к столбам Геракла (Гибралтарскому проливу). Выход в океан совершенно закрыл.ся для греков: они знали лишь басни, распространяемые карфагенянами об ужасах и чудовищах великого моря, о существовании какой-то чудесной заморской страны, которую карфагенские вожди скрывают будто бы от своего же народа из опасення, чтобы все туда не ушли.

Карфагену приходилось обороняться на все стороны, воевать с моряками южной Галлии, Италии, Сицилии. Так как городские жители, занятые в торговле и ремеслах, неохотно отправлялись в заморские походы, то карфагенянин Магон, современник Дария Гистаспа, стал набирать наемников из среды полудиких и воинственных туземцев окружающих стран: оседлых ливийцев и кочевых нумидийцев Африки, иберов Пиренейского полуострова, жителей Балеарских островов, Корсики, Сардинии, Сицилии; с этого времени карфагеняне составляли в войске только отборную гвардию и служили офицерами.

Магон, его сыновья и внуки сделались основателями воен-

ной мощи карфагенской реснублики. Под их предводительством Карфаген заиял южную часть нынешней Испании, богатую серебряными рудниками, укрепился в Сардинии и западной Сици-

Карфагенскал жрица (вынуклая фигура на крышке саркофага).

лии (основанный здесь карфагенянами Панорм есть нынешнее Палермо). Особенно удачны были действия Магонова внука,

Ганнона, современника Перикла, который отправился с большой партией колонистов за Гибралтар и основал у северной окраины Сахары против островов Канарских торговое поселение; здесь стали продавать темнокожим туземцам афинскую посуду, вино, безделушки и мази в обмен на слоновую кость и золото, привозимое на караванах через нустыию из Гвинеи. Ганнон и сам доехал морем до Гвинейского, так наз. Золотого берега; составленное им описание этого нутешествия с величайшим интересом изучали греки.

Другое важное приобретение сделал тот же Ганнон в ближайшем соседстве Карфагена. В течение более 300 лет финикийские колонисты платили дань ливийским вождям; теперь могущественные карфагеняне приступили к покорению туземцев: богатая долина реки Баграда' и вообще вся плодородная область вплоть до нустыни (нынешний Тунис) перешла в их руки. Карфагенские купцы захватили большие участки земли и обратили туземных хлебопашцев в своих крепостных; беспощадно гоняя их, точно каторжиых, на работу, новые африканские землевладельцы завели образцовое хозяйство: всюду у хлебных полей, виноградников, оливковых посадок, фруктовых садов было проведено искусственное орошение.

Неизменной целью карфагенян было завоевание Сицилии, в своей большей части занятой цветущими и богатыми греческими колониями, но здесь они встретились с упорным и искусным противником, в лице вождей самого большого из греческих городов, Сиракуз. Карфаген старался воспользоваться взаимными перекорами греческих общин. В 410 году, скоро после афинской экспедиции в Сицилию, которую с таким трудом отбили сиракузяне, карфагенянин Ганнибал, племянник Ганнона, явился с большим войском на южиом берегу Сицилии; своими большими артиллерийскими орудиями он разбил стены Селинунта, затем на северном берегу штурмовал таким же способом Гимеру. Осада третьего большого города Сицилии, Акраганта, сильно укрепленного, затянулась дольше: в карфагенском лагере появилась чума, которая унесла самого главнокомандующего Ганнибала. Однако жители города, опасаясь жестокости наемников, сами ночью покинули город и бежали на кораблях в Сиракузы.

Война посредством наемников, которую вели карфагеняне, имела свои выгоды и неудобства. Примеияя иноплеменников, сберегали силы своего гражданства; для набора наемников не жалели денег, о здоровьи их никто не заботился, заразные болезни не раз истребляли целые армии в то время, как господствующая народность дома оставалась невредимой. С другой стороны, командовать пестрыми массами воителей, сражавшихся только ради добычи, было очень трудно: они не выдерживали долгих кампаний, не соглашались стоять месяцами, осаждая города; чтобы поскорее удовлетворить их жадность, приходилось штурмовать крепкие стены, нускать в ход новые изобретения

артиллерийского искусства, а потом предоставлять им города на полное разграбление.

Эти недостатки карфагенского ведения войны хорошо изучил Дионисий, один из стратегов сиракузской реснублики. Потребовав у народа передачи ему неограниченной власти, Дионисий заключил с карфагенянами мир, уступивши им большую, западную часть Сицилии со всеми завоеванными Карфагеном городами. В Сиракузах он круто расправился с противниками своей власти: запретил народные собрания, казнил зажиточных граждан, отобрал у них земли и золото и роздал своим солдатам, из

Сиракузские монеты: на левой изображен бог войны Арей, на нравой морская богиня.

которых большинство составляли наемники, вызванные по примеру карфагенян из Италии; затем укрепился на скалистом острове, посреди сиракузской гавани с преданной ему гвардией (в 405 году).

За 10 лет мира Дионисий приготовился к новой борьбе с Карфагеном, и когда Гимилькон во главе громадных сил осадил Сиракузы, искусным ходом высвободился из запертого города, разбил флот карфагенян, а сухонутное войско, и без того расстроенное заразой, принудил к капитуляции (сдаче на условия победителя). Несчастливый командир, уверенный, что ему предстоит смертная казнь, лишил себя жизни (392 г.). Почти вся Сицилия досталась Дионисию.

В борьбе с Карфагеном греки победили благодаря сосредоточению сил в руках одного гениального вождя, захватившего монархическую власть. Монархия не могла возникнуть в Карфагене, где купеческая аристократия ревниво следила за полководцами, посылала к ним для наблюдения членов Совета, при неудаче осуждала проигравшего сражение к распятию на кресте. В 344 году один из карфагенских командиров, Ганнон (младший), задумал отравить всех членов Совета, пригласивши их в свой собственный дом на большое свадебное пиршество. Когда его замысел открылся, он захватил с отрядом вооруженных рабов укрепленный замок и позвал на помощь туземных африканцев. Ганнона поймали, подвергли бичеванию, вырвали у него глаза, сломали руки и ноги и в таком виде пригвоздили ко кресту.

Еще раз осадили карфагеняне Сиракузы в 311 году. Тиранн Агафокл, современник Александровых диадохов, и так же, как они, исполненный смелых фантазий, задумал отвлечь опасность напа-

дением на самый Карфаген. Сначала дела Агафокла пошли очень хорошо: он беспреиятственно высадился в Африке со своими наемниками, захватил Тунис, город, лежащий против Карфагена у той же морской бухты, и благодаря измене карфагенского вождя, Бомилькара, нанес африканскому ополчению жестокий урон.. В страхе, желая умилостивить богов, карфагеняне вспомнили старый семитический обычай иринесения в жертву первенцев: 200 мальчиков из самых знатных семей были отданы на заклание. Так как карфагеняне в свое время, опасаясь восстаний со стороны африканцев, уничтожили по всей стране крепости, Агафокл мог безирепятственно онустошать богато возделанный край. Однако он был не в силах достигнуть самого главного — взять необычайно крепкую столицу. Карфагеняне постепенно оправились, развернули свои богатые средства борьбы и заставили Агафокла возвратиться домой, но зато и сами сияли осаду Сиракуз.

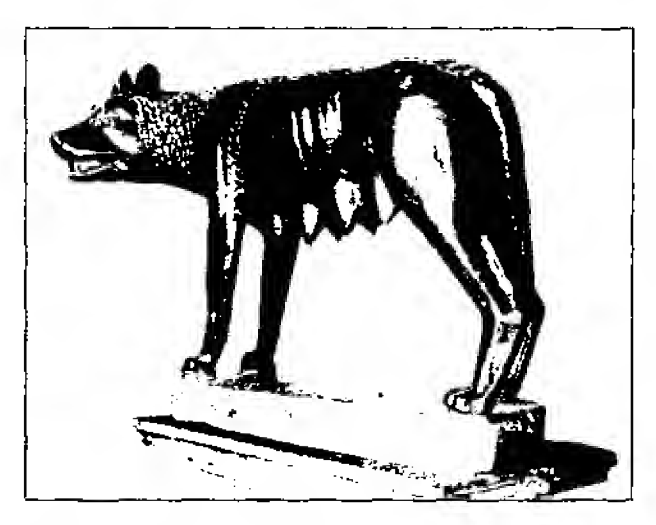

Этрусский воин. Римский воин.

Спор из-за Сицилии между Карфагеном и греками остался неоконченным; его суждено было решить римлянам, последним и самым крупным завоевателям Древности.

Италия и Рим до 290 года. В столетней борьбе за Сицилию (410—300 гг.) обе стороны, и Карфаген, и сиракузские тиранны прибегали к помощи наемников, навербованных в Италии.

Италия значит «воловья страна»: так называли греки Апеннинский полуостров по обилию на нем пастбищ. Плодородных равнин здесь больше, чем в Греции; у италиков не было такой острой нужды, как у греков, переселяться за море в поисках новой родины. Вместе с тем области Италии менее доступны с моря, и от них гораздо меньше выездов, чем из Греции. Восточный берег полуострова, расстилающийся у Адриатического моря, совсем не имеет гаваней; тут жили бедные племена, занимавшиеся только скотоводством. Более доступен западный берег у моря Тирренского; с этой стороны были расположены самые населенные земледельческие области Италии: Этрурия (страна этрусков, или тусков, нынешияя Тоскана), Лациум (страна латинов) и Кампания (близ вулкана Везувия). Еще более открыт берег южиый, напоминающий очертания Греции; его именно и захватили греческие колонисты, отрезавши здесь

Бронзовая волчица на Канитолии (но нреданию, основатели Рима, близнецы Ромз'л и Рем, брошенные матерью, были вскормлены волчяцеіі).

италиков от морских сношений; по обилию греческих городов, среди которых особенно выдавался основанный спартанцами Тарент, весь край получил название Великой Греции. Греки пытались продвинуться дальше вдоль западного берега Италии, основали в Кампании Неалоль, однако встретили преграду в морской силе этрусков. Во времена Кира и Дария Гистаспа этруски (другое их имя тирренцы, откуда название прилегающего моря) обладали большим флотом и распространили свое господство на Лацнум и Кампанию; на севере владения этрусков простирались по равнине р. По до восточных Альп.

Ближайшим к этрускам городом Лацнума был Рим на реке Тибре. Расположенный в 20 верстах от морского берега, город находился в безопасности от нападений с моря, но в то

же время большие суда могли подъезжать к его речной ири-стани; благодаря этому Рим сделался средоточием торговли для всех других латинских городов. Около 500 года Рим освободился от подчинения этрускам и сделался главою союза латинских общин. От имени всех латинов Рим заключил договор с Карфагеном о взаимной торговле: карфагеняне обязались не нападать на Италию, а римляне не беспокоить Африку и возить свои товары не далее карфагенских рынков в Сардинии и Сицилии.

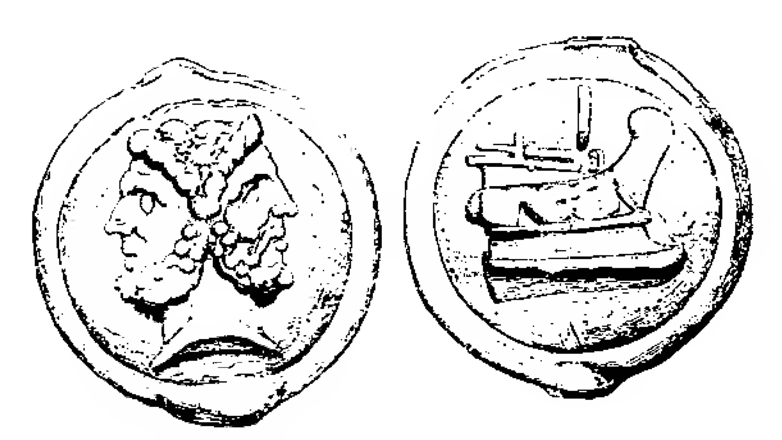
По языку и религии римляне близки к грекам: их боги, Юпитер, Марс (бог войны), Минерва соответствуют Зевсу, Арею, Афине-Палладе. Но в своих обрядах они очень расходились с греками. При обращении к богам, по мнению римлян, нужиа величайшая внимательность и осторожность. В таинственном притворе храма, куда имели доступ только жрецы-понтифики, хранились молитвы, слова заклинаний, имена и прозвания богов, которые надо было точно и иравильно произносить, потому что малейшая ошибка или даже запинка, лишала весь обряд силы и действительности. Перед всяким важным делом— выбором должиостных лиц, выступлением в поход — происходило гадание: авгуры наблюдали полет по небу орлов, воронов и коршунов, направление молннй в грозу, клевание священными курами зерна, изучали размеры и цвет печени жертвенного животного; все это были знамения, из которых они заключали, благоириятствуют-ли боги затеянному делу или нет; если ириметы были зловещие, дело откладывали.

У римлян сохранилось много обычаев и понятий от старинного века колдовства. При объявлении войны жрец-фециал бросал на вражескую землю окровавленное копье; при заключении мирного договора он выносил из храма Юпитера на Капитолии (римском кремле) священный жезл, нучек волшебной травы с корнями и кремневый нож; пронзая ножем жертвенную свинью, он обращался с молитвой к высшему богу: «если римский народ первый изменит договору со злым умыслом, покарай его так, как я поражаю сейчас это животное, и тем сильнее, чем в тебе самом больше мощи!» В храме богини Весты поддерживался священный огонь, от сохранения которого ^висело благополучие города; служительницы богини, весталки, иринимавшие монашеский обет безбрачия, пользовались величайшим почетом в городе; в случае небрежности они подлежали тяжкому наказанию, а погасший огонь возжигали немедленно вновь, но не от пламени, которое осквернено служением житейской цели, а посредством трения двух кусков дерева, иричем искру ловили в сито и несли к алтарю. Греческий ученый Полибий сказал, что ни в одном народе нет такого страха Божия, как в римлянах. Однако их великое благочестие уходило все в обряды, во внешние дела; сердце и помыслы оставались незатронутыми.

Первоначально Рим управлялся царями; но свободолюбивые патриции (знатные роды) изгнали за произвол царя Тарк-

виния Гордого и установили реснублику. Римская реснублика была не похожа на греческие общины с их шумными народными собраниями и говорливой толпой демоса. Патриции держали плебеев (простой народ) в строгом подчинении, не донуская их в сенат (высший совет) и к должности 2 ежегодно сменяемых консулов, которые командовали ополчением, исполияли религиозные обряды от имени всей общины, судили проступки и наказывали смертью. Предание рассказывает, что плебеи, удрученные суровостью суда патрицианских консулов, решили уйти из города и основать свою общину на Священной горе; патриции, чтобы вернуть их, пошли на уступки и позволили плебеям выбирать из своей среды трибунов, в качестве защитников на суде и ходатаев перед сенатом.

Во времена Пелопоннесской войны из-за Альп, закрывающих с севера Апеннинский полуостров, нахлынули большие массы кельтов, или галлов. Завоеватели заняли долину р. По, затем, переправившись через Апеннинский хребет, разгромили этрусков и наконец сожгли Рим. Этруски уже не оправились более от этого удара, но римляне, собравшись с силами, отбросили галлов за Апеннины. Галльское нашествие побудило их превратить город с предместьями в обширную неириступную крепость. Теперь Рим вступил в наследство этрусков и стал продвигать свои владения по берегу Тирренского моря. В Кампании римляне столкнулись с воинственными горцами Самниума, которых также привлекал плодородный, богатый край, расстилавшийся у подножия их гор.

Старинная римская медная монета с изображением на одноii стороне двуликого бога Януса, на другой — корабельной кормы.

Упорные бои с самнитами тянулись около 50 лет (343—295). В храбрости и настойчивости противники не уступали друг другу, но у самнитов не было такого средоточия, какое представлял укрепленный Рим, не хватало и того единства в действиях, какое обнаруживали римляне. В 324 году в виду трудности войны рим-

ляне решили, вместо двух консулов, назначить диктатора (главнокомандующего с неограниченной властью). Папирий, на которого пал выбор, строгий и неиреклонный патриций, будучи вызван с поля действий в Рим, отдал приказ, чтобы в его отсутствие ни под каким виндом не вступали в бой с самнитами. Его помощник, начальник конницы Фабий, раздраженный насмешками врагов, ирииял их вызов и одержал над ними блестящую победу. Несмотря на этот успех, Папирий тотчас по возвращении в лагерь ироизнес над Фабием смертный приговор. Фабий бежал в Рим, ища защиты у сената и народа, но Папирий последовал за ним и во имя дисциплины требовал казни; лишь когда отец Фабия, трибуны и весь народ пали на колена, моля его о пощаде, диктатор согласился даровать виновному жизнь, но все же отстранил его от должности.

Три года снустя самниты, под начальством Понция, заперли римскую армию в Кавдинском ущельи; вместо того, чтобы уничтожить войско или взять его в илен, самнитский вождь подверг

Бронзовая статуэтка, изображающая римскую женщину в тунике (рубашке) и тоге (нлаще).

римлян позорному обряду прохождения со связанными руками под ярмом и заключил с консулами договор, по которому римляне отказывались от обладания Кампанией. Своей неосторожностью Понций лишил себя всех выгод победы; сенат римский отверг договор и выдал консулов, как виновников позора, врагу. В дальнейшем война пошла неудачно для самнитов: римляне отрезали их от моря, раздробили большое самнитекое племя на не-

сколько мелких союзов, построили на отнятой у побежденного противника земле крепости и поселили в них латинских колонистов.

Самниты еще раз восстали, к ним присоединились другие горные племена, а также этруски и галлы; спор за обладание Кампанией превратился для римлян в борьбу за господство над всей Италией. Не менее замечательно, чем победы римлян, то устройство, при помощи которого они обеспечили себе это господство. Рим оставлял побежденным общинам и племенам автономию, но требовали присылки отрядов во все войны, которые он сам захочет вести. Италия образовала союз под главенством Рима; союзники народа римского превосходили римлян количеством, но так как каждый заключал договор с Римом в отдельности, между ними не было никакой взаимной связи. По всей Италии, врезываясь в области союзников, поднимались укрепленные латинские колонии; с Римом они были соединены военными дорогами, в искусстве построения которых римляне напоминают восточных воителей, ассириян.

Все эти успехи Рима, выигранные благодаря храбрости и стойкости плебеев, иривели к новым уступкам со стороны патрициев: плебеи были донущены в сенат и к должностям консулов и жрецов. Первый великий понтифик из плебеев, Корунканий объявил, что готов' всякому простолю'дину объяснять таинственные слова, которые необходимо знать для защиты своего дела на суде. Но Рим от этого уравнения в правах не сделался демократией: плебейские семьи, которым удалось выделиться своим высоким ^положением, скоро соединились с патрицианскими родами в тесную аристократию. Попрежнему все сношения с другими государствами вел сенат; народ призывали для утверждения дел, которые во всех подробностях уже были обсуждены сенатом, так что собравшимся оставалось отвечать односложно «да» или «нет». В комициях (народном собрании; граждане становились по центуриям (военным батальонам); главное место занимали зажиточные граждане, на войне служившие в тяжелом вооружении; они составляли первый класс, имевший вместе со всадниками, тоже людьми богатыми, больше голосов, чем остальные, взятые вместе.

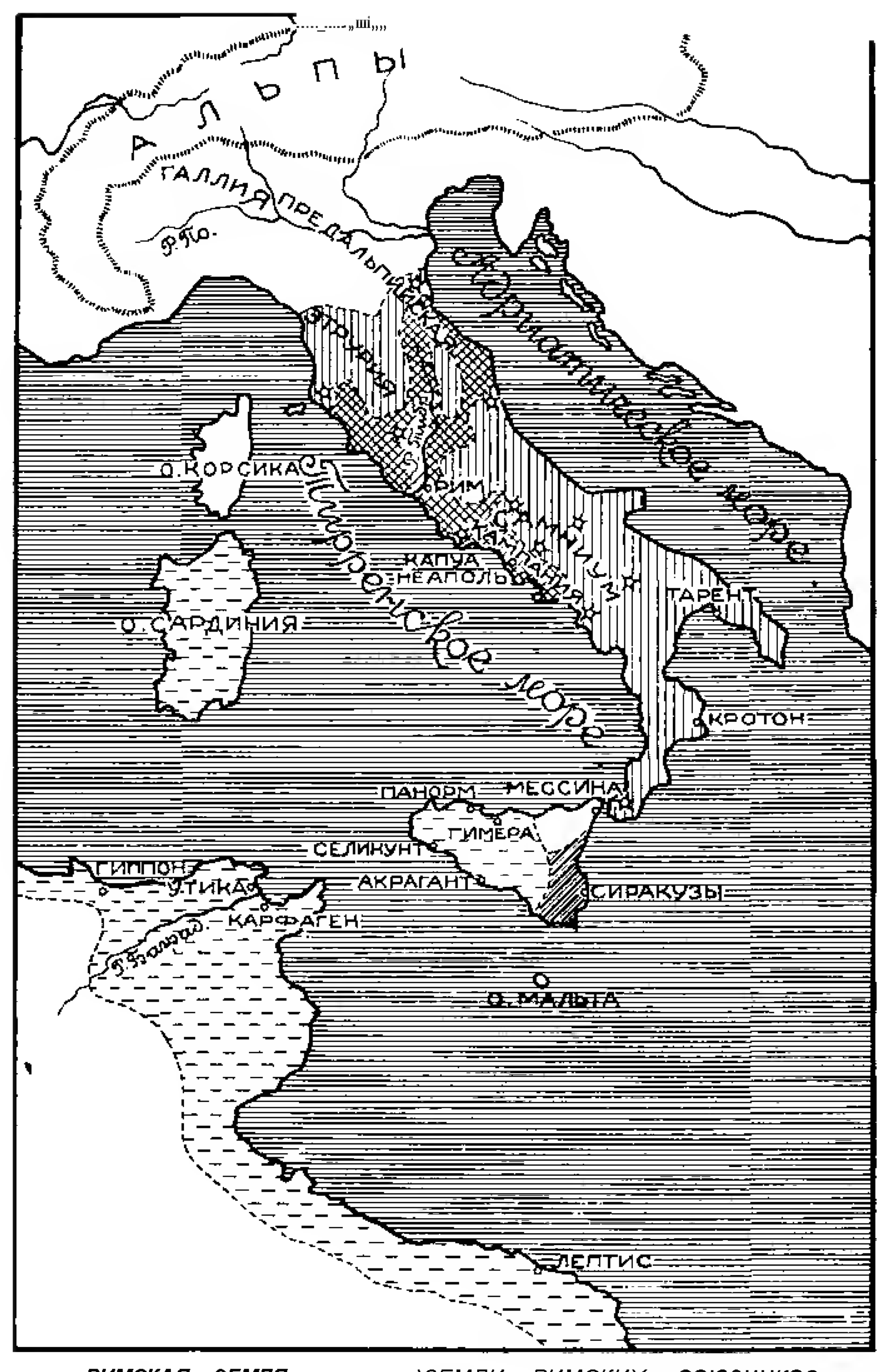
Гладиатор и вооружении самнита: на ногах поножи (металлическнеголеница),направой руье наручни, лицо закрыто забралом.

Пунические войны. Богатый Тарент, знаменитый своим производством нурнуровых материй, не только не желал вступать в италийский союз, но задумал войну с Римом, наявши на свою службу эпирского царя Пирра (Эпир — к западу от Фессалии, отделен от Италии Отрантским проливом). Пирр, один из диадохов и подражателей Александра, был хороший воин, но плохой политик. Своей македонской фалангой и боевыми слонами он нанес римлянам два поражения, но, не окончив борьбы с ними, увлекся покорением Сицилии; с сицилийскими греками он однако не поладил, а на возвратном нути в Италию его корабли были разбиты карфагенянами. Между тем римляне успели ирмениться к врагу; ири новой с ними встрече Пирр потерпел неудачу и должен был уйти в Грецию. Римляне осадили Тарент и принудили его к подчинению, так же как и другие греческие города.

В войне с Пирром карфагеняне держали сторону римлян; но еще больше, чем победы Пирра, боялись они усиления своего союзника: во время осады Тарента, карфагенский адмирал пытался занять гавань, чтобы не оставить римлян одних обладателями этого важиейшего выезда из Италии. Столкновение между двумя державами неминуемо должно было произойти из-за Сицилии, к которой вплотную пододвинулись теперь римляне.

Итальянские наемники, служившие у Агафокла, после его смерти, ворвались в греческий город Мессану (нын. Мессину) у пролива, отделяющего Сицилию от Италии, перебили всех мужчин, захватили женщин и детей и образовали реснублику «Марсовых сыновей». Утесненные новым сиракузским тиранном Гиероном, они обратились за помощю к Риму. Сенат не хотел унускать случая утвердиться в Сицилии, но смущался заключать союз с разбойниками; народное собрание, которому он отдал дело, не остановилось перед этими соображениями и решило занять Мессану (264 г. до Р. X.). Это решение открыло великую борьбу с Карфагеном, которую римляне назвали потом пуническими (финикийскими) войнами.

Римские легионы (военные корпуса), переправляясь через пролив, всюду одерживали верх над карфагенскими наемниками, Но пока карфагеняне господствовали на море, римляне были не в силах покорить остров. Пришлось строить военный флот по образцу карфагенского; быстро овладели римляне этим новым для них видом военного искусства и даже изобрели свой способ сцепляться с вражескими кораблями посредством перекидных мостов. После большой морской победы у мыса Экнома (на южиом берегу Сицилии), где столкнулись два громадных флота, вместе до 700 пятиэтажных кораблей, консул Регул высадился в Африке, повторяя предприятие Агафокла. Сначала Регул имел успех, взял Тунис и стеснил карфагенян в столице, но скоро вождь наемников спартанец Ксантипп нанес ему решительное поражение; остатки армии Регула погибли от бу-

РИМСКАЯ ЗЕМЛЯ . \ЗЕМЛИ РИМСКИХ СОЮЗНИКОВ
I(ЛАТИНСКИЕ КОЛОНIЛИ = КРЕПОСТИ. ^ ВЛАДЕНИЯ КАРФАГЕНА
ШIШ ВЛАДЕНИЯ СИРАКУЗСКИХ ТИРАННОВ .

Италия, Сицилия и Карфаген в начале нервой нунической воіины.

ри во время обратной их перевозки в Италию. Новая экспедиция римлян в Африку также потерпела кораблекрушение.

Борьба за Сицилию продолжалась с тем же резким колебанием военного счастья; обе стороны изводили целые леса на постройку кораблей; еще больше, чем в боях, погибло деревянных громад от бурь. После 20 лет неирерывных походов, сражений и осад оба противника до крайности утомились: римляне были не в силах выбить из иприморской крепости близ Панорма талантливого Гамилькара, прозванного Барка (молния); в свою очередь и карфагенский вождь ничего не мог сделать кроме набегов на берега Италии. Наконец римлянам удалось еще одно последнее усилие: граждане собрали пожертвования и на частные средства выстроили 200 кораблей; во главе этого флота Лутаций Катул одержал блестяшую победу ири Эгатских островав (у западного края Сицилии) и вынудил Карфаген просить мира, в силу которого африканская держава отказалась от Сицилии.

Следом за этой потерей на Карфаген обрушилась другая беда. Истощенные войной, не имея в казне больше золота, карфагеняне не могли вознаградить наемников. Разноплеменная масса бездомных, оторванных от родины людей собралась под начальством двух смелых вождей, Спендия, беглого раба родом из Кампании, и Матоса, ливийского крестьянина, захватила 1унис и осадила Карфаген. Три года продолжалось восстание; римляне воспользовались бессилием африканской державы, чтобы занять Сардинию и Корсику. Спасителем Карфагена оказался Гамилькар Барка; целые отряды побежденных наемников с чисто карфагенской жестокостью были затоптаны его боевыми слонами.

В Риме последствием войны были также внутренние волнения. Трибун Фламиний резко напал на сенат за его заморские предприятия, не давшие никакой выгоды римским плебеям, и предложил аграрный (земельный) закон, в силу которого следовало раздать бедным гражданам участки земли в стране галлов за Апеннинами. Осторожные политики в Риме воспротивились новому опасному предприятию, пока главный враг, Карфаген, еще не сломлен; отец Фламиния, примеияя по старинному обычаю свою родительскую власть, совлек однажды сына с ораторской кафедры. Но трибун настоял на своем: в собрании народа, разделенного на трибы (волости), где не было перевеса зажиточных, как в собрании по центуриям, и где все граждане имели равные голоса, он добился утверждения своего закона, впервые против воли сената. Появление римских колонистов в равнине р. По, страшно раздражило галлов; пришлось вести с ними упорные войны; сам Фламиний, выбранный консулом, ирошел победоносно на север, отобрал для плебеев новые земли и ировел к римским колониям за Апеннины военную дорогу.

Во время галльских походов римлян фамилия Барка пыталась влить новые силы в слабеюшую карфагенскую державу: Гамилькар иринялся за разработку рудников южиой Испании, по-

строил Новый Карфаген (нын. Картагену), образовал из туземного населения военные отряды. Здесь вырос величайший и опаснейший противник римлян, сын Гамилькара, Ганнибал, который, будучи 9-летним мальчиком, дал отцу клятвенный обет всю ^жизнь оставаться непримиримым врагом Рима.

План Ганнибала состоял в том, чтобы, пройдя далекий нуть из Испании через Пиренеи и Альпы, поднять едва покоренных римлянами галлов и напасть на Рим с севера. С изумительным искусством провел он своих иберов и ливийцев, привыкших к теплому климату, через альпийские снега (в 218 г. до Р. X.). Римские консулы, Сципион и Семпроний, не сумевшие помешать движению Ганнибала, один за другим были разбиты в долине р. По; вся Галлия предальпийская поднялась против римлян. В Риме народ против воли сената выбрал консулом своего любимца Фламиния, прославленного вождя галльской войны, обещавшего быстро покончить с Ганнибалом. Карфагенский вождь отлично понял слабость своего противника: обойдя крепкую позицию римлян в Апеннинах и угрожая идти прямо на Рим, он завлек пылкого Фламиния в ущелье у Тразименского озера и уничтожил всю римскую армию.

Дорога к Риму была открыта, но Ганнибал со своими слабыми силами не решался напасть на столицу, предполагая сначала поднять против римлян союзников, для чего и перешел в южную Италию. Между тем сенат выдвинул в качестве диктатора осторожного Фабия, который, избегая битв, держался все время в горах и старался утомить Ганнибала переходами. Однако в Риме еще не остыло нетерпеливое желание сразиться со страшным врагом; народ, недовольный «медлителем» Фабием, выбрал в консулы Варрона, сына мясника; напрасно старался сенат умерить горячность этого продолжателя Фламиния спокойной деловитостью другого консула, Эмилия Павла, из старинной аристократической семьи. Варрон добился сражения: при Каннах близ Адриатического моря Ганнибал своим быстрым натиском так стеснил противника, что римляне не могли пошевельнуться и применить свое оружие; битва превратилась в резню, в которой погибло 70.000 из 80-ти тысячной армии: в числе убитых был и Эмилий Павл.

И эта победа, против ожидания Ганнибала, не привела к подчинению Рима. Следствием военного разгрома было только полное крушение народной партии; сенат твердо взял в свои руки ведение войны. Чтобы успокоить испуганный народ, стали всячески ублажать его суеверие: жрецам было поручено раскрыть книги древней пророчицы Сивиллы; отправили посольство к Дельфийскому оракулу; послали в Малую Азию просить о прибытии в Рим Великой Матери богов, царившей на горе Ида, под древней Троей; прибегли даже к человеческому жертвоприношению, зарывши на одной из римских площадей живыми в землю две пары галльских и греческих пленников. В то же время сенат усилил вооружения до последней

возможности: римляне выставили вчетверо, впятеро больше сил, чем в предшествующих войнах.

Гениальный замысел Ганнибала разбился об изумительное упорство и выдержку римлян. Выстроенные ими по всей Италии крепости не сдавались; из союзников лишь немногие перешли на сторону карфагенского вождя. Собственные силы Ганнибала между тем все больше и больше таяли, а попытки его братьев, Газдрубала и Магона, подать ему помощь с севера окончились полной неудачей. Война все таки могла бы сойти в ничью, если бы в Риме остались при одной обороне; другое направление борьбе придал человек новых взглядов, Сципион, сын консула, разбитого Ганнибалом у р. По. Против желания сената, вопреки предостережениям старого Фабия, Сципион смело перенес войну в Испанию, а затем, отнявши у Карфагена эту богатую коло-

Храм Весты в Риме (крыша новейшего нроисхождения).

нию, созданную Барками, переправился в Африку. Непохожий на прежних угловатых римлян своим искусством в обращении с иноплеменниками, своим уменьем приспособляться к местным обычаям, Сципион привлекал расположение туземцев. В Африке на его сторону перешел могущественный вождь нумидийцев, Масинисса. Карфагену осталось только отозвать из Италии Ганнибала, но он уже не в силах был что-либо поправить. Разбитый Сципионом в долине р. Баграда, Ганнибал сам предложил заключить мир на условиях, поставленных победителем: Карфаген потерял все владения вне Африки, выдал военные корабли и, обязавшись не вести войны без согласия римлян, сошел

ВЛАДЕНИЯ РИМЛЯН.] *ВЛАДЕНИЯ КАРСРАГЕНЯН,*

Рим и Карфаген в начале второйТПунической войны.

на положение второстепенной державы, вполне зависимой от Рима (201 г.).

Начало римской державы. После победы над Ганнибалом Рим сделался самым могущественным государством тогдашнего мира. Цари и ресиублики греческого Востока насторожились к новой силе, которой принадлежало теперь господство над всей западной частью Средиземного моря.

Римляне искусно воспользовались взаимной враждой эллинистических государств, которые, несмотря на одинаковость языка и культуры, не сумели объединиться в одно целое. Против Македонии римляне выдвииули греческие республики: Квинций Фламинин, друг Сципиона, почитатель греческого искусства, провозгласил на Олимпийских играх свободу Греции от тирании македонского царя. Пришлось также могущественному на вид государству Селевкидов помериться силами с Римом. Во время Ганнибаловой войны там правил Антиох III (223—187), мечтавший о восстановлении монархии Александра, простиравший руки свои на далекую Индию и на Египет с Малой Азией. По совету Ганнибала, нашедшего у него убежище, Антиох объявил войиу римлянам и двииулся на Грецию. Восточный царь не заслужил однако данного ему названия Великого: римляне без труда отбросили его в Азию, консул Сципион, брат знаменитого покорителя Африки, разбил его при Магнезии, близ Сард; Антиох должен был отказаться от своих владений* в Малой Азии, послать в Рим заложником своего сына и выдать Ганнибала. Римляне почти настигли своего злейшего врага в Вифинии, но Ганнибал успел принять яд (183 г. до Р. Х.).

Униженно ищут теперь греческие властители милости римлян: Прузий, царь Вифинии, принимает римских послов в одежде раба с обритой головой, а при посещении Рима, целует благоговейно порог сенатского здания. Римляне вмешиваются во виутренние дела государства Селевкидов и Птолемеев, определяют, кому из принцев наследовать престол; пользуясь малолетством внука Антиохова, они отправляют к сирийскому двору посольство с тайным поручением сжечь военные корабли сирийские и перерезать жилы на ногах боевым слонам. Для того, чтобы покончить с Македонией, римляне сами завлекли царя Персея в войиу. Победителю Македонии Эмилию Павлу, сыну консула, павшего при Каннах, был устроен еще неслыханный по великолепию триумф.

Триумф был благодарственным празднеством в честь хранителя государства, Юпитера Капитолийского: на один день выборный начальник в ресиубликанском Риме становился больше, чем царем — подобием самого Высшего божества, Всеблагого и Всемогущего. Торжественная процессия, направлявшаяся к Капитолию, вступала через триумфальиую арку в город; впереди шел сенат в полном составе, дальше следовал длинный ряд повозок с ценной добычей, золотыми и серебряными вещами, мраморными памятниками искусства, живыми картинами, изображав-

імими покоренный край и его жителей; вслед за богато украшенными белыми жертвенными быками двигались жертвы римского оружня, пленные цари и знатные заложники; наконец на позолоченной колеснице, запряженной четырьмя белыми коиями, ехал сам виновник торжества, ярко нарумяненный, в нурнурном золототканном плаще, держа в руке скипетр, увеичанный изображением орла; на голове у него был лавровый венок, но раб держал над ним еще золотую короиу и повторял предостережение: «гляди назад и помни, что ты человек!». Чтобы охранить триумфатора от дурного глаза завистников, под колесницей был помещен амулет (волшебный знак).

Командования в восточных походах, ириносивших большую добычу, и посольства к восточным дворам распределяли между собою иредставители немногих фамилий, считавшихся нобилями, т. е. благородными, светлейшими; оии зорко смотрели, чтобы народ не выбрал на должность кого-либо из новых людей, т. е. вышедших из простого, низкого звания. Правящая аристократия старалась однако, по иримеру Карфагена, заинтересовать в своих предириятиях и остальную массу народа: после большого похода раздавали всем гражданам денежные подарки, закупали на казенный счет заморский хлеб для раздачи, предоставляли торговцам поставку на армию ирипасов и снаряжения, а также отдавали им на откуп (т. е> за внесенную вперед сумму) сбор дани' с побежденной страны.

Со времеии победы над Карфагеном откупщики получили большую силу в Риме. Консулы и сенаторы благородного звания брали на себя только поездки в посольствах, командование войсками и дело инженерное, постройку крепостей и проведеиие дорог. Они не входили в подробности уиравления, где требовалось составлять описи имущества, собирать по мелочам налоги, считать полученные суммы. Все это именно они предоставляли мастерам денежного дела, которые от себя нанимали писцов и счетчиков, сборщиков и контролеров, заводили конторы в Риме и в заморских областях, устраивали свою почту. Располагая большими суммами, откупщики открывают банки для обмена денег и ссуды; граждане несут им свои сбережения и этим еще увеличивают их денежные обороты.

До 150 года у римлян было не много владений вне Италии: только острова: Сицилия, Сардиния, Корсика, да южная Испания, отиятая у карфагеиян, составляли провинции, т. е. подчииенные земли, уиравляемые римскими наместниками и платившие подать Риму. На востоке у римлян вовсе не было владений: оии лишь забирали контрибуцию (взносы) и подарки от царей и реснублик, побежденных и иризнавших верховную власть Рима. Чем больше развертывались денежные дела откупщиков, тем настойчивее стремились они к расширению круга римского господства: особенно же добивались оии полного уничтожения Карфагена, который, несмотря на военный разгром и потерю колоний, опять расцвел в торговле и ремеслах.

Рим проявил изысканную жестокость в отношении своего старого соперника. Долго позволяли иумидийцу Масиниссе безнаказанно разорять карфагенские земли, не разрешая в то же время Карфагеиу обороняться от него; несколько раз собирали с Карфагена громадные контрибуции, наконец поставили требование, чтобы карфагеняне бросили свой город и переселились в глубь страны, подальше от моря. Ответом на это издевательство было восстание Карфагена; в положении отчаянном, не имея друзей и союзников, великая финикийская община защищалась с мужеством изумительным. Три года осаждали римляне неприступную крепость; только искусству Сципиона Эмилиана (сына Эмилия Павла, после смерти отца усыновленного фамилией Сципионов) удалось сломить сопротивление карфагенян. Римляне решили уничтожить самую память о Карфагене; на месте разрушенного города оставили иустырь, по которому провели борозду плугом (146 г.). Область Карфагена обратилась в римскую провинцию Африку; в руки римлян перешли богатые благоустроенные карфагенские имения.

Скоро после этого пришлось римлянам подавлять восстания в богатой рудами Испании, воевать с храбрыми, свободолюбивыми лузитанами (Лузитания — нынешняя Португалия, гор. Олизипон при устье р. Тахо — нын. Лисабон). Главным героем трудных испанских воин был опять Сципион Эмилиан. В один год с падением Карфагена римляне разрушили другой большой торговый город — греческий Коринф. В качестве новых обладателей капитала (т. е. средств денежного и товарного оборота) они уже не терпели рядом с собою соперников; торговцы и промышленники всех стран должны были обратиться в их подчиненных. И Греция, и Македония также сделались провинциями. Вместе с присоединенной в 133 году Азией (так назвали западиую часть малоазийского полуострова) области, покоренные римским оружием и подчинившиеся римскому капиталу, составили империю народа римского, т. е. державу, находившуюся под неограниченной властью Рима.

Как нельзя более резко выделилось от ресиубликанского устройства самого Рима и других итальянских общин управление имперских провинций, где римские наместники, проконсулы (т. е. заместители консулов) представляли совершенное подобие персидских сатрапов. Суровость победителей, более всего напоминающих безжалостных ассириян, особенно ярко выражалась в каторжном праве, которое применяли к побежденным; всякое завоевание сопровождалось продажей множества свободных людей в рабство. Не одни только военнопленные поступали на рынок; облагаемые непомерной данью жители побежденного края сами прибегали к отчаянному средству продажи своих жен и детей, чтобы удовлетворить жадность римлян. Для римских откупщиков открылся новый промысел — доставка живого товара в Италию: никогда еще так много кораблей не служило работорговле.

Вместе с образованием империи вырос город Рим, из тихой италийской общины иревратившийся в столицу большого разноплеменного государства. Население его очень изменилось сравнительно с тем временем, когда лишь в праздники улицы и площади его заполиялись приходившими из деревень плебеями. Теперь победители повезли из-за моря множество пленников всех наций; эти иностранцы, оставаясь рабами или получая от своих господ свободу и становясь вольноотпущенными, служили в предириятиях откупщиков и в больших домах нобилей, в качестве посыльных, извощиков, носильщиков, мелких торговцев, сторожей, курьеров, писцов, ювелиров, драпировщиков и т. п. В отличие от простого обихода древних патрициев, которым случалось самим работать в поле, теперь богатый дом нобиля пестрел многочисленною челядью; среди рабов было немало философски образованных греков, которым аристократы поручали обучение своих детей.

Революция в Риме. В то время как обогащался главный город, аристократия и денежные люди, заиятые в уиравлении, разорялось крестьянство, т. е. та часть населения, которая ирежде кормила Италию и составляла основу ее военной несокрушимости.

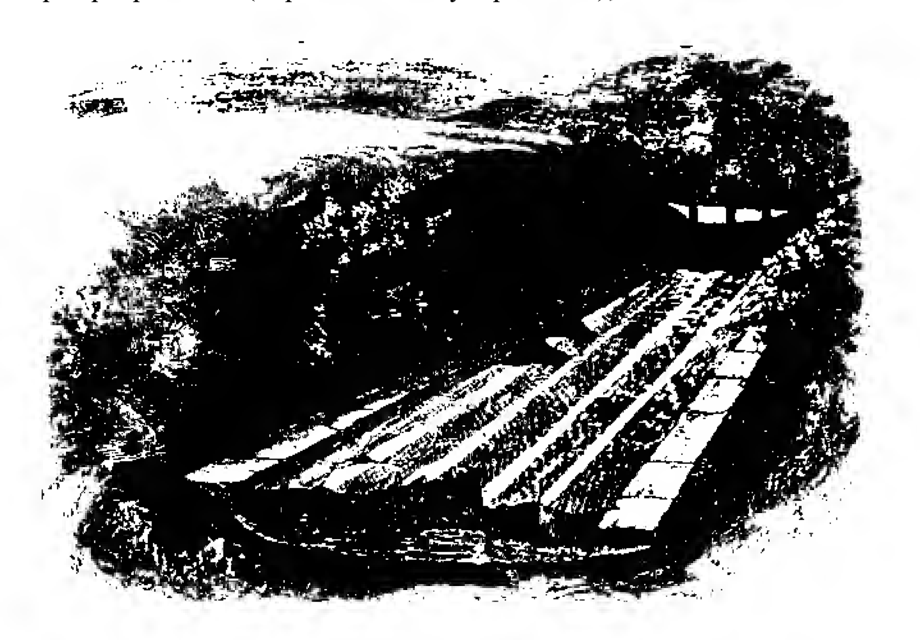
Много крестьян погибло в заморских войнах, особенно в изнурительной борьбе, которую приходилось вести в Испании; ополченцы, возвращавшиеся домой после многолетних походов, находили свои земли заброшенными. Но и те земледельцы, которые оставались на месте, не выиграли от успехов римской державы, от ирисоединения новых ировинций и от возрастания денежной добычи, напротив: в столице и ириморских городах перестали теперь покупать хлеб, взрощенный дома, потому что дешевле доставалось привозное зерно, ирисылаемое в внде дани Сицилией и Африкой. Перейти к другому виду хозяйства, возделывать виноградники, оливки, фруктовые деревья крестьянину было не по средствам; оставалось продавать свой участок. Крестьянские земли скупались крупными землевладельцами, которые однако к хлебопашеству уже не возвращались; часто запускали оии свои имения под парки для охоты или отдавали на откуп скотоводам. Бывшему крестьянину даже нельзя было наияться в работники к богатому соседу: землевладельцы находили более выгодным ставить на работу привозных из других стран невольников, которым ничего не платили за труд.

К числу обиженных и вытесненных со старых пепелищ принадлежали, кроме римских плебеев, крестьяне южноиталийских общин, наказанные за свое ирисоединение к Ганнибалу. Из земли, отобранной у италийских крестьян государством (общественного поля, как ее называли римляне), по окоичании войны с Карфагеном вознаградили ветеранов Сципиона; таким способом старались поправить беду, возстановив крестьянские семьи на месте изгнанных; но скоро все общественное поле ра-

зобрали по рукам нобили, превратившие прежние деревенские участки в свои имения.

Исчезновение крестьян с заменой их рабами грозило всему государству большими опасностями. В Сицилии в 136 году навезенные с востока пленники, работавшие в крупных имениях, перебили своих господ, выбрали вождем сирийца Эвна, который назвался царем Антиохом, и захватили в свои руки весь остров; семь лет держались они, разбивая предводимые консулами войска, и нужны были величайшие усилия, чтобы подавить восстание. В Италии тоже начались волнения среди рабов.

Эти грозные события заставили многих нобилей задуматься о реформах (переменах в устройстве), с целью восстано-

Разрез римской дороги.

вления крестьянства. Тиберий Гракх, виук по матери Сципиона Африканского, избранный трибуном в 134 году, предложил наподобие Фламиния аграрный закон: по его мысли следовало воспользоваться обширными пространствами общественного поля, отнять у владельцев имений, основанных на нем, излишки сверх размера, достаточного каждому для его семьи, и разделить освободившуюся таким образом землю между неимущими гражданами. Предложение Гракха резко разделило правящую аристократию на две партии (спорящие стороны): популяров, защитников народа, и оптиматов, т. е. «наилучших», как они сами себя называли, не желавших уступать свои преимущества. Обвиняя Гракха в намерении сделаться тиранном, кучка оптиматов ворвалась в народное собрание на Капи-

толии и убила Тиберия в то время, как он искал защиты в храме Юпитера.

Десять лет спустя был избран трибуном брат убитого, Кай Гракх, гораздо более горячий и решительный. Не ограничиваясь аграрным законом, он задумал опрокииуть господство сената и заменить его демократией, иравлением народа, руководимого всемогущим трибуном. Чтобы создать себе опору против аристократии, Кай Гракх иривлек на свою сторону откупщиков, отдавши в их полное распоряжение богатую вновь ириобретенную область Азию. Народную массу в Риме он старался завербовать в свою пользу щедрыми раздачами: у иристани он выстроил огромные амбары для хранения привозного зерна, из которых ежемесячно стали выдавать хлебные пайки неимущим гражданам. Обходя сенат и обращаясь за утверждением к народному собранию, Гракх принялся уиравлять всеми делами государства: иринимать иностранных послов, распоряжаться построением дорог, расходовать деньги, поступающие из провинций; он сам отиравился на место разрушенного Карфагена, чтобы заложить там новый большой город.

Это была уже не реформа, в роде той, которую предирииял старший брат, а революция (полный переворот во всех учреждениях и обычаях). В течение двух лет Гракх обладал почти неограниченной властью. Аристократии нобилей грозила большая опасность: потерять свое положение в государственной службе и во владении землей. Встревоженные оптиматы сплотились для борьбы: во время народных сходок, когда Кай Гракх добивался избрания в трибуны на третий год, сенат поручил консулу Опимию чрезвычайную власть (т. е. без ответа перед народом). Вооружив зажиточных всадников, Опимий напал на плебейское иредместье Авентин, где окопались Гракх и его сторонники: в кровавой схватке оии все погибли (**121 г.** до **Р.** X.).

Гражданская война в Италин. Оптиматы отменили аграрный закон братьев Гракхов, но оставили в силе раздачу хлеба городским пролетариям (неимущим) для того, чтобы держать римскую толпу в добром расположении. Однако революция Кая Гракха нанесла сенатекому иравлению непоиравимый удар. В двух войнах — с нумндийским царем Югуртой, угрожавшим отиять у римлян Африку, и с ордами германских племен, кимвров и тевтонов, надвигавшихся на Рим из-за Альп (111—101 гг. до Р. X.)—командиры из оптиматов, выдвинутые сенатом, оказались людьми неспособными и подкупными. В той и другой войне Рим был спасен Марием, «новым человеком» из иростолюдинов, великим мастером военного дела, совершенно пересоздавшим римское войско.

Марий долго уиражиял солдат, ирежде чем нустить их в бой, заставлял их строить целые поселки со складами провианта и снарядов, выравнивать к ним дороги и копать каналы. Для такой службы нужны были люди, которые бы целиком отдавались

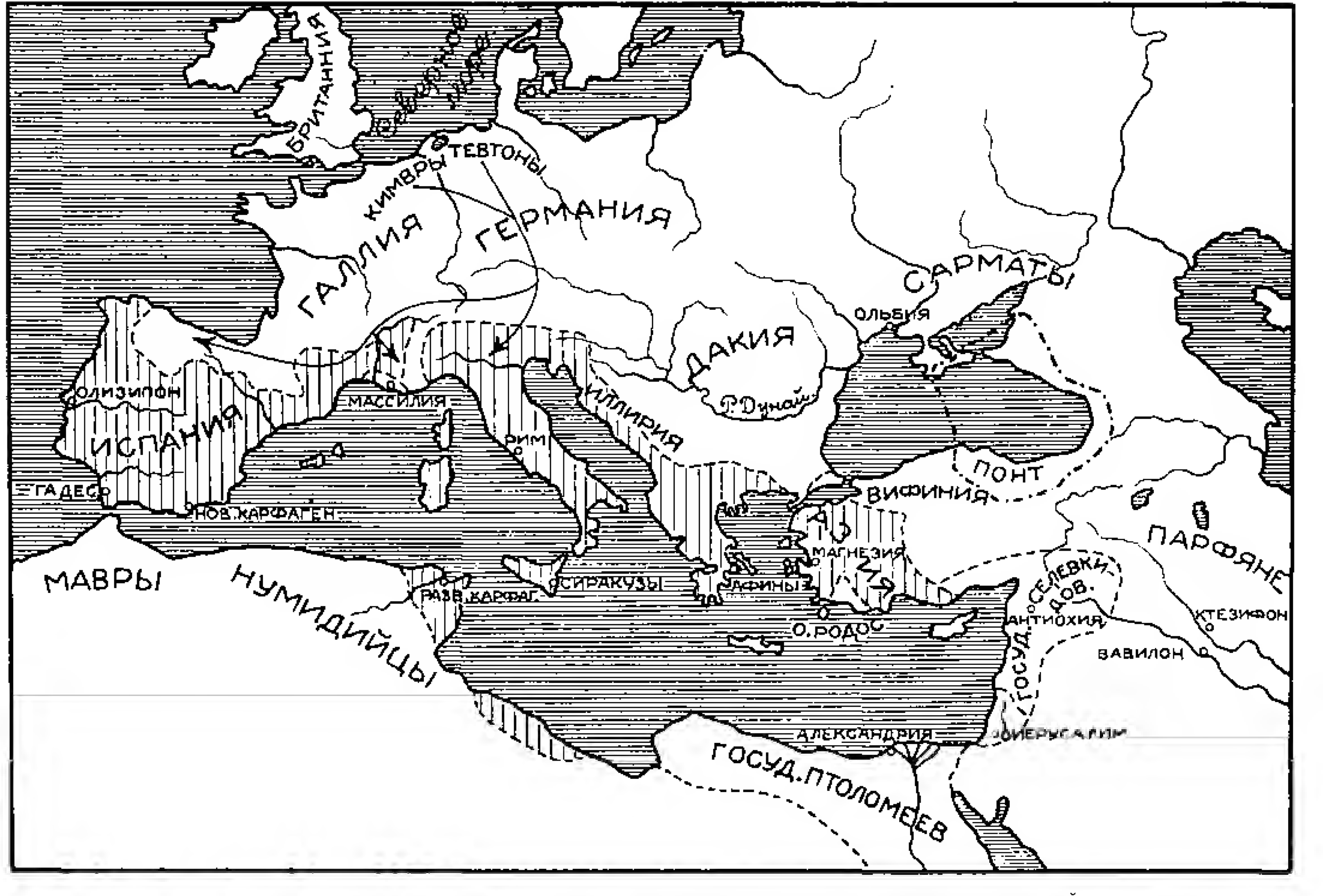
военному ремеслу; поэтому вместо того, чтобы по старому вызывать ополченцев, Марий стал вербовать охотников, приманивая их большим жалованьем, надеждой на добычу и обещанием награды по окончании похода. Прежде ополченцы, расходясь по домам, становились опять мирными трудовыми гражданами; теперь новые солдаты, в большинстве пролетарии и вольноотпущенные, подобно сицилийским и карфагенским наемникам, совершенно отрывались от остального гражданства: они знали только волю вождя своего; с ним они готовы были идти куда угодно, от него ждали устроения своей участи.

Великий предводитель, прославленный именем нового основателя Рима, Марий по окончании порученных ему войн, потерял всякое влияние: аристократия не хотела его принимать в свою среду; для своих солдат, которые ожидали земельных наделов, он ничего не сумел сделать. Его оттеснил Корнелий Сулла, бывший его подчиненный, оптимат, сумевший привязать к себе пролетарское воинство.

Сулла выдвииулся в союзнической войне (90—88 гг. до Р. Х.). Так называется восстание против Рима италийских общин, находившихся на положении союзников народа римского. Недовольные тем, что громадная добыча имперских завоевании, созданная больше всего подвигами италийских воинов, идет мимо них в Рим, союзники отделились, выбрали своих консулов и свой сенат. Одно время Рим был в отчаянном положении, чуть-ли не худшем, чем во время нашествия Ганнибала. Пришлось уступить и принять в состав римского гражданства всех союзников средней и северной Италии; но с южанами, особенно с неукротимыми самнитами, вспомнившими старую ненависть к Риму, договориться нельзя было. Сулле досталось именно усмирять непримиримый юг; уверовавшие в его счастливую звезду солдаты горели желанием пойти со своим вождем в большую внешиюю войну, которая открылась в это время на востоке и обещала громадиую добычу.

Здесь противником Рима выступил Митридат, царь Понта, т. е. северной черноморской части Малой Азии, потомок персидской династии Ахеменидов, правиук Антиоха III. Митридат создал своеобразное государство из стран, окружающих Черное море, приобрел Кавказ, Крым и подчинил себе Боспорское царство; греки Ольбии, Херсонеса и других городов северного побережья Черного моря, теснимые сарматами, искали его покровительства. Пользуясь крайним расстройством Рима, подавленного борьбой с союзниками, Митридат вторгся в провинцию Азию, подговорил местное население, ненавидевшее откупщиков, перерезать всех римских колонистов, затем, переправившись в Грецию, объявил себя и здесь освободителем от римского ига. Вся восточная половина империи отпала от Рима.

Сенат передал командование в войне с Митридатом Сулле. Марий, семидесятилетний старик, не желая ему уступать эту честь, при помощи поиуляров, добился решения народа, которое от-

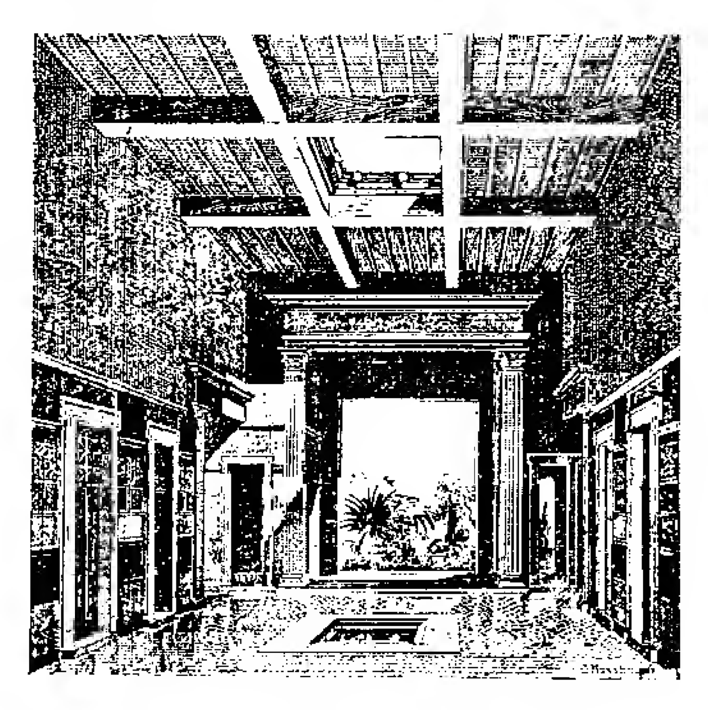

Q РИМСКАЯ ДЕРЖАВА. —————— ВЛАДЕНИЯ МИТРИДАТА ПОНТИЙСКОГО .

Владения римской реснублики в 100 г. до Р. Х.

нимало у Суллы начальство. Но Сулла и не думал подчиняться, а обратился к своему войску. Для вооруженных пролетариев ни трибуны, ни народное собрание не представляли ничего святого и неприкосновенного: солдаты повели Суллу в Рим, где помогли ему опрокинуть решение народа, возвратить власть сенату, объявить в опале Мария и помогавших ему популяров; после этой реакции, т. е. восстановления прежнего порядка, Сулла повел войско против Митридата.

Столкновением войска и народа открылась гражданская война (88—82 гг. до Р. Х.). Тотчас по уходе Суллы на восток, вернулись в Рим популяры: обезумевший в изгнании Марий, за несколько недель до своей смерти, со зверской жестокостью резал своих врагов, оптиматов. Между тем в восточ-

Атрий (приемная комната) римского дома: над водоемом в полу потолок образует отверстие.

ной войне Сулла показал себя политиком дальновидным и беспощадным, соединяя в своей натуре льва и лису, как про него говорили. Изгнав Митридата из Греции, Сулла не стал преследовать разбитого царя в Азии; ему достаточно было восстановления прежних владений Рима на востоке; зато он взял с возвращенных областей громадную контрибуцию; под предлогом наказания восставших греков, обобрал золото Дельф и Олимпии, увез из Афин памятники искусства; на счет ограбленного Востока он повел теперь гражданскую войну в Италии.

В то время, как понуляры привлекли на свою сторону крестьян бывших союзнических общин, к Сулле бежали изгнанные из своих имений оптиматы; его богатства однако составляли приманку и для простых воинов враждебного лагеря, так что армия его скоро выросла из 8 легионов до 23. После ряда искусных маневров Сулла запер войско Мариева сына в Пренестс, недалеко от Рима. На выручку поиуляров двинулось большое ополчение самнитов, весь цвет молодого поколения горцев. Его вождь Понций Телезин собирался сжечь ненавистный Рим: «никогда — по его словам — не уничтожить волков, расхитителей свободы Италии, пока не срублен лес, в котором они гнездятся». Сулла успел вовремя подоспеть к угрожаемой столице: у Коллинских ворот завязалась ожесточенная битва. Сражались до глубокой ночи; на другой день нашли израненного умирающего Понция. Сулла велел носить по улицам срубленную голову самнитского героя и перебить всех пленников; следом за этой победой, в память которой установили праздник избавления Рима, Сулла двинулся в Самниум и истребил остатки племени.

Так же беспощадно обошелся он с побежденной партией поиуляров. Провозглашенный диктатором для устроения порядка в республике, Сулла ирежде всего составил опальные списки: до 5000 вндных и богатых людей, в том числе 90 сенаторов, были осуждены на «азнь; головы убитых выставлялись на площадях; палачи и иреследователи получали награды; за укрывательство беглецов грозила смерть; имущество опальных отбирали в казну, сыновья и внуки их лишались наследства. Как нельзя более щедро наградил Сулла своих сторонников: за бесценок получили оии имения и дома казненных; 15 тысяч рабов, отнущенных им на волю, составили его гвардию под именем Корнелиев. На отобранной у опальных земле он устроил своих ветеранов и всех перешедших к нему солдат: более ста тысяч воинов, большею частью пролетариев, обратились в крестьян землевладельцев: замысел поиуляров был таким образом осуществлен вождем оптиматов.

Сулла ирисоединил к своему имеии прозвание Феликса (счастливца), а детей назвал Фаустами (любимцами судьбы). Достигнув высшей власти, он, однако, вовсе не хотел наслаждаться ее величием. Он удовлетворил своему чувству мести, устроил своих ириверженцев,. отдал иравление сенату, уничтожнл значение народных трибунов и, сделав все это, отрекся от своей диктатуры, ушел в частную жизнь.

Глава V.

Римская империя.

Монархия Цезаря. Через год после своего отречения Сулла умер, и тотчас же стало видно, что нобили только и держались его личностью и его войском. Восстановленный им сенат ни в ком не встречал повиновения. Испания, куда бежали от Суллы сторонники Мария, совсем отделилась от Рима; там правил марианец Серторий, честный и великодушный, непохожий на римских наместников, боготворимый туземцами. Митридат оправился от поражения и угрожал снова восточным провинциям, уговорившись с Серторием одновременно напасть на Рим с двух концов. В самой Италии собрались большие массы рабов, под предводительством фракийца Спартака, убежавшего из школы гладиаторов (бойцов для театра). Все море держали в своих руках разбойники, также по большей части беглые рабы; обладая большим флотом, крепостями и складами богатств на островах Крите и Киире, на южном берегу Малой Азии, пираты грабили торговые суда и задерживали подвоз к столице хлеба, так что Риму не раз грозил голод.

Ресиублика в Риме представляла лишь жалкую тень: было ясно, что власть достанется новому вождю, который сумеет привести в Рим, подобно Сулле, победоносное войско.

Два сулланца выдвигаются на первое место,-враждуя в то же время друг с другом: Красе, наживший себе громадные богатства, скупая имения и дома опальныл, и Помпеи, который при высадке Суллы в Италии первый примкиул к нему и иривел набранные на свои средства 3 легиона. Красе оказал великую услугу оптиматам, задавивши в потоках крови восстание рабов, Помпеи в долгой упорной борьбе отвоевал назад Испанию.

Казалось, Помпеи унаследовал счастье Суллы. Еще во время гражданской войны, его, молодого человека 23 лет, солдаты приветствовали титулами «императора» и «Великого». В 67-м году сенат и народ передали ему ведение войны с морскими разбойниками; получив неограниченную власть над всем морем и над берегами, он в короткий срок разгромил флот пиратов, взял их крепости и восстановил мирный обмен. Следом за этим успехом он получил новое командование в войне с Митридатом. На востоке ему также все удавалось. Разбитый понтийский царь бежал за море в свои боспорские владения и там пронзил себя мечем. Перед римлянами открылись беззащитные, раздроб-

ленные, лишенные военных сил эллинистические государства. От самого большого из них, Селевкидского, оставались только развалины: весь Иран вплоть до р. Тигра заняли парфяне, кочевой народ, родственный туркам; Иудея отделилась от Сирии, и во главе ее стал выбранный войском и народом царь-первосвященник из дома Гасмонеев. Воинственность греков исчезла; оии были теперь очень непохожн на поколения времен Перикла и Александра: занимались исключительно мирными промыслами, не только не тяиулись к завоеваниям, но даже не хотели защищать свое отечество.

Помпеи устроил восточные дела по своему усмотрению, "как неограниченный властитель; ирисоединил Малую Азию и Сирию к империи, иризнал сына Митридатова царем Боспора, уничтожил в Иерусалиме царскую власть, оставив Гасмонеям только сан первосвященника. Из всех эллинистических государств он пощадил одии Египет за его полную покорность Риму. Легионы римские дошли до Каспийского моря и Евфрата; почитатели Помпея восторженно говорили, что он скоро достигнет края населенного мира.

Во главе своего войска Помпеи мог бы совершить переворот, подобный сулланскому; но он не обладал характером Суллы. Ему хотелось получить власть по закоиу, без насилий и потрясеиий. Вернувшись в Италию, он раснустил войско по домам и этим лишил себя всякой внушительности; на его требование вознаградить ветеранов, сенат отвечал отказом. На помощь свергнутому со своего величия завоевателю Востока явился вождь поиуляров, Юлий Цезарь, из захудалой патрицианской семьи, родственник Мария, скрывавший под вндом легкомысленного прожигателя жнзни непомерное честолюбие. Цезарь помирил Помпея с его соперником Крассом и убедил их составить тайный союз троих (триумвират), чтобы заправлять всеми делами реснублики, распределять должности и командования. Цезарь звал в союз и знаменитейшего оратора ресиублики, Цицерона, который пробился своим талантом из числа «новых людей» в ряды римской аристократии, но тот не захотел вступать на нуть незаконных действий. При помощи Крассова богатства Цезарь подкупил голоса римской толпы и был выбран в консулы; затем он добился от народа, иротив воли сената, вознаграждения Помпеевых ветеранов и, наконец, получил в свое распоряжение ировинцию Галлию.

Когда Цезарь появился со своими легионами в Галлии, римлянам за Альпами ипринадлежал только юг страны, соседний с греческой Массилией (до сих пор в названии южнофранцузской области Прованс остается память о старинной римской ировинции). В течение 8 лет (58—50 до Р. Х.) покорил он богатый населенный край, заключающийся между Пиренеями, океаном, Ламаншем и Рейном (нынешиюю Францию, Бельгию и леворейнскую часть Германии). По трудности предприятия, искусству вождя и выдержке солдат завоевание Галлии далеко иревосходит

походы римлян на восток, где оии встречали лишь слабое сопротивление. Здесь, напротив, приходилось иметь дело с многочисленными воинственными племенами и отгонять кроме того нападения внешних врагов, германцев, приходивших из за Рейна, и переплывавших Ламанш бриттов (из нынешней Англии).

Цезарь соединил в себе таланты и отрицательные свойства Мария и Суллы: пользовался безграничным влиянием на солдат, заставлял их исполнять сложные инженерные сооружениям совершать труднейшие переходы; был беспощаден к побежденным, не признавал за врагом никаких человеческих прав. Искусно воспользовался он раздроблением галльской народности, соперничеством областей, всюду завел себе друзей, готовых изменить своей родине, по одиночке истребил и продал в рабство самые крепкие племена. Лишь когда он овладел главными опорами по всей стране, пробудилось в галлах национальное чувство; во главе освободительного движения против римлян стал Верцингеторикс, из племени арвернов (в нынешной горной Оверни в середине Франции). Цезарь сначала потерпел неудачу при попытке штурмовать Герговию, укрепленный замок арвернского вождя; но потом ему удалось окружить Верцингеторикса в другой крепости, Алезии, отбить, помощью вызванной из-за Рейна германской конницы, подходившее на выручку галльское ополчение и, наконец, ирименив в осаде все чудеса инженерного и артиллерийского искусства римлян, заставить Верцингеторикса сдаться. Заковав противника в цепи, для своего триумфа, Цезарь потом приказал умертвить его; пленников, проданных в неволю, было так много, что каждый из римских солдат получил по рабу.

Приобретение Галлии составило для Цезаря нуть к единовластию. В Галлии он приготовил себе предаииую армию, создал самостоятельное владение, забрал массу золота и получил возможность вербовать новых солдат. Между тем триумвират распался. Красе погиб в Месопотамии, в борьбе с парфянами. Помпеи, не желая более дружить с Цезарем, сблизился с ресиубликанцами, противниками монархии, и послал ему от имени сената требование сложить свои полномочия. Но Цезарь не даром еще в молодости говаривал: «хочу лучше быть первым в деревне, чем вторым в Риме». Теперь он приложил все силы своего гения, чтобы опрокинуть ресиублику и добиться монархической власти. Быстрым маршем надвииулся он на Италию. Растерявшийся Помпеи и большинство нобилей бежали за море, на восток. Началась снова гражданская война, и опять подчиненные Риму страны должны были расплачиваться своей кровью и достоянием за внутренние споры римлян. Ни одна провинция не убереглась от участия в междоусобии. Цезарь ходил войной в Испанию, на Балканский полуостров, где разгромил самого Помпея, в Египет, преследуя разбитого противника, в Малую Азию против сына Митридатова, ставшего на стороиу ресиубликанцев, в Афри-

ку, где собрались снова помпеянцы и приверженцы реснублики, и наконец еще раз в Испанию, куда спаслись последние остатки враждебной партии.

Все, кто не погиб в этой гигантской четырехлетней (49—45) борьбе, должны были подчинпться Цезарю. Он заставил провозгласить себя диктатором на всю жизнь, и наследственным императором (что у римлян означало победоносного военного вождя), взял себе право назначать на все должности, издавать законы помимо одобрення сената и народного собрання. После своих побед, видя у ног своих народы всех трех частей света, Цезарь чувствовал себя ровней великих царей восточного мира. Он не скрывал, что реснублика для него пустое слово без смысла и содержання. Ему нравилось не вставать перед всем собранием сената. Он'стал появляться в царской пурпурной одежде, носить венец; свою статую из слоновой кости он велел возить в торжественных процессиях среди изображений старинных римских царей.

Цезарь.

Нарушением обычаев реснубликанского Рима Цезарь вызвал против себя заговор нобилей, во главе которого стали помпеянец Кассий и Марк Брут, гордившийся своим происхождением от древнего Брута, основателя реснублики. Заговорщики окружнли Цезаря в сенате и закололи его кинжалами. Но они ошиблись в расчетах на сочувствие народа делу «освобождення от тираьча»; напротив, римская толпа, получившая от Цезаря богатые подарки, бросилась жечь дома убийц факелами, зажженными от похоронного костра Цезаря, и они должны были бежать из Италии.

Наследниками диктатора выступили его ближайший помощник и любимец Антоннй и 18-ти летний Октавиан, илемянник Цезаря, усыновленный им и прииявший его имя. Находясь в резкой вражде друг с другом, они успели привлечь каждый на свою сторону несколько легионов. Цезаревы солдаты, разделенные на два лагеря, сначала, вступили в ожесточенный междоусобный бой, точно желая померяться силами и показать, кто из них вернее служит памяти убитого вождя; но потом, не обращая внимания на ссору предводителей, заключили между собою тесный союз, заставили Антония и Октавиана помириться, идти на Рим и составить опальные списки всех врагов Цезаря. Антоний поспешил прибавить к числу осужденных лично ему ненавистного Цицерона, за речи, в которых старый оратор клеймил Анто-

ния губителем республики. Римский историк, живший 60 лет спустя, говорит по этому поводу, как бы обращаясь к самому Антонию: «ничего ты не добился, поставив цепу за убийство этой светлой головы и этих небесных уст, и присудив к смерти человека, который был великим консулом и оберегателем реснублики. Отнял ты у Цицерона немного: беспокойные дни, старость и жизнь, которая при твоем царствовании была бы гораздо хуже, чем смерть под твоей опалой; славу же дел и речей его ты не только не уничтожил, а еще возвеличил. Он живет и будет жить в памяти всех веков; неразлучным снутником Рима будет Цицероновское слово; скорее исчезнет род человеческий, чем имя этого человека».

Соединенными силами двинулись цезарианцы на восток против Брута и Касснят. Убийцы Цезаря для спасення республики ограбили опять беззащитный Восток; в третий раз провинции служили расплате за гражданскую войну римлян. В большой битве при Ф и л и п п а х, в Македонии, в 42 году реснубликанцы были разбиты и уничтожены. Победа цезариянцев тяжело отозвалась и на метрополии: 18 богатейших городов Италии были лишены своих земель для помещення на них ветеранов Цезаря, которые после восьмилетней борьбы (49—41) выставили неслыханные раньше требования.

Октавиан и Антоний разделили управление империей: первый взял себе запад, Италию, Галлию, Испанию, Африку, второй — восток, Грецию, Македонию, Малую Азию, Сирию.

Принципат Августа. В первых своих шагах Октавиан руководился чувством мести за убитого Цезаря; но в нем жил такой же умный и расчетливый политик, как в Сулле. Он хорошо понял, что к римлянам надо приспособляться, соблюдая старые республиканские обычаи. Напротив, Антоний, водворясь в Египте, как будто совсем оторвался от Рима. Когда он в качестве правителя Востока стал раздавать римские провинции своим детям от египетской царицы Клеопатры, Октавиан предложил сенату объявить его врагом отечества. Решительное столкновение между флотами двух властителей произошло у берегов западной Греции при мысе А к т и и, в 30 году до Р. Х. Клеопатра помогала Антонию египетским флотом. Победа Октавиана заставила их обоих бежать в Египет и покончить с собою; государство Птолемеев, последний остаток монархии Александра было присоединено к Риму, и таким образом все страны, окружающие Средиземное море, вошли в состав римской империи.

Оставшись единым и бесспорным повелителем громадного государства и начальником всех военных сил громадного государства, Октавиан остерегся отменять реснубликанский строй, к которому Рим так привык за 500 лет его существования. Напротив, под видом того, что поручення, данные ему, исполнены, он отрекся от власти; после усиленных просьб сената не покидать правления, он согласился снова принять полномочия на срок

10 лет. При этом он отдал сенату в уиравление вполне замиренные внутренние области, а себе взял четыре страны на окраинах,

Август в позе императора, говорящего к войску.

где надо было держать войска. Туда он и перевел все легионы, оставив для своей охраны в Риме сильный отряд преторьян-

цев, отборной гвардии, великолепно одетой и награждаемой, вполне преданной своему начальству, как в свое время Сулле служили его Корнелии.

Однако в самом Риме Октавиан не хотел выделяться от других сенаторов и лишь назвался первым из них, принцепсом (у нас теперь принято называть принципатом установленное им правление монарха, соблюдающего ресиубликанские обычаи, а самих правителей того времени обозначать военным титулом императоров). Далее он вступил сам в старые должности народного трибуна, консула, великого понтифика. И только одно почетное название Августа (благословенного) принял он в свой титул, которое и сделалось его собственным именем.

Август хорошо понял настроение римлян, наступившее после 60 лет (90—30 л. до Р. X.) непрерывных почти гражданских войн, взаимных ограблений, казней, побоищ в народных собраниях; всем хотелось уйти от политики, которая несла людям только бедствия и тягости. Все были рады тому, что правитель взял на себя заботы управления. Поэт Гораций, бывший республиканец, нашедший у Августа покровительство, сказал о нем: «принцепс стоит стражем общества, граждане знают, что их спокойствию ничто более не грозит; он держит великую тягость на своих плечах; он один следит за тысячью дел». Больше всего благодарны были ему за то, что он смирил разбушевавшихся солдат и освободил от них Италию, отделивши войско раз навсегда от гражданства. Август казался римлянам великим миротворцем; он сам усердно поддерживал в народе эту уверенность.

По его поручению вычислили, что согласно древним пророчествам Сивиллиных книг на его правление приходится конец старого века и начало нового; эту смеиу веков, под названием юбилея, отпраздновали первого июня 737 года от основания города Рима (17 года до Р. X.) торжественным богослужением и великолепными играми; народ молился об искуплении- крови, пролитой в гражданских войнах, и о возрождении золотого райского состояния,- изображаемого в старинных мифах.

Ко всем слоям общества Август хотел показать одинаковое внимание. Между тем как Цезарь, презирая нобилей, не щадил их, Август старался спасти и поддержать вымирающие знатные фамилии, с которыми связано было великое прошлое Рима, породнился с самими старинными из них, Клавдиями и Эмилиями; далее отнял сенаторское звание у случайных людей и выскочек, которых наградил Цезарь, и опять восстановил прежний почетный характер высшего совета государства. В то же время он приблизил к себе денежных людей, которых нобили прежде не доиускали к должностям; император составил из них как бы новую аристократию; им он отдавал места прокураторов (управляющих) в своих областях. Наконец, чтобы поддерживать спокойствие в городе и доброе расположение столичной толпы, он взялся продолжать политику популяров: кормить пролетариев привозным хлебом, раздавать им подарки, забавлять римское на-

селение зрелищами; в последнем случае иринцепс не выделял себя от гражданства, приходя в его среду смотреть конные ристания в *цирке* и бои гладиаторов в *амфитеатре*.

В согласии со своей игрой в реснублику, Август составил под конец жнзни большой *отчет народу римскому*, где изложены совершенные им дела, военные и гражданские, перечислены ириобретения новых земель, сношения с другими державами, расходование государственных сумм. Этот отчет было ириказано вырезать на медных досках и выставить на главных площадях всех городов Италии и империи; текст, составленный для западных областей на латинском языке, для восточных был переведен на язык греческий.

В действительности реснублика уже не возродилась больше. После победы над Аитоиием Август иравил империей 44 года: никто не решался оспаривать у него власть, и он мог вполне спокойно распорядиться своим наследством. Так как у него не имелось потомков мужского пола, он передал все свои титулы и полномочия своему зятю и ириемному сыну из старинного рода Клавдиев,. Тиберию. Рядом с реснубликанскими обычаями в Риме установился, по иримеру эллинистических государств, монархический обряд *апофеоза*, т. е. возведения императора после смерти в число богов: на Марсовом поле собирались сенат, народ и воинство, чтобы ирисутствовать ири торжественном сожжении тела: при этом вынускали орла, который взлетая вверх, должен был унести душу умершего на небеса к Юпитеру.

Римская империя. Не обладая военными талантами Цезаря, Август однако сумел сохранить размеры и величие империи. Для того, чтобы иметь иротивовес парфянам, он посадил царем в Армении, государстве иромежуточном, Тиграна, армянского иринца, получившего воспитание в Риме. Мир с парфянами был нужен Августу особенно потому, что через их владения, по Иранскому плоскогорию шел нуть к странам Дальнего Востока, Бактрии и Индии. В отчете своем римскому народу он записал, как важное событие: «ко мне не раз индийские цари ирисылали посольства, никогда до тех пор не в123данные ни ири ком из римских вождей». Во время своего иутешествия на восток ему привелось иринимать в Афинах индусов: сильное впечатление произвел на римлян прибывший из Индии монах *самосожигатель*, который в ирисутетвии многочисленной нублики сложнл себе костер и в радостном озарении бросился в пламя.

Иной политики держался Август на северной границе, где стояла большая часть легионов, и где надо было обезопасить Галлию, Италию и Грецию от нападения варваров средней Европы. Римляне усмирили беспокойных горцев, гнездившихся в Альпах, покорили страны, лежащие между Адриатическим морем и Дунаем (нынешние Баварию, Австрию и Югославию), несколько раз ходили за Рейн, чтобы замирить германские племена, соседиие с Галлией.

Прославляя дела Августа, Гораций говорит: «от страны восхода солнца и до края его заката царит величие империи . . . никто не смеет нарушить приказы Цезаря, ни те, кто пьет воду глубокого Дуная, ни геты (во Фракии), ни шелководы (т. е. китайцы), ни коварные персы (т. е. парфяне), ни уроженцы далекого края у Дона». Действительно, до той поры не было на свете такого всемогущего и многообъемлющего государства. Держава Ахеменндов едва захватывала восточные края Европы и Африки, и при своей попытке расшириться дальше на запад, потерпела крушение.' Государство Александра было больше персидского, так как включало Балканский полуостров и достигало середины Индии; но оно также не обнимало западной части Старого Света, а к тому же быстро разрушилось. Римская империя, несравненно большая протяжением, чем персидская и эллинистическая, правда, не заходила так далеко, как они, в глубиину Азии, но за то была гораздо разнообразнее по составу принадлежавших к ней народностей; притом в Африке, казалось, римлянам принадлежит вся обитаемая земля, так как в глазах культурных народов, живших кругом Средиземного моря, материк этот кончался на юге бесплодной Сахарой; в Европе предполагали границы империи близкими к северной окраине жилого мира: уже геты, обитавшие у Дуная, слыли для римлян «обледенелыми».

В отличие от великих держав предшествующего времени, римская империя не видела перед собой равных по силе соперников. Ахеменнды должны были столкнуться с многочисленными воинственными греками; Александру для -того, чтобы захватить весь культурный мир, пришлось бы воевать с Карфагеном и Римом; перед римлянами, после побед над Югуртой, кимврами, Митридатом, такой угрозы уже не было. Укреплению римской империи много помогло новое устройство провинции, введенное Августом и сильно отличавшееся от приемов ресиубликанского времени.

Ресиублика заботилась только о получении дани и об устроении проконсулов и откупщиков, совершенно не принимая во внимание интересы и права покоренного населения. Наместникам не давали жалованья, предоставляя им наживаться вымогательством денег и товаров в провинциях. Управы на них небыло никакой: в римском сенате сидели близкие люди сановника или будущие его преемники, которые вовсе не желали разоблачения его действий. Гражданские войны прибавили еще худшие бедствия для жертв римского управления: Сулла, Помпеи, Цезарь, Брут, Кассий, Антоний во взаимной борьбе налетали на провинции грозой, точно новые завоеватели, отнимали запасы, расстраивали торговлю. Октавиан также участвовал в этих грабежах и насилиях, когда вел борьбу за власть. Но, сделавшись единственным обладателем всей державы, он сразу почувствовал необходимость перемены. Август предпринимает поездки по провинциям, присматривается к обычаям населения, старается приобрести расположение божества, почитаемого в каждой из стран.

Так в Иерусалимском храме он заказал иудейскому первосвящениику приносить ежедневно жертву за здоровье императорской семьи; его иреемник Тиберий усердно чтил богов Египта и велел себя изобразить, в одежде фараона, приносящим подарки Изнде и Хору. (Тиберий правил от 14 до 39 г. после Р. Х.)

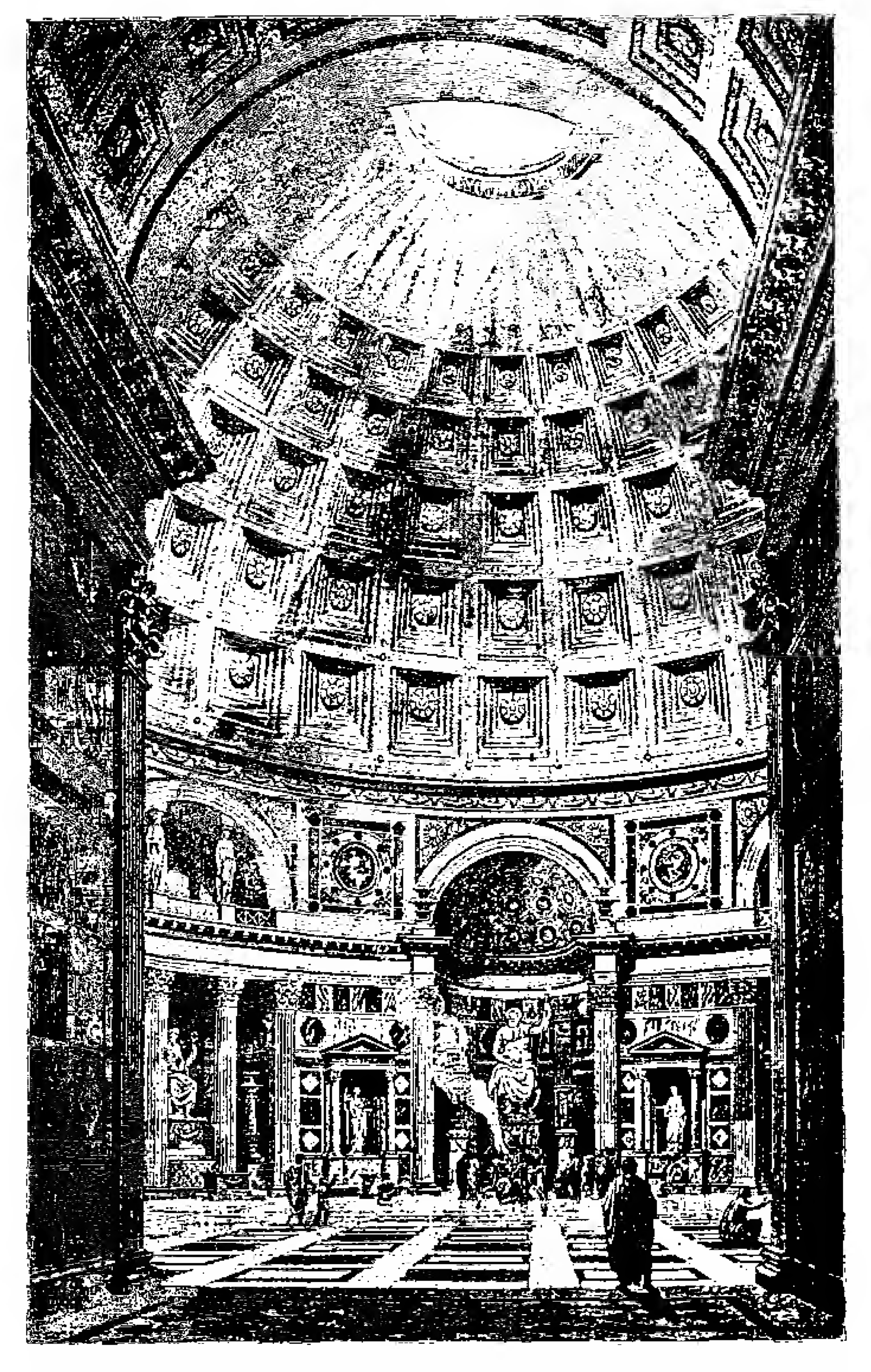
Всюду в покоренных странах хотел император прослыть благодетелем человечества, Спасителем людей. В каждой ировинции Августа иричисляли вместе с богиней Ромой (так по-латыни зовется город Рим) к лику туземных богов. Самые богатые и знатные люди в ировинциях выбирали из своей среды жрецов для вознесения молитв этим земным божествам и для устройства торжественных игр в день рождения государя. К этому обычаю, который водился уже раньше в эллинистических государствах, Август ирибавил важное нововведение: в главном городе каждой области (напр. для Галлии в Лугдуне, нын. Лионе) собирались выборные от всех остальных городов, чтобы обсудить положение ировинций. В большом открытом иисьме, посылавшемся в Рим, провинциальное собрание выражало или благодарность за хорошее и внимательное уиравление, или жалобу на поведение наместника, если он показал себя жадным и несправедливым; в последнем случае собрание выбирало из своей среды ходатаев для отиравления в Рим, где им иркходилось защищать свое дело в самом сенате.

Римское иравительство признало таким образом за подданными важное ираво судить об управлении, а вместе с тем получило средство проверять своих наместников и держать их в страхе. Резкая разница между господствующим народом и народами покоренными, существовавшая ири ресиублике, стала исчезать: Италия, которая была ирежде свободна от налогов, платила их теперь одинаково с ировинциями.

Римляне сделались постепенно из разрушителей всеобщими миротворцами и возродителями жизни народов. Забывши старую ненависть к Карфагену, восстановили оии теперь город на ирежнем месте и с прежним именем. Много работы положили римские иравители на восстановление разоренных и разрушенных храмов в Афинах, Олимпии, Дельфах; греческим морякам оказывали содействие в морской торговле с Индией и ради этого возобновили заброшенный канал, соедииявший через Нил Средиземное море с Аравийским заливом. Галлия и Испания покрылись рядом цветущих городов, построенных на римский манер, с мощеными улицами, водопроводом, портиками (открытыми галлереями) вокруг форума (главной площади), термами (обширными сооружениями для бань и купален), громадным амфитеатром, который мог вместить почти все. население города, школами и иубличной библиотекой.

Из всех народов, вошедшив в состав империи, только с нудеями римляне не могли поладить.

Казалось, религия нудейская в том внде, как она сложнлась ■ после возвращения из вавилонского плена, должна бы более

Впутреппий вид Паптеопа (большого храма с куполообразпой крышей, построеппого в Риме Агриппой, соратпиком Октавиапа-Августа).

всего удовлетворить образованных людей Греции и Рима. Иудеи держались строгого единобожия; Бог представлялся им далеким от человеческих страстей, чистым и высоким духовным началом; всякие изображения Его были строго восирещены. В молитвенных домах пудейских, синагогах, не было ни пышности богослужения, ни вообще каких-либо обрядов, напоминавших старинное волшебство; читались священные книги (закон и пророки), на их тексты произносились проповеди и велись беседы. Евреи сами усиленно распространяли свою веру среди иноплеменников: очень охотно иринимали они в свою среду прозелитов (вновь посвященных). Ученый Филон, приезжавший ири императоре Кае, иравиуке Августа, из Алексаидрии в Рим ходатаем за ирава египетских пудеев, старался в своих сочинениях показать, что пудейская религия — самая старинная в свете, и что она ближе всего к разумной философии.

Но были также обстоятельства, которые мешали распространению иудейской религии среди других народов римской империи. Иудеи показывали себя слишком нетерпимыми к обычаям язычников (так по славянски переведено еврейское выражение «племена», под которым разумелись все посторонние народы, кроме Израиля, народа Божия). Никоим образом не могли они согласиться на обоготворение императора, принятое во всей империи. А главное — большинство верило, что придет Мессия, по гречески Христос, т. е. помазанник Божий, из старинного рода Давидова, который даст Израилю торжество над всеми остальными народами мира.

В самом иудействе образовалось резкое разделение на партии. Саддукеи, т. е. иерусалимская аристократия, из которой набирались священники, служившие ири громадном храме, получали большой доход от взносов верующих, рассеянных по всем концам света; по большей части равнодушные к делам веры, они были заинтересованы в том, чтобы сохранить мир и дружбу с римскими властями. Иные взгляды были у фарисеев, ученых знатоков Писания, также сосредоточенных около храма и заседавших вместе со священниками в синедрионе, высшем совете и суде иерусалимском. В кругах фарисеев и жила главным образом вера в Мессию, приход которого ожидался в виде награды за долготерпение народа и за строгое выполнение верующими всех обрядов, иредписанных законом. Из фарисеев одни были мирно настроены, но другие, в качестве зелотов (ревнителей) торопились осуществить насильственным способом царство Божие, т. е. господство избранного народа. Из зелотов вместе со степными удальцами и разбойниками составлялись отряды, которые бродили но окраине пустыни и гнездились в горных замках, всегда готовые к восстанию.

Часть верующих, в Палестине называвшиеся ессеями, не признавали действительной силы за обрядами, относились к великолепному храму безразлично, но не хотели и возстания. Ессеи понимали наступление царства Божия, как духовное

перерождение человека, как жизнь не от мира сего. Многие из них жили вне городов, в простом и умеренном быту, составляя общины, где не было разделения имуществ по отдельным семьям, молились, по утрам, обращаясь лицом к восходящему солнцу.

Коренные пудеи с прозелитами составляли многочислениую, богатую и просвещенпую силу в тогдашнем мире: значительная часть пудейства жила за пределами империи, в государстве парфянском, на местах, куда переселили евреев ассирийские и халдейские завоеватели, особенно в Вавилоне. Иудеи палестинские, малоазийские, египетские, римские и вавилонские находились в оживленных сношениях между собою, как деловых, так и умственных: горячо интересовались верующие всех стран тем, что делается в Иудее около великого храма.

Борьба Рима с иудейством. В 66 году после Р. Х. ири императоре Нероне, иравпуке Августа, отряд зелотов захватил Иерусалим, изрубивши римский гарнизон. Вся Иудея поднялась, и даже храмовая аристократия должна была поневоле присоединиться к мятежникам. Заволновались пудеи в Египте и Кирене; палестинцам готовы были помочь вавилонские колонисты.

Император поручил подавить восстание начальнику сирийских легионов Флавию Веспасиапу, родом из откупщиков, успевшему прославиться завоеванием Британнии (нынешней Англии). В открытом поле пудеи не могли сопротивляться римским легионам, и Веспасиан быстро окружил очаг мятежа, загнав восстанцев в крепости и лишив их возможности получить поддержку от своих единоплеменников из других стран. Пока он готовился к осаде неприступной твердыни Иерусалима, в западной части империи и в самой Италии произошли бурные события.

Против Нерона, капризного и развращенного тиранна, неспособного ни к войне, ни к управлению, поднялись легионы, стоявшие в Галлии, Испании и на рейнской границе. Покипутый преторьянцами, отвергпутый сенатом, Нерон в отчаянии покончил с собою, и с его смертью прекратилась династия Юлиев — Клавдиев, основанная Августом (Все время ее господства 42 г. до Р. Х. — 68 после Р. Х.). Обнаружилось ясно, что императорская власть держится войском, но легионы, стоявшие в разных частях империи, не могли сойтись на одном избраннике: императора, выбранного солдатами Испании и Галлии, убил другой, назначенный преторьянцами; этого в свою очередь победил император, выдвипутый рейнскими легионами, и, наконец, верх взяли сторонники Веспасиана, провозглашенного сирийскими и дунайскими войсками.

Доканчивать войиу с пудеями пришлось сыиу Веспасиана Титу, он очень хотел завладеть знаменитым иерусалимским храмом, но зелоты, готовые защищаться до последней крайности, немилосердно резавшие всех, кто с ними был несогласен, сами

разобрали великолепное здание на крепостные валы; отбивая страшный штурм противника, они зажгли остатки храма так, что римлянам в Иерусалиме достались только дымящиеся развалины. Так же отчаянно бились восстанцы в других крепостях; когда

Плeпный дакиец.

римляне на седьмой год войны ворьались в замок Масаду у Мертвого моря, они нашли там только трупы последних защитников, покончивших самоубийством.

Основанная Веспасианом династия Флавиев (69—96 по Р. Х.) очень гордилась подавлением восстания на востоке, столь грозного для империи. Во вновь построенном святилище богини

Мира были помещены взятые в иерусалимском храме семирукии светильник и стол хлебов предложения. Каторжной работой пленных евреев, десятками тысяч привезенных в Италию, был воздвигнут громадный амфитеатр, получивший имя Колоссея или Колизея; в течение многих лет на потеху римской толпы в нем выводили против дикого зверья брошенных в тюрьмы участников восстания. Флавии все еще боялись, что опять вспыхнет мятеж, разыскивали и казнили потомков Давида. От схваченных беглецов требовали, чтобы они кланялись статуе императора, признавали его единственным государем на земле; многие геройски терпели мучительные пытки и все таки твердили: «нет государя, кроме Бога».

Гибель Иерусалима иринесла крупиую перемепу в верованиях и устройстве пудеев. Вместе с исчезновением храма кончилось управление священников; саддукеи, всегда равнодушные к вере, бросали ключи от храмовых затворов кверху, с дерзким вызовом к Богу, чтобы Он сам теперь берег их. Единственными руководителями народа остались раввины, книжники и учителя. Среди них стало нарастать резкое разделение. В северных колониях, сирийских и малоазийских, близких к греческой культуре, получили перевес проповедники царства Божия не от мира сего, которые, подобно ессеям, и без того не связывали с храмом надежды на спасение людей. В Палестине, Египте и Вавилоне, напротив, осталось больше последователей фарисейства; не отчаявшись в приходе Мессии, они удвоили ревность в исполнении обрядов; затаив месть против нечестивого Вавилона, как у них иносказательно назывался Рим, эти непримиримые иудеи дожидались случая опять поднять восстание.

Между тем в империи снова произошла смена династии. Третий из Флавиев, Домициан, похожий на Нерона, истребивший сам свое родство, погиб от руки собственных слуг. Выдвипутый сенатом старик Нерва поспешил опереться на'войско, усыновил и назначил своим наследником главнокомандующего рейнской армией Траяна, родом из римской колонии в Испании. Траян (98—117 по Р. Х.), не смотря на свои годы — ему исполнилось ко времени императорства 45 лет — оказался неистовым завоевателем, наподобие Александра.

Его первая война была направлена на дакийцев, обитателей страны между Карпатами, Прутом и Дунаем (в нынешней Венгрии, Трансильвании и Румынии), беспокоивших своими набегами римские провинции Иллирию (нын. Боснию, Сербию, Далмацию) и Мёзию (Болгарию). Траян проложил военпую дорогу в Дакию, построил большой каменный мост через Дунай у Железных ворот, проник в горный край Трансильванских Карпат, разрушил замки дакийцев, значительпую часть их переселил впутрь империи, а на их место посадил ветеранов и колонистов из разных концов империи. К римской державе прибавилась за Дунаем обширная провинция Дакия; несмотря на удаленность от Рима, в ней до нашего времени сохранился язык,

близкий к латинскому, и население продолжает называться румынами (т. е. римлянами). На восточном краю новой провинции в стороиу черноморских степей император возвел непрерывный ряд укреплений: в нынешней Бессарабии есть следы Траянова вала.

Совсем иной характер носило другое завоевание Траяна. Уже стариком 62 лет он двииул большие силы через Антиохию на завоевание парфянского государства: переправившись через Евфрат, покорил он Армению, Месопотамию и Ассирию, обратил их в римские провинции, взял парфянскую столицу, Ктезифон, на Тигре, и заставил парфян признать свою зависимость от Рима. Но в то время, как император, подойдя к Персидскому заливу, обдумывал поход в Иидию, в тылу у него вспыхиуло восстание: поднялись месопотамские евреи, подданные парфян, очень обеспокоенные завоеванием Траяна; с ними соединились евреи имперские в Палестине, Египте и на Киире.

Хотя восстание было подавлено в потоках крови Лузием

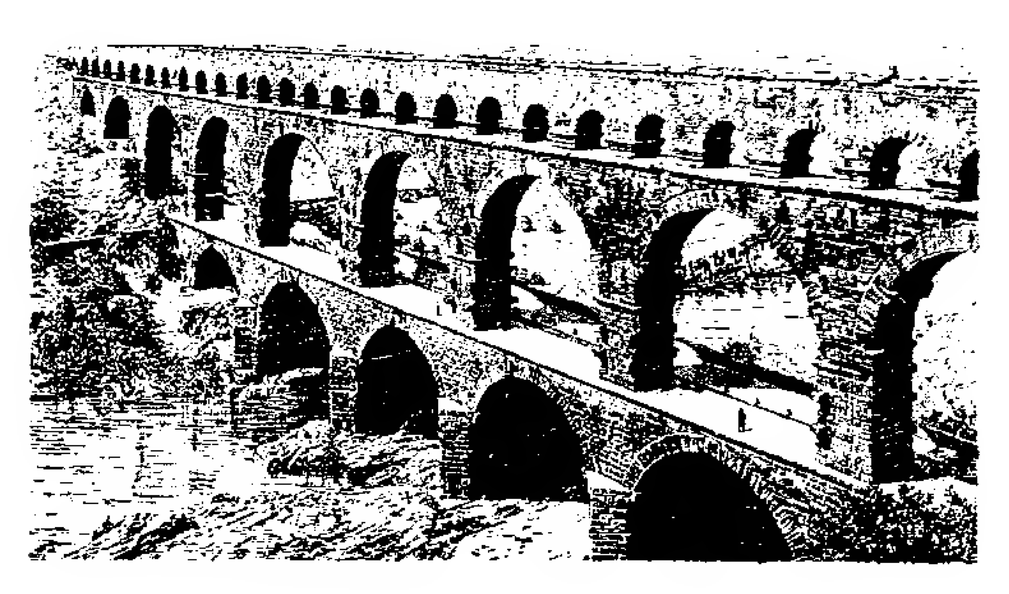

Траяп.

Квиетом, мавританским киязем на римской службе, но предприятие Траяна потерпело крушение: императору пришлось спешно отступать. На возвратном иути в Рим Траян умер; усыновленный им Адриан (117—138 по Р. Х.) заключил мир с парфянами, отдал им Ктезифон, отказался от Ассирии и Месопотамии. Адриан хотел во всем поступать наперекор своему иредшествен-

нику; так он обещал евреям восстановление Иерусалима и даже самого храма. Но у этого императора был чрезвычайно непостоянный нрав. На холмах иерусалимских он стал строить город в грекоримском вкусе, дал ему имя Элии Капитолииы, поздвиг в нем храм Юпитеру. Обмаиутые в своих ожиданпях евреи снова подпялись — в третий раз. Восстанием руководил зелот Симон, назвавшийся Бар-Кохба, т. е. сыном звезды; его признал Мессией раввин Бен-Акиба, славнейший ученый нудейского мира. По своему упорству эта война превзошла все предшествующие. Римлянам пришлось стяиуть большие силы в Палестину и биться чуть не за каждый поселок; при взятии укрепленного Бетхара, близ Иерусалима, Бар-Кохба погиб.

Последняя отчаянная борьба за независимость обратила Иу-

Остаiки римского водопровода (в южной Фрапции).

дею в совершенную нустыню. Надежды фарисеев на возрождение национального царства разбились окончательно. Теперь сторонники старых обрядов и верований не могли уже увлечь новых прозелитов; они выиуждены были замкнуться в тесной среде своей народности. Иная судьба выпала на долю тех, кто еще до восстанпя понимал приход Мессии, или Христа, в духовном смысле и верил в него, как просветителя людей: не затронутые страшным концом иерусалимского иудейства, эти свободомыслящие нудеи учили, что Христос уже приходил, пострадал за народ свой, был распят и воскрес для того, чтобы вновь придти во славе небесной и создать Новый Иерусалим, невидимый град Божий, т. е. общину святых и чистых верою.

Сначала апостолы (странствующие проповедники) обращались только к иудейским колониям, не решаясь идти с проповедью о Христе к язычникам и считая, что истина открыта лишь для избранного народа Божия. Но апостол Павел, иудей из малоазийского города Тарса, проникнутый греческой культурой, без колебания обратился к иноплеменникам: переезжая из одного города в другой, произнося на греческом языке пламенные Проповеди, он соединил в Малой Азии, Греции, Македонии множество новообращенных в общины, которые стали называться экклесиями (так по-гречески переведено было иудейское слово кагал, что значит «собрание»; по-славянски стали употреблять слово церковь, происходящее от другого греческого выражения — кириакон, что значит «община Господня»).

Хотя экклесии, или церкви, основанные Павлом и другими проповедниками, отклонились от иудейства, римские власти долго еще относились недоверчиво к последователям новой веры. Их звали хрестианами, потому что Хрест был обычное имя среди рабов и простолюдинов, где новая вера находила себе более всего сочувствия, или христианами от имени Христа, которого церкви признавали своим духовным владыкой.

Сближение религий. Получивши господство над всем почти культурным миром, или — как тогда говорили — над вселенной, римляне стали утрачивать свой народный характер. В сельском хозяйстве, в работорговле, в обращении с рабами они повторяли ионийские обычаи; порядки городского управления они взяли из эллинистических городов Александрии и Антиохии; в литературе, искусстве они подражали грекам; из Греции же вывозили они домашнюю обстановку и художественные вещи. В свою очередь римляне перенесли в завоеванные ими Галлию, Африку, Испанию свой язык и свои привычки: они романизовали Запад так же, как раньше греки эллинизовали Восток.

От таких перенесений и заимствований быта народы, населявшие разные страны вокруг Средиземного моря, становились более похожими друг на друга. Сближение между ними все увеличивалось благодаря оживленной торговле и путешествиям, которые теперь так легко совершались по морю под покровительством римской державы. Молодые римляне отправлялись учиться в Афины изящным искусствам, на о. Родос стремились в ораторскую школу, в финикийском Берите (нын. Бейруте) посещали школу юридическую (для изучения законов и судебного дела). Обратно на запад прибывали из Сирии, Палестины, Египта, Малой Азии торговцы, ремесленники, художники, учителя, проповедники.

Переселенцы приносили с собою свое богопочитание: египтяне познакомили римлян с Изидой, Озирисом и Сераписом, малоазийцы с Кибелой, Великой матерью богов. Возвращались с чужеземными богами и римляне из своих походов: так у раз-

громленных Помпеем морских разбойников узнали римские солдаты о персидском боге свста Митре, который в свою очередь перешел к пиратам из государства Митридата понтийского. Во

Митра, в качестве Спасителя человечества, обычпо изображается закалающим в жертву быка.

времена ресиублики римские власти, оберегая стариину, не доиускали чужих богов внутрь городской черты Рима. Теперь, при императорах, когда народы сблизились, было позволено строить храмы посторонним божествам в самой столице: число их почи-

тателей становится все больше, а своих, италийских богов, все более забывают.

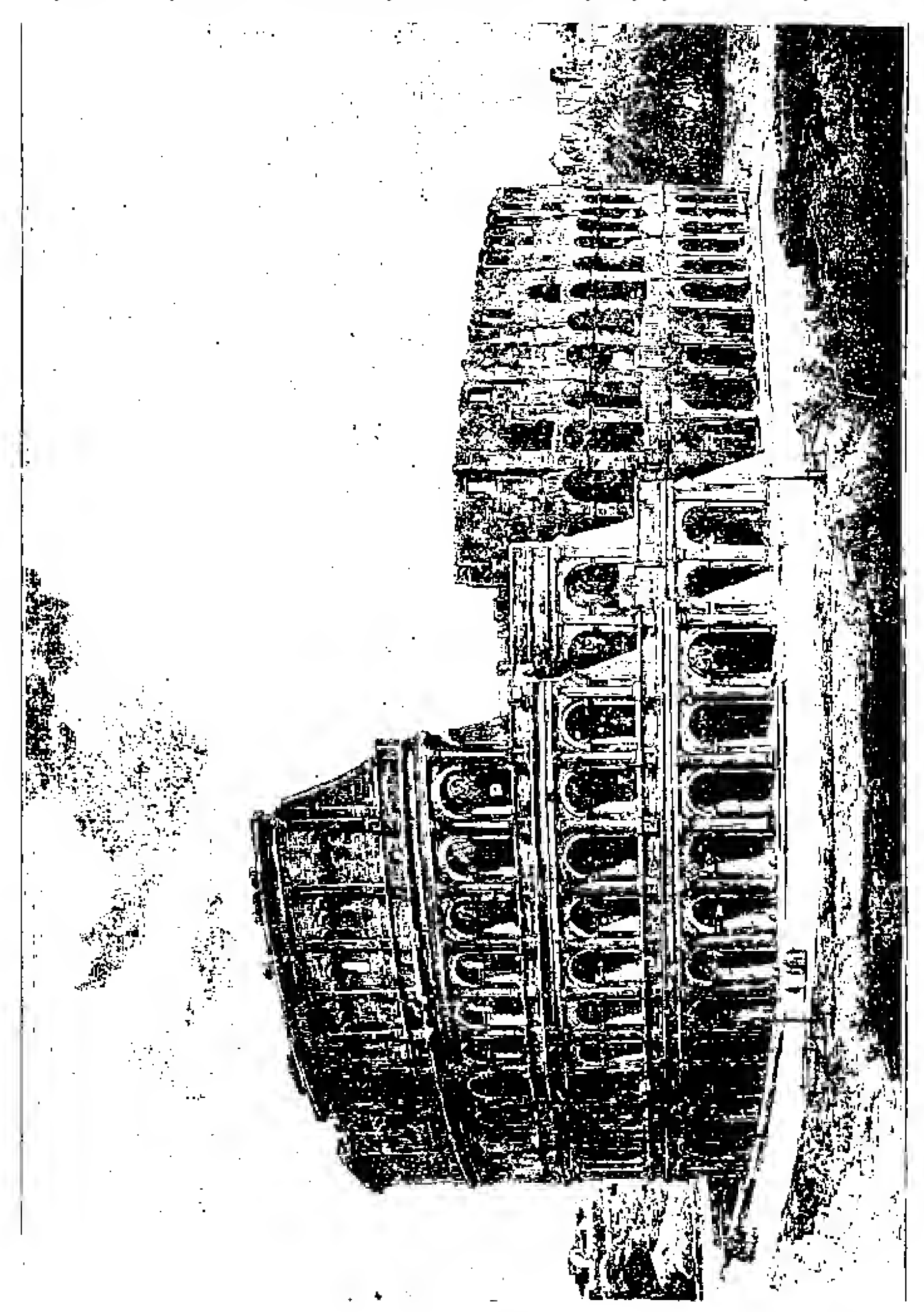
Подобно народам сближаются между собою и религии, заимствуя одна от другой. Повсюду распространяется учение Заратустры о бессмертии души, о разделении после смерти душ грешников и иразедников, о страшном суде Божием; во всех странах иринимают египетскую веру в бога умершего, нисходившего в ад и победившего смерть, ирнчем греки переносят сказание о страданиях и воскресении Озириса на своего Диониса, сирийцы на Адониса, бога цветущей весны, римские солдаты на Митру.

Молитвы и обряды также ириияли иной характер. Между тем как прежде обращались к богам только консулы и понтифики от имени всего народа, теперь каждый верующий стремился сам иприблизиться к божеству, найти своего искупителя, целителя, спасителя от болезней и несчастий. Для этого нового вида богопочитания жрецов не существовало; верующие составляли дружеские союзы (коллегии, как их называли римляне), собирали в своей среде взносы на общие братские трапезы, на погребение своих сочленов, выстраивали большие общие дома (схолы), в которых наверху происходило богослужение, а низ служил усыпальницей. В то-время как все больше становилось таких братских молельных домов, иустели храмы, где иприносились жертвы от имени государства приставленными к делу богослужения священниками.

Среди обрядов и верований, прибывших в Грецию и Италию из чужих стран, были дикие суеверия, напоминавшие колдовскую стариину. Таков был обычай самобичевания, у поклонников малоазийской Кибелы, наносивших себе кровавые раны, чтобы страданиями заслужить спасение. Такова была тавроболия, т. е. очищение кровью жертвенного быка: подвергавшийся этому обряду сиускался в землянку, закрытую сверху иродырявленными досками, на которых происходило заклание: весь облитый свежей кровью жертвы, выходил он на свет божий с верой в искупление своих грехов и избавление от несчастий. Таковы, наконец, были таинственниые заклинания некромантов, т. е. воскрешателей мертвых, производивших свое волшебство из Египта.

Ученые или философы, как они назывались у греков, в воиросах веры разделялись на две стороны. Эпикурейцы, последователи Эпикура, с о. Самоса, учившего во времена диадохов в Афинах, находили, что в мпре нет ни справедливости, ни благого Провидения; так как вся религия состоит из суеверий, образованному человеку не стоит о ней безпокоиться. Иначе смотрели стоики (последователи Зенона, с о. Кипра, современника Эникура, выступавшего в афинской галлерее сто а), которые старались создать религию, согласиую с разумом, иросветить ею народ, вытеснить грубые обычаи и колдовство. По их учению, в мире лишь одно божество — первоначальный огонь,

или тепло, от которого идст жизнь и произрастание всех существ; частицу этого жизнетворного начала составляет человеческая душа; служение божеству, как чистому духу, не донускающее

изображений, не должно выражаться в пышных жертвах. В мире все разумно устроено, все дела направляет благое Провидение; человек обязан выполнять лежащий на нем иравственный долг, идти по иути справедливости, который ему указан разумом, воздерживаться от зла, вести иростую и умерениую жизнь; не надо привязываться к своей стране и своему народу; все люди — к о с м о п о л и т ы ; по своей природе они равны между собою, они должны помогать ближиим, мягко обращаться с рабами, любить всех, даже врагов своих.

Марк Аврелий.

Учение стоиков вполне разделяли два императора: усыновленный Адрианом Антонин, по прозванию Пий (благочестивый), и усыновленный Антониной Марк Аврелий Философ. Подобно иидийскому иравителю, царю Ашоке, эти два правителя (138—180 по Р. Х.) готовы были насаждать в империи религию разума, проповедовать добрые иравы и совершать дела благотворительности. Марк Аврелий учил: «люби ближнего, даже и того, кто тебя обижает». «Старайся исправить тех, кто огорчает тебя, и если ты не в силах сделать это, помни, что твоя первая обязанность оказывать им добро, и что ты сам себе благотворишь, когда делаешь другим добро». Каждый день мо-

лился он о благе своих близких, постился и утомлял себя лишениями, чтобы спасти свою душу.

Озабоченные теми же мыслями, многие стоики и киники, проповедники бедности и воздержания, стали вступать в христианские общины, считая, что в учении христиан они нашли разумпую религию. Один из новообращенных в христианство, философ Юстин подал императору Антонипу апологию (защиту) христианства. Юстин требует, чтобы христиан не преследовали по одному подозрению, из за одного их имени, чтобы выслушивали их оправдания на суде. Он говорит, что истинная вера подготовлена священными книгами еврейскими; сам грек, он ставит пудейских пророков выше греческих мудрецов; в его глазах последний и высший из пророков Иисус Христос, завершил своей жизнью, страданиями и учением весь круг божественной философии. Как настоящий стоик, Юстин предлагает императору истребить в народе суеверия и идолопоклонство, снять в Риме грубые изображения богов.

Начало общехристианской церкви. Больше всего было христиан в Малой Азии, где началась впервые проповедь среди язычников. Скоро христианские общины появились в Сирии, в Египте, а затем и в римской западной половине империи, в Италии, Галлии, Испании, Африке. Все они находились между собою в оживленных сношениях, посылали друг другу братские письма, отправляли проповедников и учителей. Главные руководители христианских общин, епископы, считавшиеся преемниками первых апостолов, стали стремиться к объединению церквей разных народов и стран в один большой союз, вселенскую церковь, в пределах которой, подобно империи, должны объединиться со временем все народы. Ради этой цели они прежде всего установили канон, т. е. состав обязательных для всех христиан священных книг: из множества еванг-елий, рассказывающих о земной жизни Спасителя, выбрали 4, признанные единственно правильными; эти евангелия и послания апостолов, где излагается учение о спасении верой в Воскресшего, соединили в Новый Завет, который отныне заменил собой Завет Ветхий, данный израильтянам и устами пророков возвестивший Христа.

В деле объединения участие греческих ученых оказало большую услугу христианским церквам; но оно также принесло и много новых затруднений. Греки всегда были большими спорщиками, всегда делились на ереси (обособленные кружки). Так и теперь часть новообращенных составила ересь, считая, что евангелие рассказывает не о подлинных земных событиях: Христа-человека в действительности не было, его образ только мнимый, мысленный (по-гречески «докет», откуда название и самих еретиков докетами). Епископы часто собирались на синоды (съезды) для того, чтобы выработать одно общее одинаковое для всех учение; взгляд докетов подвергся осужде-

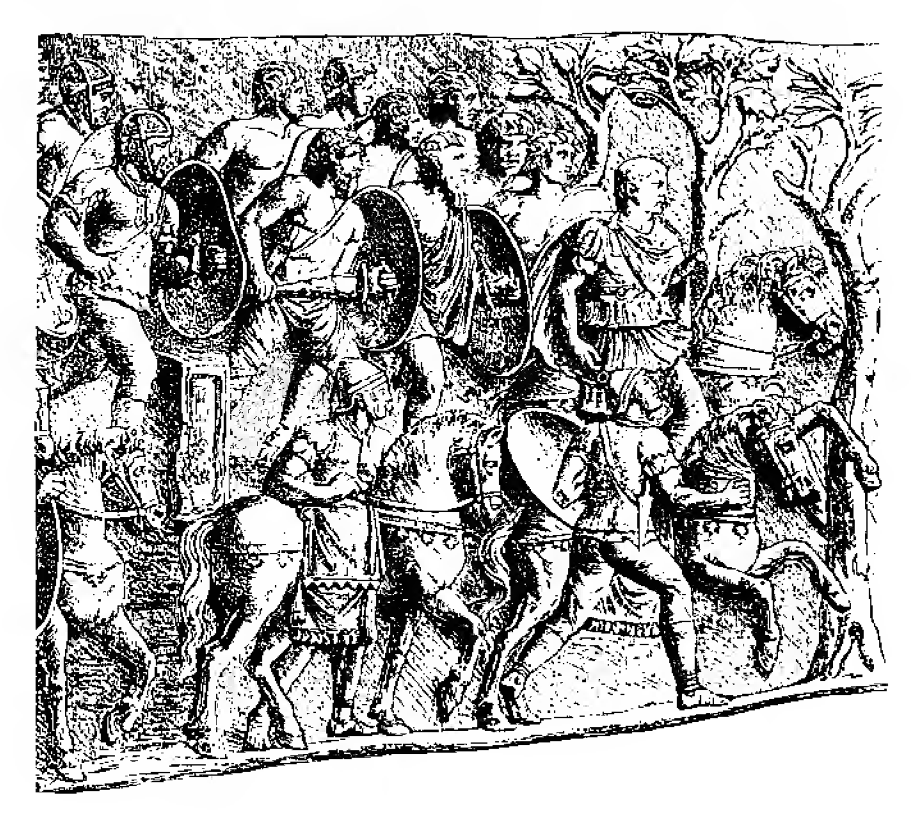
нию, и сами еретики были отлучены от церкви, т. е. устранены из числа истинно-верующих и заслуживающих спасения души.

Среди христиан были такие же ревнители, как в свое время в иудействе ессеи, которые ради соблюдения чистоты иравов избегали сношений с остальными людьми и уходили из городов, где так много соблазна, ведущего к шумной греховной жизни. Африканец Тертуллиан, красноречивый оратор и писатель (160—220 после Р. Х.) считал, что для спасения души своей необходимо отделить себя от язычников и языческой власти, как царства грешных, злых демонов: не следует служить в войске, украшать себя языческими знаками отлнчия, не следует учить в школе, посещать театры, изготовлять статуи и вообще обставлять свою жизнь произведениями искусства; лучше претерпеть мучения, погибпуть смертью, чем уступить язычеству хотя бы в мелочи. Также сурово относились ко всему окружающему монтанисты, последователи малоазиица Монтана, восторженные мечтатели, ожидавшие скорого конца света и близкого пришествия Христова.

Напротив, епископы, желавшие широкого расиространения христианства, а не отделения христиан, как святых, от остального мира, держались иримирительных взглядов: они допускали вступление христиан на военпую й придворпую службу, не мешали ремесленникам и художникам работать на обстановку языческих зданий. Их правило было: «подчиняться власти, так как всякая власть от Бога». Своим твердым умелым управлением епископы снискивали себе большое доверие среди подчиненных: зажиточные люди ириносили им на хранение и отдавали в их распоряжение деньги и вещи, а они иримеияли большую часть скоплявшегося у них церковного имущества на поддержание вдов и сирот, иуждающихся и больных, ириезжавших из чужих стран единоверцев и на выкуп пленных. К епископам обращались также за разрешением споров и тяжеб: других судей христиане не хотели и признавать.

Нашествия германцев и **новоперсидское царство. Во** времена Антонина Пия империя казалась несокрушимой. «Народы, когда-то побежденные Римом — говорит один из современников — забыли уже свою самостоятельность, так как наслаждаются всеми благами мира и иринимают участие во всех почестях. Города империи сияют красотой и привлекательностью, вся страна украшена, как сад. Земля стала, благодаря римлянам, общей родиной. Греки так же, как и варвары, свободно могут странствовать из одного отечества в другое. Не страшны им больше ни малоазийские ущелья, ни пески Аравии, ни варварские орды, для безопасности достаточно принадлежать к римской империи. Римляне вымерили весь свет, замостили реки, обратили пустыни в заселенные края, упорядочили мпр законом и добрыми обычаями».

Самая опасная граница на севере, против варварских народов Средней Европы, была очень сильно укреплена. В северной части Британнии римляне построили два ряда стен со множеством крепостей для защиты от нападения горных скоттов (шотландцев). На материке от Северного моря вдоль теченпя Рейна стояли легионы в укреиленных городах: Колонии Агриппинской (Кёльне), Августе Тревиров

Германская стража Траяпа.

(Трире), Аргент-орате (Страсбурге); от середины Рейна к верхнему течению Дуная опять шел крепостной вал,- отгораживая в сторону империи юговосточный угол Германии. Дальше по Дунаю выстроены были укреиленные города: Виндобона (Вена), Аквинк (Будапешт), Сирмий (недалеко от Белграда); дунайская линия замыкалась на востоке укреиленными валами, протянувшимися между Карпатами и Черным морем и загораживавшими доступ к империи со стороны черноморских степей.

Однако всех этих укреплений оказалось недостаточно. Уже при преемнике Антонина Марке Аврелни дунайскую границу прорвало германское илемя маркоманнов, которые перева-

лили через Альпы, разорили северпую Италию, увели множество плениых. Императору, несмотря на его крайнее миролюбие, иришлось вести упорнейшую войиу, чтобы ирогнать варваров и опять восстановить границу. С этой поры набеги германцев из-за Дуная и Рейна не ирекращались.

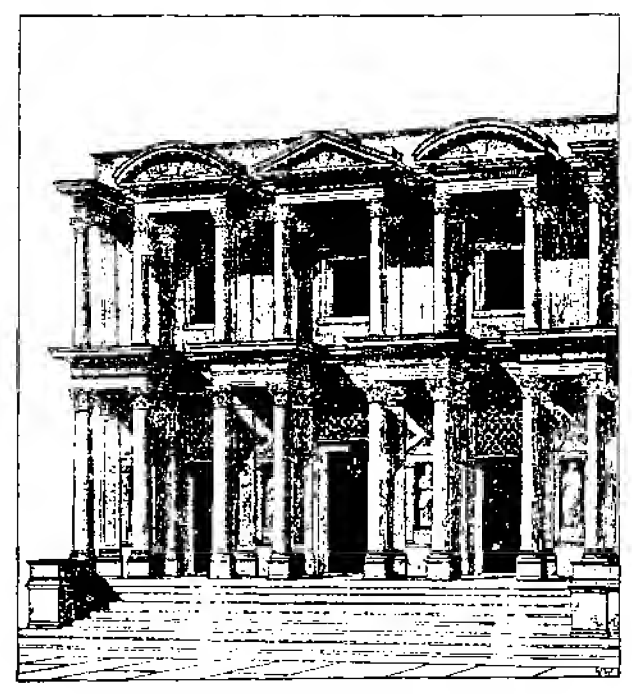

Фаустипа (жепа Марка Аврелия).

Другая опасность подиялась для римской империи с востока. В 227 г. по Р. Х. владетель Персии, подчиненной парфянам, Ардашир, из рода С а с с а н и д о в, считавший себя потомком Дария Гистаспа, сверг великого парфянского царя и опять восстановил господство над Ираном персов, потерянное за 500 лет до того (в 330 г. до Р. Х.). Для окружающего мира этот переворот имел очень большое значение. В то время как парфянские цари охотно сближались с греками, иринимали от них обычаи, выбрали своей столицей греческий город Ктезифон, Сассаниды вериулись к старой столице П е р с е п о л ю, в глубине Ирана, объявили неиримиримую вражду всему, что напоминало Европу н запад. В имени И с к а н д е р а - Р у м и, т. е. Алексаидра римского, персы соединили зараз ненавистных им греков и римлян: по словам сказания, злой демон этот сжег книги откровения, и только чудом восстановил их «служитель Агурамазды» Ардашир.

Сассаниды загородили римлянам иути в Иидию, Бактрию и Китай. Мало того: они мечтали возродить ирежние размеры великого государства Ахеменидов: Ардашир послал римлянам торжественное требование очистить Азию.

Новой династии помогли подняться священники (м о б е д ы) и в свою очередь Сассаниды усердно поддерживали почитание огия и религию Заратустры. Христианской проповеди они не хотели давать места у себя, опасаясь, что вместе с ней придет влияние греков и римлян. Когда в 238 году выступил в новопер-

Библиотека в Эфесе, времепи римской империи.

сидском государстве ироповедником Мани, пытавшийся соединить религию Заратустры и индийское учение о переселении душ с хпистианством, его выпудили бежать за пределы державы; в старости Мани решился опять вериуться домой, но был схвачен и казнен; его последователи, м а н и х е и, нашли себе место в римской империи.

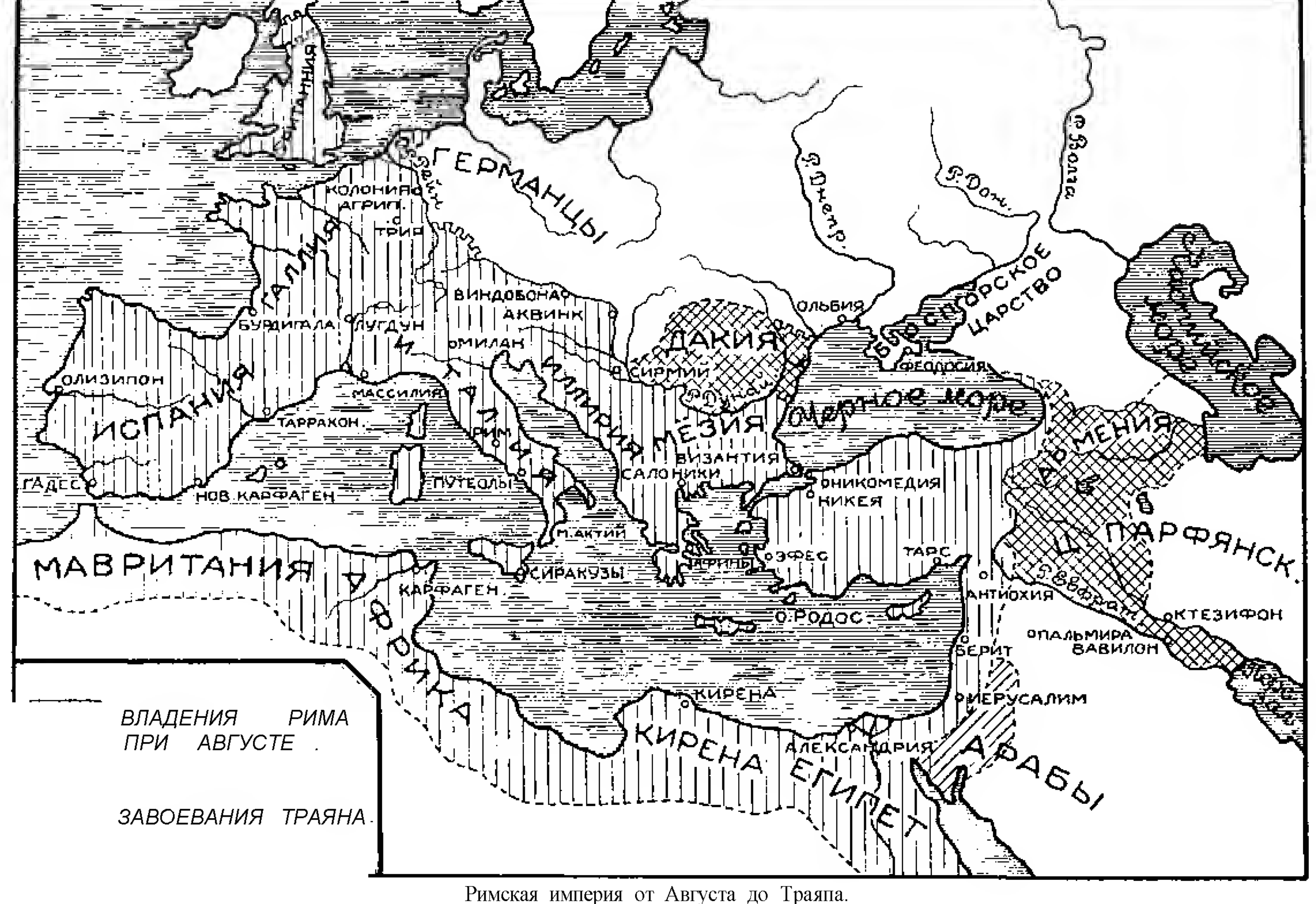
В то время как Ардашир и сын его Шаиур отнимали у римлян Армению и земли по Евфрату, через нижний Дунай вторглось германское племя г о т о в, кочевавшее в черноморских степях. Готы разгромили цветущие города на Балканском полуострове, Ф и л и п п о м о л ь (в нын. Болгарии) и С а л о н и к и (у Эгейского моря). Император Деций задумал отрезать им возврат в степь; но готы, под начальством Книвы, уничтожили рим-

ское войско. Впервые римский император погиб в борьбе с варварами (251 г. по Р. X.); скоро иришлось отказаться и от задунайской провинции Дакии, завоеванной Траяном.

Римский легионер.

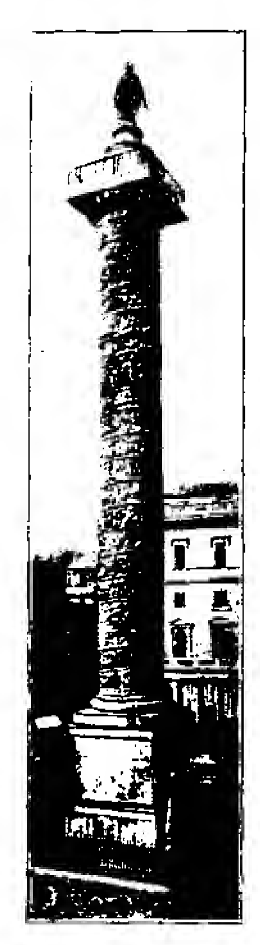
Преемник Деция, Валериан, разбитый персами, попал в илен к шах-ин-шаху (царю царей) Шаиуру, который после этой победы взял Антиохию и унес громадпую добычу. Рим потерял обаяние непобедимости. На берегу Азовского моря образовался разбойничий лагерь германских народов, откуда они отправлялись в морские набеги: сначала германцы грабили южиое побережье Черного моря, потом сиустились по проливам в море Эгейское, разгромили старогреческие города Афины, Коринф, Спарту: ири нападении их на Эфес сгорел великолепный храм Артемиды, богини-кормилицы людей, одно из семи чудес света, как говорили греки. В то же время германские племена алеманнов и франков, перейдя рейнскую границу, опустошали Галлию.

Римские правители не могли поспеть ко всем угрожаемым границам; наместники были выиуждены, защищаться собственными силами; Галлия, Придунайский край, Сирия, в которой водворился арабский князь, обладатель оаза Пальмиры, вовсе отделились от империи. Торговля и блестящая жизнь в городах прекратились: забрасывали водопроводы, закрывали библиотеки, школы, перестали ценить книги, произведения искусства; кругозор людей сузился, дни стали скудны и однообразны. Обыватели думали только.о том, как бы за-

Римская империя от Августа до Траяна.

щититься от внезапного налета воителей; мрамор и порфир театров они растаскивали на крепостные стены. Б у р д и г а л а (нын. Бордо), перестроенный из собственных развалин, точно весь сморщился, ставши в иять раз меньше прежиего. Иной город, забросив свои игры и зрелища, смыкался весь на арене своего громадного амфитеатра, выстроенного в лучшие времена: виутри ставились дома, а наружиая стена обращалась в естественную крепость. Земледельцы, разоренные, лишенные крова, бросали свои поля, становились нищими или составляли шайки разбойников; от прекращения работ в деревнях начались голодовки, и народу стало погибать еще больше, чем от военных разгромов.

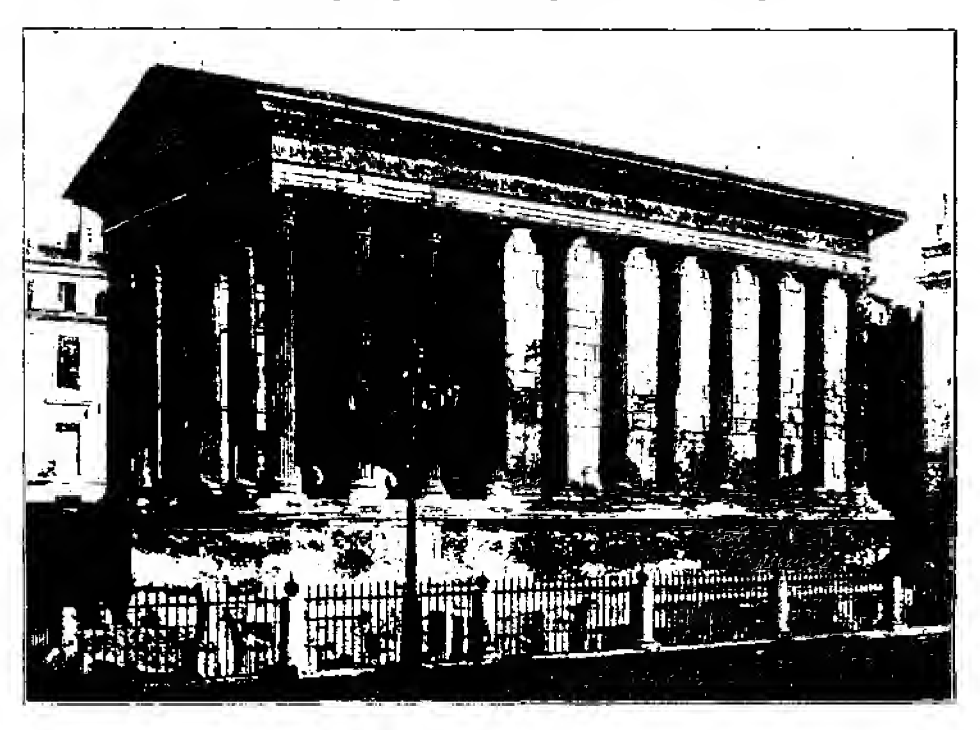
Мраморная колонна Марка Аврелия в Риме.

В империи господство захватили легионы, которым приходилось биться и с варварами, и с персами, охраняя чуть ли не все ировинции. Не обращая внимания на сенат, армии провозглашали своих вождей императорами, но также свергали и убивали их. В течение 35 лет, на которые приходятся самые тяжелые бедствия и нашествия"(235—270 гг. по Р. Х.) сменилось 11 императоров. Войско это было однако римским только по названию. С тех пор как воинственные италийские народцы были истреблены в гражданских смутах, в Италии нельзя было навербовать охотников; солдат набирали из ировинций, особенно пограннчных, где жили суровые горные или степные племена, из германцев, дакийцев, армян, арабов. Полудикари выслуживались до высших чинов, а затем волею солдат получали императорский иуриур: в 235 году императором сделался Максимин Ф р а к и е ц; скоро после него Филипп А р а в и т я н и н, и этому-то уроженцу Востока иривелось отпраздновать тысячелетний юбилей Рима (753 г. до Р. Х. — 247 после Р. Х.).

Для войска и его избранников старые обычаи и учреждения как бы не существовали вовсе; они считали государство на военном положении и обязанным заботиться только о воинстве. Император Максимин Фракиец, чтобы вознаградить армию, велел забрать все суммы, которые иредназначались для общественных игр и зрелищ, из храмов унести все статуи, драгоценности, украшения и вклады, переплавить в деньги не только золото и серебро, но и бронзу. В тяжелое положение государства воинство не вникало: стоило затяпуть уплату жалованья гарнизоиу, охранявшему Восток от гот-

ских нашествий, как раздраженные солдаты обрушились на мирное население и разграбили богатый город.

Из той же военной среды, однако вышли и восстановители империи: Аврелиан (270—75), Диоклетиан (287—305) и Константин (306—337), все трое родом из провинции Иллирии.

Римский храм в Ниме.

Восстановление империи. Аврелиан, неизменно счастливый во всех войнах, отогнал варваров от границ, возвратил империи Сирию и Галлию и воскресил ее в прежнем виде: в сознании этих великих дел, он велел чеканить на монетах свой новый титул «восстановителя вселенной». Чужестранец, всю жизнь проведший в суровых боях далеко от Рима, Аврелиан не мог понять уважения прежних императоров к великому городу и господствовавшей когда-то италийской народности. Вместо реснубликанского имени принцепса он назвался «владыкой и богом», стал появляться в сверкающей алмазами и жемчугами восточной царской одежде, надевать солнечную корону с расходящимися лучами. Подобно Антонинам, Аврелиан хотел скрепить единство империи единой религией; но его вера была непохожа на разумную религию стоика Марка Аврелия: понятия огрубели, императору и его подчиненным нужен был блеск богослужения, таинственно-волшебные действия. Верховным божеством Аврелиан объявил Непобедимое Солнце, почитаемое больше всего в Сирии; император начал ему строить великолепный храм в Риме.

Провозглашенный солдатами, Аврелиан погиб от заговора в своем же войске. Десять лет спустя Диоклетиан, выбранный таким же способом, решил обезпечить монархическую власть от всяких покушений со стороны воинства и установить по своему порядок престолонаследия. Он разделил власть с Максимианом, которого назначил сам из числа преданных ему командиров; два правителя назвались августами и назначили себе двух помощников с титулами цезарей, Констанция Хлора и Галерия. По мысли Диоклетиана, цезари вместе с тем являлись и наследниками августов, которые должны были уступить им власть по прошествии 20 лет правления. Империю разделили на 4 части для того, чтобы у каждой из границ, рейнской, верхнедунайской, нижнедунайской и евсрратской, мог лично командовать войском император.

Все четыре правителя были людьми незнатного происхождения: Диоклетиан — сын вольноотнущенного, Максимиан — крестьянин, Галерий — дакиец, бывших пастух; звание «владыки» должно было поднять их неизмеримо выше подданных и окружить божественным сиянием. Избегая Рима, где было так много реснубликанских привычек, где еще при Траяне дом императора назывался «общественным дворцом», Диоклетиан выбрал столицей своей Никомедию, в северном углу Малой Азии, близ Босфора; отсюда он мог наблюдать одновременно за дунайской границей, Черным морем и Евфратом; здесь он находился близко к Востоку, враждебному и вместе с тем таинственно привлекательному. Назвавшись «воплощенным богом», Диоклетиан завел персидский церемониал земных поклонов перед своей особой; все, что окружало государя, все части дворцового управления получили обозначение «священных» и «божественных»; вместо сената из старинных фамилий, помнивших прежнюю самостоятельность, при нем состояла «святая консистория» из вольноотнущенных и чужестранцев, возвышенных его волею.

Все в государстве должно было служить на пользу войска, для поддержания военных дорог и крепостей, для продовольствования и награждения солдат. Диоклетиан ввел неслыханный раньше поголовный налог, очень удобный для счета в канцеляриях, но крайне обременительный для населения. Каждые 5 лет составлялись списки количества пайков, приходившихся пехотинцам, кавалеристам и офицерам армии. Сумму расходов распределяли по провинциям, где в свою очередь, каждые 5 лет составлялись списки всех владельцев земли и трудящихся в поле. Долю взноса, приходившуюся на каждую провинцию, делили на количество человеческих голов, не соображаясь с тем, сколько они могут действительно получить со своих участков или выработать своим личным трудом. Со страхом ожидали подданные в империи каждой новой индикции, т. е. объявления требуемой государством суммы к началу нового пятилетнего срока.

Так как после разорения в стране было мало золота и серебра, правители собирали подать не деньгами, а натурой,

т. е. товарами. Ремесленники и рабочие, разделенные на цехи по виду занятий, были обязаны заготовить для военных лагерей даром известное количество хлеба, одежды, обуви, оружия, седел, плотничного и каменотесного материала, моряки — даром провезти эти грузы на кораблях, крестьяне доставить на подводах. Чтобы никто не мог уклониться от повинностей, все разряды населения были прикреплены к раз избранным занятиям и местожительству. Куриалы, члены городских советов (курий), не имели права выезда из города, потому что отвечали своим имуществом и личностью за исправное доставление налога; из цеха уйти не позволялось; сын обязан был продолжать занятие отца; крестьяне (колсны) не имели права отлучаться «ни на минуту», как сказано в законе, из имения или деревни, где были приписаны.

Большие провинции римской державы Диоклетиан разбил на множество мелких уездов для того, чтобы легче было следить за поступлением налогов и товаров. Это разделение потребовало большого количества чиновников, заменивших теперь повсюду выборных от населения начальников. Автономия городов, столь привычная для греков и римлян, исчезла; прекратились и провинциальные собрания, установленные Августом. Порядки управления в империи стали похожи на устройство персидской державы времен Дария Гистаспа; так же как там от «ока государева» исходил тайный надзор за сатрапами, и здесь главная канцелярия следила за наместниками и управляющими: всегда наготове держали деловых агентов, отправляемых для ревизий, т. е. проверки действий служащих; в случае неисправности, взяток и т. п. ревизующий немедленно заступал место уличенного. В распоряжении проезжающих чиновников были государственные дороги и почтовые станции, опять как у персов: крестьяне, отрываясь от полевых работ, должны были доставлять им подводы.

Так же как Аврелиан, и Диоклетиан искал в религии скрепляющей силы для восстановления империи. Новые учения, манихейство и христианство, страшили его своей враждой к прежним богам, которых они объявляли темными и злыми демонами; императору казалось, что нет хуже преступления, как пытаться изменить веру предков. Но его собственные поиятия об этой вере были неясны и снутаны: одному только он слепо доверял — волшебству гадателей и предсказаниям оракулов.

С манихеями, как выходцами из враждебной Персии, Диоклетиан расправился очень круто: осудил проповедников на сожжение вместе с их священными книгами. Христиан он долго не решался трогать: они были послушны и спокойны; общехристианская церковь составляло могущественный союз по всей империи; много христиан служило в войске, много было их также при дворе; жена и дочь самого императора держались христианской веры. На преследование христиан его однако натолкнули неудачи в гаданиях.

Считая себя всемогущим, Диоклетиан решил прекратить дороговизну припасов в империи одпим грозным указом, где были определены цены на все товары и все виды заработка; под страхом смертной казни воспрещалось переступать **максимум** (высшую границу цены). На вопрос императора, будет-ли иметь успех эта мера, гадатели сказали, что присутствие при дворе христиан мешает дать благоприятный ответ; крестным знамением своим они разрушают все предсказания. Взволнованный этим сведением, Диоклетиан потребовал, чтобы все придворные и военные принесли языческие жертвы и отреклись от христианства. Его соправитель в восточной части империи, Галерий, который был еще суевернее Диоклетиана, настаивал на мерах более суровых; неумолимую строгость к христианам присоветовал также старинный оракул Аполлона Бранхидского (близ Милета).

Диоклетиан предписал разорять молельные дома христиан и жечь их книги; исполнение указа началось со столицы Никомедии, где в присутствии властей и войска торжественно разрушили большое здание, служившее для христианских собраний и сравияли его с землей. Когда вслед за тем произошел пожар в императорском дворце, и началось восстание в Сприи, эти несчастья были приписаны злому волшебству христиан: епископа Никомедии обезглавили, многих христиан сожгли. Диоклетиан предписал по всем провинциям полное прекращение христианских молитв и обрядов, заключение в тюрьму всех- руководителей собраний от епископа до последнего служителя; не довольствуясь этими мерами, через год он потребовал ареста всех христиан.

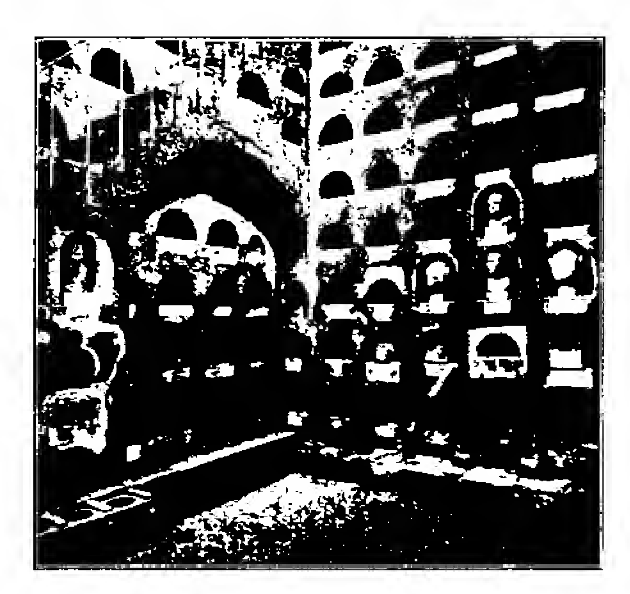
Это был последний отчаянный бой язычества за свое существование. Среди христиан многие, не выдерживая пыток и угроз казни, отрекались от своей веры. Но скоро правители должны были убедиться, что церковь сильнее их, что большинство крепко держится за своих епископов. Простой народ, беднота видели в церкви единственную заступницу: в то время, как государство только тянуло с населения повинности, беспощадно взыскивало недоимки, наказывало и отнимало у трудового люда последние достатки, церковь щедро помогала неимущим, разоренным и выброшенным, выкупала пленных, спасала несостоятельных должников от каторги; притом — что особенно бросалось в глаза — все эти громадные суммы получались из добровольных приношений, без малейшего принуждения. Миллионы выдач церкви создавали ей миллионы новых приверженцев. Поэтому преследования христиан не достигали цели: оттого, что разрушали молельные дома христиан, языческие храмы не наполиялись народом: напротив, по словам императора-гонителя, «все покидают веру в богов и присоединяются к христианской толпе».

Победа вселенской церкви. После отречения от власти Диоклетиана, смущенного неудачей, Галерий на востоке продолжал

жестокую борьбу с христианством, между тем как на западе Констанций Хлор и его сын Константин (с 306 г.) примирились с христианами и даже стали им покровительствовать..

В 311 году Галерий на смертном одре признался в своем бессилии совладать с церковью. «Мы хотели на благо наших подданных и ради возрождения империи восстановить строгие обычаи предков, хотели исправить и христиан, которые высокомерно и безумно сопротивлялись этим обычаям. Но они, пренебрегая опасностями и смертью, упорствуют в своем безумии... Мы решили, из расположения к нашим подданным, дать им опять свободу их собраний: наша к ним милость обяжет их молить за нас Бога».

Два года спустя Константин указом, изданным в Милане (313 г.), подтвердил полную свободу в делах веры и обрядов; христиане получили одинаковые права с последователями других религий. Очень скоро однако Константин стал давать перевес христианской церкви, чувствуя к ней определенное влечение. Силач и гигант, необыкновенно горячий-и отважный, юношей, при дворе Галерия он вздумал бороться со львом; в сражении он всегда был впереди других. Он сознавал себя избранным свыше орудием, чтобы истребить врагов истинного Бога и установить на земле Его царство. Бога он больше всего представл и себе,

Колумбарий (голубиные гнезда) — склен, в нишах которого ставились ногребальные урны с нрахом умерших (христиане заменили этот языческий обычай сожжения тел их ногребением).

как Аврелиан, в чертах Солнца Непобедимого; себя самого он велел однажды изобразить, на стене дворца, солнечным богатырем, пронзающим чудовищного дракона тьмы. Солнце Непобе-

димое сливалось у него с образом Христа, а христианские символы он считал самыми вернымы чудодейственным средством. На своем шлеме он поместил в качестве амулета, защищающего от ударов, монограмму Христа (соединение всех букв имени в одном знаке); в свою диадему (царский венец) он вделал

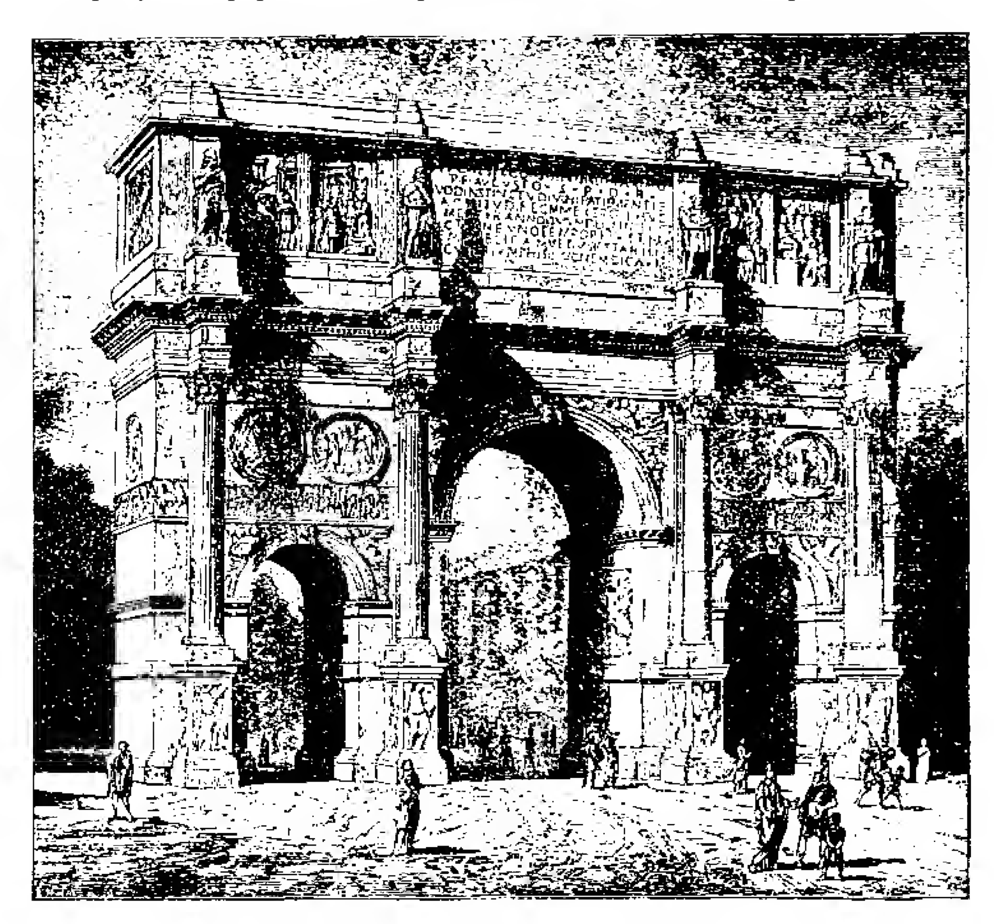
Христос — добрый настырь.

обручь из гвоздя в кресте Спасителя, найденном в Иерусалиме.

От отца своего по наследству Константин получил Галлию, Испанию и Британнию. Войной с другими императорами он приобрел сначала Рим, Италию и Африку, потом весь Восток и таким образом восстановил единство империи (324 г.).

Везде он одерживал победы благодаря поддержке христиан, а успех увеличивал его веру в силу христианства.

Так же как Диоклетиан, Константин перенес столицу из Рима на восток: близко к Диоклетиановой Никомедии, но по другую сторону Босфора, он выбрал Византию, счастливо расположенную на скрещении морской и сухонутной дороги между европейским и азиатским материками; с этой поры город называется его именем Константинополь. Так же, как при Диоклетиане, каждые 5 лет объявлялись индикции; так же продолжалось прикрепление людей к занятиям и даже в 331 году Константин издал особый указ о повинностях крепостных колонов. Так же много оставалось в империи чиновников, управлявших на местах, разъезжавших по провинциям и состоявших при канцеляриях в ожидании нового назначения.

Триумфальная арка Константина в Риме.

Только в делах веры Константин разошелся с Диоклетианом. Оба опи хотели единства религии по всей империи, но один искал поддержки у старых богов, другой уповал на новое вероучение. Константин приблизил к себе епископов, сделал их главными советниками своим: ему чудилась в них волшебная сила. Епископов он освободил от всех взносов и повинностей. Им в угоду он дал церкви право принимать вклады и наследства: в короткое время чуть-ли не одна десятая часть земель империи перешла в их руки. Одновременно он закрыл множество языческих храмов, отобрал их имущество и драгоценности, поснимал с крыш и дверей золотые украшения, а главное отменил должности почти всех жрецов и их помощников и перестал выдавать средства из казны на жертвоприношения. Теперь массами начали переходить в христианство поклонники Митры, Сераписа, Диониса, Адониса, Солнца.

Раз занявшись делами церквы, Константин должен был войти во все ее внутреиние столкновения. Его осаждали жалобами на еретиков и просьбами решать богословские споры между церковными учителями. Особенно кипела на востоке борьба из-за учения о Троичности Бога. Одни утверждали равенство трех лиц, Отца, Сына и Духа Святого, другие, последователи александрийского пресвитера (священника) Ария, считали Христа неравным Богу-Отцу. Споры между богословами переходили в кровавые бои на улицах; грозило распадение церкви. Для спасения ее единства Константин созвал в 325 году епископов на вселенский собор в Никее (в Малой Азии, недалеко от Никомедии). Сам император, в качестве «общего епископа», председательствовал в собрании. Верх взяли сторонники учения о равенстве лиц Троицы, которые признали свой взгляд православным, а мнение Ария ересью. Православные выработали символ веры (до сих пор остающийся основой христианского вероучения) и прииняли такое постановление: «что касается тех, кто утверждает, что было время, когда Сын еще неродился, или кто думает, что Сын Божий другого существа, церковь католическая (т. е. вселенская) говорит им: анафема (проклятие на веки)!»

Решение епископов как нельзя более расходилось со всем, что было до тех пор привычно грекам и римлянам в делах религии. Прежде различные боги, храмы, обряды, верования, существовали рядом, бок о бок, соперничая, но не исключая друг друга. Теперь стала устанавливаться, благодаря победе церкви, непримпримость ко всем несогласно мыслящим, какую на востоке можно было встретить только у нудейских фарисеев и у последователей Заратустры. В государственном устройстве и в религии одинаково свобода мысли и действий заменилась подчинением единому авторитету (безусловной-власти).

Конец античной культуры. Согласно решению Никейского собора Константин запретил еретикам собрания и осудил Ария

на изгнание. Но ариане далеко не признали себя побежденными. Им удалось проникнуть ко двору Константина и привлечь его на свою сторону; под конец жизни он изгнал главного противника арианства, Афанасия, епископа александрийского, составителя Никейского символа, веры. Из сыновей Константина младший, Констанций, переживший других, сделался горячим приверженцем арианства и гонителем православия.

Жестокая вражда между двумя партиями христианства вызвала надежды у сторонников язычества на восстановление старой веры. Они сплотились вокруг племянника Константинова, Юлиана, которого провозгласила императором рейнская армия, возмутившаяся против Констанция. Юлиан учился в Афинах, вырос в тесной дружбе с греческими учеными, желавшими возродить поклонение олимпийским богам; христианство было ему ненавистно за то, что отвергало всю греческую старину: не даром один из христианских писателей, Татиан, уверял, что в греческой религии и философии все нелепо, в греческом искусстве все безнравственно.

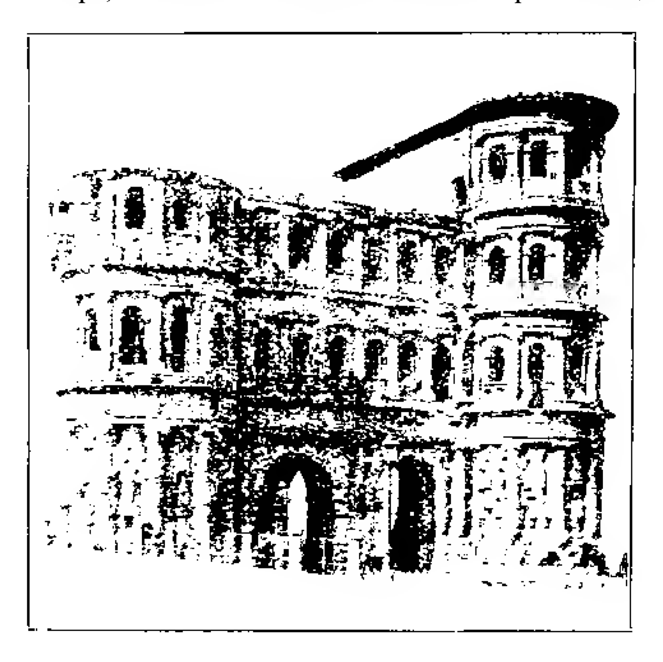
В короткое время своего правления (361—3) Юлиан, вместе со своими друзьями, испробовали все, что могли придумать язычники для спасения погибающей старой религии. В борьбе с христианами он не применял грубых насильственных мер Диоклетиана и Галерия; он старался только увеличить в их среде раздоры, а главное затруднить распространение христианства нутем школы и проповеди. Всякий желающий учить, должен был выправить себе свидетельство у самого императора. Юлиан ревностно приглашал риторов (учителей красноречия), писал и проповедовал лично против христианства. Своим собственным примером думал он помочь возрождению языческих жертв, сам выступал в торжественных обрядах, тратил огромные суммы на заклание жертвенных жнвотных. Понимая, что сила христиан в их подчинении епископам, Юлиан пытался создать такой же состав властных руководителей из языческого жречества. Но здесь-то яснее всего и обнаружилось бессилие отжнвшей веры: трудно было заместить должности при храмах, люди образованные чуждались устарелых обрядов, жрецы не пользовались уважением среди народа.

Когда Юлиан погиб, 32 лет от роду, в битве с персами, все затеянное им дело сразу рушилось. Его преемники еще более, чем Константин, стали покровительствовать церкви; разрушение старых языческих святилищ и превращение их в христианские храмы пошло еще более быстрым ходом. Все, что напоминало старину, должно было исчезнуть: из римского сената вынесли статую Виктории (богини Победы), знак былой славы Рима.

Торжество христианской церкви не придало новой прочноети государству. Восстановленная Диоклетианом и Константином империя в целом виде просуществовала не более полувека после смерти Юлиана. Около 400 года по Р. Х. нашествия гер-

манцев усилились, стали передвигаться большие племена готов, ваидалов, франков, бургуидов. В 410 году готский вождь Аларих разгромил Италию и взял Рим. В 455 году ваидальский вождь Гейзерих утвердившийся в Карфагене, подверг «вечный город», как звали Рим, еще большему разорению.

В средней Европе и на берегах Средиземного моря появляютея новые народы, германские, славянские, тюркские, приливающие с севера, и востока. Главная масса переселяющихся пле-

Так наз. Черные ворота в Трире. Остатки римской многоэтажной ностройки.

мен наппрает на империю со стороны Дуная и черноморских степей. После нескольких попыток проникнуть на ближайший к ним Балканский подуостров, кочевники отклонились к западу, в Галлию, Италию, Испанию. Греция оказалась наиболее защищенной страной южной Европы: оправдалась проницательность Диоклетиана и Константина, которые покинули Рим и перенесли столицу на восток. Западная, собственно римская часть империи погибла уже полтора века снустя после Константина (его смерть в 337 году, свержепие последнего императора на западе в 476 году); там водворились новые народы, чуждые по крови и языку италикам и романизованным иберам и галлам. Напротив, восточная эллинизованная часть империи удержалась гораздо дольше: под именем Византии она просуществовала до 1453 года, когда Константинополь был захвачен турками.

Но и Византия, одинаково с занятой германцами западной

частью римской империи, сохранила немного от античной культуры (т. е. старинной греко-римской), господствовавшей около 1000 лет вокруг Средиземного моря. После варварских нашествий и вызванных ими пожаров, после разрушения языческих храмов христианами почти не осталось зданий античной архитектуры. Исчезли так же украшения и прежияя обстановка жилищ: сначала киники и стоики, потом христиане и манихеи своими нападками на изображения богов подорвали мастерство и работу художников. Искусство и ремесло пришли в упадок еще по другой причине: разгромы городов и деревень,

Громадная бронзовая статуя имнератора Валентнниана I (нреемника Юлиана).

взыскание тяжелых повинностей, вечная тревога вызывали у множества людей глухое отчаяние, желание уйти от всякого труда и всякой службы на государство, хотя бы ценой отказа от богатства, удобств и даже самых необходимых условий жизни. Вследствие такого настроения умов со времени Диоклетиана и Константина усиливается монашество. Раньше отшельники, одинокие или соединенные в братские союзы, в роде ессеев, встречались на границе аравийской и африканской нустынь; теперь количество убегавших от человеческого общества крайне уве-

дичилось; кроме Палестины и Египта опи появились в других странах, в Малой Азии, Греции, Африке, Италии, Галлии, на Рейне и Дунае.

Изменилась не только материальная (видимая и осязательная) сторона жнзни, а так же идеальная (словесная и мысленная), прекратились народные собрания, выборы должностных лиц, смелые свободные речи к народу, кончилось вообще ораторское искусство; осталась только возможность произносить хвалебные речи правителям, а это было и очень однообразно, и плохо служнло вдохновению. В упадок также пришла школа: большая часть кииг, в свое время написанных греками и римлянами, казались теперь христианам нечестивыми и заслужнвающими уничтожения. Когда в Алексаидрии в 391 году христиане, побуждаемые епископом, под предводительством суровых монахов, прииялись громить большой храм Сераписа, загорелась знаменитая библиотека, которую старательно составляли ученые, начиная со времени первых Птолемеев. Между прочим погибли географические и астрономические сочинения греков, а вместе с тем стали забываться и многие открытия ученых, как напр., поиятие о шаровидности земли, о вращении земли вместе с другими планетами вокруг солнца; лишенные науки и шпроты кругозора, люди вернулись опять к старинному взгляду, будто солнце и звезды существуют для землті, и будто человек составляет центр мпра и вместе с тем единствеиный предмет впимания Божества.

Исчезла также привязанность к своему отечеству и своему народу. Во времена нашествий население имперских провинций не защищалось от варваров: считали, что ведение войны касается только государственной власти, к государству же относились враждебно, видя в нем только постороннюю, давящую силу. Церковь совсем не ценила унаследованных обычаев и самостоятельности народов; в ее глазах земная жизнь была лишь подготовкой к загробной, к царству не от мпра сего; в варварах она видела новых сынов сроих и скорее радовалась, чем огорчалась их приходу.

В то время, как в Европе античная культура разрушалась под напором новых народностей, на востоке готовилась великая перемена веры и обычаев, которая также послужила ударом созданиям греков и римлян. Сто лет спустя после падения западной римской империи (в 570 году) родился Мохамед, положнвший проповедью ислама начало объединению арабов в большую завоевательную силу, которая не только изгнала европейцев из Передней Азии, но еще далеко продвинулась на запад до самого Атлантического океана, захватив всю южную африканскую половину римской империи.

Судьба арабов, византийцев, славян, германцев составляет новый отдел истории культуры, который по своему характеру более тесно связан с нашим временем, чем жизнь античного мира.

Указатель

(указана страница, где термин или имя ноявилось впервые, или где дано его объяснение).